
ИРИНА ПИВОВАРОВА
ТРОЙКА С МИНУСОМ, ИЛИ ПРОИСШЕСТВИЕ В 5 "А"
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

5 "А" КЛАСС 512

П. ФЕДОРОВ

А. ЗАЛЕТАЕВА

ДИРЕКТОР ШКОЛЫ
И.П. БУЛКИН

В. ТРОФИМОВ

Т. ОДУВАНЧИКОВА

Р. АНТОНЧЕНКО

Т. ПАВЛИХИНА

В. МАЛАХОВА

В. ПАНТЕЛЕЕВА

ШКОЛЫ г. МОСКВЫ

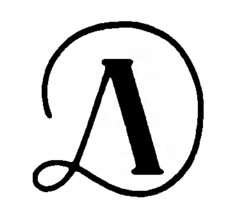

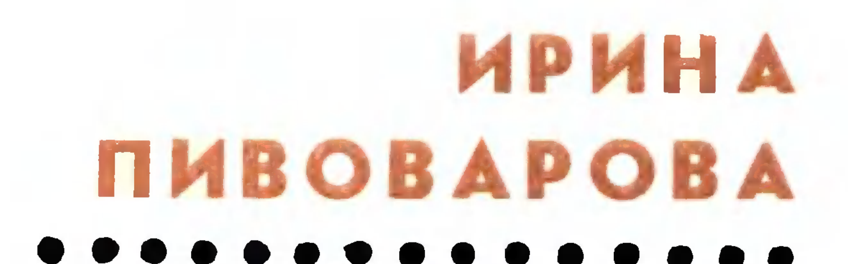

РИСУНКИ
Г. ЮДИНА

МОСКВА
«ДЕТСКАЯ
ЛИТЕРАТУРА»
1982

ТРОЙКА С МИНУСОМ, ИЛИ ПРОИСШЕСТВИЕ В 5 "А"

ПОВЕСТЬ

Р2
П32

П $\frac{4803010102-023}{М101(03)82}$ 209—82

НОВЕНЬКАЯ ОДУВАНЧИКОВА

Небо висело над городом, как огромный голубой парашют. На нём были вышиты толстые белые облака. Они никуда не спешили, стояли на месте, а среди всех этих облаков светило совсем весеннее солнце.

Ученица пятого «А» 512 школы Аня Залетаева шла в школу.

Настроение у Ани было прекрасное.

Вчера мама подарила ей новые сапожки на меху, и теперь Аня шла, украдкой поглядывала на свои сапожки и слушала, как приятно хрустит под ними снег: хруп-хруп-хруп...

Да, настроение у Ани было отличное. Солнце сверкало в небе, и все кнопочки на Анином портфеле сияли, а замок блестел так, что резало глаза.

Какой-то мальчишка шёл по улице навстречу Ане.

Увидев Аню, мальчишка этот свистнул и подкинул высоко в воздух свой видавший виды портфель. Потом он схватил его с ловкостью Олега Попова за ручку, которая была наполовину оторвана, и взглянул на Аню — вот, мол, я каков! Полюбуйтесь, люди добрые!

Но Аня не удостоила его взглядом.

Она шла не спеша, мы бы даже сказали, чинно. И этот мальчишка, конечно же, сразу понял, не мог не понять — ну, если, конечно, он не был совсем уж балдой, — что перед ним только что прошествовала самая что ни на есть настоящая отличница. Отличница из отличниц.

Он немножко посмотрел Ане вслед, сунул портфель под мышку и уныло побрёл дальше, навстречу своим двойкам, замечаниям в дневнике и выговорам учителей.

А Аня тем временем дошла до своей школы, сняла в раздевалке шубку, аккуратно засунула в рукав шапку, поправила перед зеркалом волосы, которые и поправлять-то не надо было — так безукоризненно гладко лежали они, одёрнула фартук, который и одёргивать было излишне — так аккуратно, складочка к складочке, он на ней сидел, и, взглянув в зеркало на себя в последний раз придирчиво и строго, стала подниматься по лестнице на второй этаж, где находился тот самый пятый «А», в котором она училась и о котором и пойдёт дальше речь в нашей книжке.

Утро было прекрасное.

В классе, как в большом аквариуме, плавало мягкое солнце. Оно освещало портрет Менделеева над чёрной школьной доской, два гербария и расписание занятий на нежно-салатной стене.

Зазвонил звонок. Открылась дверь. В класс вошла Нина Петровна, учительница по русскому и литературе и классный руководитель пятого «А».

Загремели отодвигаемые стулья. Класс встал, приветствуя учительницу...

Аня Залетаева тоже поднялась вместе со всеми. И как поднялась! Любо-дорого было поглядеть, как она быстро встала, не шелохнув при этом стул, как выпрямилась, как повернула голову в сторону учительницы — ну прямо точь-в-точь как курсант военно-мореходного училища на параде... Да, надо было поглядеть, как приветствовала учительницу Аня Залетаева! Этому можно было бы поучиться! Ах, как жаль, что мы уже вышли из школьного

возраста — мы бы и сами с большим удовольствием поучились у Ани.

Между прочим, не грех было бы и всему пятому «А» поучиться у неё же. Ибо стулья в пятом «А» отодвигались с таким грохотом, что даже у привычных ко всему учителей делалось испуганное и даже как бы слегка оглушённое лицо. А уж что касается осанки!.. В такую торжественную, как нам кажется, и волнующую минуту, когда учитель входил в класс, добрая половина пятого «А», можно было подумать, страдала ревматизмом. Одни еле-еле поднимались на полусогнутых ногах, другие повисали над столом наподобие вопросительного знака... Ну, а был даже такой ученик, который, видно, настолько был плох, что вообще не мог подняться со стула, хотя минуту назад он, как смерч, проносился по коридору...

Но мы, однако, задержались! Стоит ли тратить время на описание класса, приветствующего входящего учителя, когда впереди у нас столько всяких важных событий!..

Итак, пятый «А» встал, приветствуя учительницу.

Все головы разом повернулись налево, а потом стали медленно-медленно поворачиваться направо.

Нина Петровна направлялась к учительскому столу. Она была в модных туфлях на высоких каблуках. На ней была новая зелёная полосатая кофточка. И всё это ей очень шло. Но на этот раз... на этот раз пятый «А» смотрел вовсе не на Нину Петровну.

Вслед за Ниной Петровной к учительскому столу шла девочка, рыжая, невысокого роста с круглым лицом и ярко-розовыми щеками, по которым, как острова по морю, были раскиданы смешные ярко-рыжие веснушки. Брови у неё были совершенно белые. А густая рыжая чёлка доходила до самых бровей, и в ней, в этой чёлке, вспыхивало разноцветными искорками глядящее в окно солнце.

Она шла и щурилась от солнца. И улыбалась. Так и шла к учительскому столу, щурясь и улыбаясь, и нос у неё от этого морщился, и вид был ужасно весёлый.

Сидящая за вторым столом слева Гвоздева переглянулась со своей соседкой Собакиной, и обе одобрительно хмыкнули.

ЗНАКОМЬТЕСЬ,
ЭТО НОВЕНЬКАЯ...

Возле учительского стола Нина Петровна и смешная девочка остановились.

— Здравствуйте, ребята, — сказала Нина Петровна. — Я привела к вам новенькую. Познакомьтесь, пожалуйста. Это Тося Одуванчикова. С сегодняшнего дня она будет учиться в нашем классе.

При этих словах Нины Петровны Гвоздева с Собакиной опять переглянулись и даже подмигнули друг другу — Гвоздева правым, а Собакина левым глазом. Видно было, что новенькая пришлась им по душе.

— Я надеюсь, Тося, — сказала Нина Петровна, обращаясь к новенькой и беря её за плечи, — что тебе у нас понравится. Ребята у нас хорошие, дружные. Сама увидишь.

И вдруг, вместо ответа, новенькая прижала обе ладони к носу и чихнула. Гвоздева и Собакина одновременно прыснули за своим столом, а новенькая покраснела так, что её лицо стало темнее волос. Однако, посмотрев на развеселившийся класс, она тоже засмеялась.

Гвоздева и Собакина не сводили с неё влюблённых глаз.

— Будь здорова, Тося! — сказала Нина Петровна. — Учись в нашем классе на здоровье. Сейчас мы подумаем, куда тебя посадить... — И она обвела глазами класс.

А надо тебе сказать, дорогой читатель, что в пятом «А» было всего два свободных места. Раздумывать, таким образом, особенно было нечего. Одно свободное место было рядом с Верой Павлихиной, другое — рядом с Аней Залетаевой.

Место рядом с Аней пустовало всего только неделю. Раньше за одним столом с Аней сидела председатель совета отряда Ира Сыркина. Но неделю назад Нина Петровна отсадила Иру к двоечнику Агафонову...

— Ну что ж, Тося, — сказала Нина Петровна. — Видишь, вон там, в третьем ряду, свободное место? Тебе повезло. Ты будешь сидеть с нашей лучшей ученицей, с нашей старостой Аней Залетаевой.

— Бедняга... — сказала Гвоздева, со странным выражением лица взглянув на Собакину, а Собакина долго и

сочувственно кивала головой, провожая глазами новенькую.

Тося Одуванчикова шла по узкому проходу между столами и издали улыбалась своей будущей соседке, которая понравилась ей с первого взгляда.

Через секунду она уже сидела рядом с ней.

— Какой хорошенький столик! — говорила она, проводя обеими ладонями по гладкой жёлтой поверхности стола. — У нас в той школе хуже были. У нас были коричневые... А тебя Аня зовут, да?

— Да, — сказала Аня.

— А меня — Тося, — с живостью откликнулась новенькая, и её большие голубые глаза уставились на Аню, и были в них и доброжелательность, и веселье, и любопытство.

А учительница между тем разложила на столе учебники, подошла к доске и стала объяснять, какие наклонения бывают у глаголов.

— А знаешь, — не обращая никакого внимания на повелительные и сослагательные наклонения, громко и весело зашептала новенькая, — я раньше в другой школе училась, в триста первой. У нас тоже школа очень хорошая была. А потом у нас дом сломали, и нам квартиру дали. Ой, такая квартира хорошая! Двухкомнатная!

— Да? — неопределённо отозвалась Аня. Честно говоря, ей хотелось слушать объяснения, она никогда не пропускала их раньше.

— Да! — с жаром откликнулась новенькая. — Замечательная квартира! Приходи ко мне в гости, ладно? У меня знаешь как мама пироги печёт! Потрясающе! У неё на работе она лучше всех пироги печёт!..

— Как, прямо на работе? — не очень охотно удивилась Аня.

— Да нет, конечно! — засмеялась новенькая. — Ой, ну ты смешная какая! Ну как же можно на работе пироги печь! Скажешь тоже! Она дома печёт. И с вареньем, и с маком, и с капустой. А ещё у меня есть брат. Ему пять лет. Он в детский садик ходит...

Всё это произносилось совершенно без остановок, и

через десять минут Аня Залетаева, к великому своему ужасу, почувствовала, что у неё кружится голова и пол уходит из-под ног.

— ...Сослагательные наклонения... — как сквозь туман, слышала Аня Залетаева.

— ...У них в детском садике воспитательницу Мария Васильевна зовут. Ой, она такая хорошая!

— ...глаголы «возьми», «дай», «принеси»...

— ...Ну до чего смешно!.. Он прямо в лужу упал!..

Да, дорогой читатель, ты прав. Для отличницы Ани Залетаевой настали тяжёлые времена. На всех уроках новенькая трещала без умолку. Похоже было, что она жила пять лет одна на Северном полюсе и теперь никак не могла наговориться.

Это было ужасно.

На первом же уроке Аня Залетаева, никогда не пропускавшая объяснений учителей, прослушала правило по русскому.

На втором впервые в жизни получила за устный ответ четвёрку.

А на третьем новенькая вдруг полезла в портфель, вынула какой-то пакет и толкнула Аню в бок:

— Хочешь?

— А?.. — Аня подняла голову. Она писала упражнение.

— Пирога с капустой хочешь? — сказала новенькая.

— Как, прямо на уроке?! — поразилась Аня.

— Ага! — сказала новенькая. — Да ты не бойся! Мы с Нинкой Кошкиной всегда на уроках ели!

И тут Аня не выдержала.

— Как же так? — сказала Аня. — Ты, наверное, не понимаешь?.. Кто же это ест на уроках?! На уроках занимаются, а не едят!

— Залетаева! — сказал Сергей Фёдорович, учитель математики. — Я тебя не узнаю. В чём дело? Почему ты болтаешь?

Аня вздрогнула и покраснела до корней волос.

Это было первое замечание за всю её жизнь.

КАК Я МАМЕ О ЧЕТВЁРКЕ СКАЖУ?
АНЯ ЗАЛЕТАЕВА

Большие круглые часы над улицей показывали без десяти два.

Аня прошла арку с помойкой, вошла во двор. Перед ней был её дом.

«И чего я так обрадовалась, когда её ко мне посадили? — думала Аня. — Ведь это же прямо ужас какой-то! Она же мне теперь учиться не даст!»

Аня открыла дверь, вошла в квартиру.

В доме пахло мастикой. Пол в прихожей блестел как зеркало.

Маленькая лохматая Чапка прыгала и крутилась вокруг Ани. Но сегодня Ане было не до Чапки.

— Уйди, Чапка! — сказала она. — Не мешай раздеваться!

Аня повесила шубку на вешалку в стенном шкафу и направилась в комнату. Там, стоя перед зеркалом, она стянула через голову школьное платье и через минуту, уже в мамином халате, шла на кухню греть обед.

«Из-за неё я четвёрку получила! — думала она, ставя на огонь кастрюлю с супом. — Как я маме о четвёрке скажу? И замечание это ужасное... При всех!.. Каждый слышал, как Сергей Фёдорович сказал: «Залетаева, я тебя не узнаю!» И всё из-за неё, из-за этой новенькой!»

Аня глядела в окно. За её спиной булькал суп.

Аня вздохнула, налила суп в тарелку...

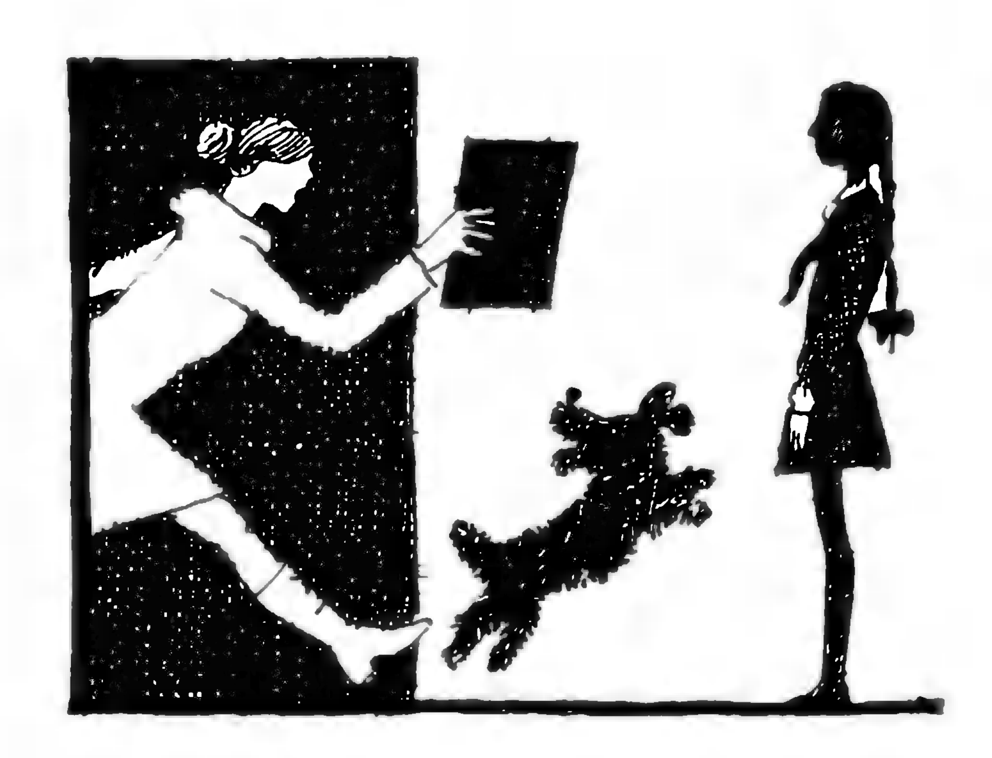
И тут зазвенел звонок.

Аня подскочила на месте и чуть не опрокинула тарелку с супом, а Чапка бросилась к дверям и залилась пронзительным лаем.

«Кто это может быть? — подумала Аня. — Мама никогда так рано с работы не возвращается».

— Анюточка! — услышала она из-за двери. — Ты что там возишься? Открывай скорее!

И через минуту в прихожую вбежала Ирина Васильевна Залетаева. Вид у неё был взволнованный, глаза блестели, из-под меховой шапочки выбивались волосы.

Она кинула пальто на табуретку в прихожей, бросила шапку на книжную полку, чего раньше никогда не делала, и принялась изо всех сил обнимать, тискать и тормошить оторопевшую от неожиданности дочь.

— Анюточка, милая, поздравляю тебя, поздравляю! — кричала Ирина Васильевна. — Красавица ты моя! Умница! Прелесть!..

— Мама, в чём дело? Что произошло?

— Что произошло? Сейчас ты всё узнаешь! Сейчас, сейчас, одну минуточку...

Ирина Васильевна схватила свою чёрную кожаную сумку и вытащила оттуда другую сумку, капроновую, жёлтенькую и вынула из этой капроновой жёлтенькой сумки какой-то журнал в ярко-синей обложке и замахала им в воздухе.

— Пляши, Анька! — крикнула она и стала быстро-быстро перелистывать журнал. — Вот! Гляди!

С белой журнальной страницы смотрит на Аню Залетаеву девочка в школьной форме.

Смотрит строго, ничуточки не улыбается.

Волосы у неё причёсаны на прямой пробор. Лоб круглый. Глаза чёрные, большие. И очень белый воротничок.

Мама родная, да это же сама Аня! Ну конечно, сама Аня Залетаева. А для тех, кто этого не знает, написано чёрным по белому: «Аня Залетаева, ученица 512-й школы, староста класса».

— Ох! — только и выдохнула Аня.

Никак не ожидала она, что тот человек в кожаном пиджаке, который приходил к ним в школу и фотографировал её среди прочих учеников, вдруг сделает такую огромную, такую замечательную фотографию! И что напишут под этой фотографией: «Аня Залетаева, ученица 512-й школы, староста класса».

Целых пять минут стояла и смотрела Аня на свою фотографию.

А Ирина Васильевна тем временем выгружала из сумки апельсины, копчёную рыбу и шоколадные конфеты. Она вытаскивала из холодильника консервированный клубничный компот и вишнёвую наливку. И накрывала на стол. И бежала на кухню ставить чайник. И звонила на работу своей подруге Тамаре Никитиной, чтобы та немедленно ехала к ним! Ведь не каждый день печатают в журналах Анечкину фотографию!

— Представляешь, сижу я на работе, — рассказывала Ирина Васильевна, — и вдруг вбегает Клавдия Ивановна, наша киоскёрша. «Ирина Васильевна, говорит, вы ещё не видели?..» — «Что, говорю, не видела?» А уже все наши в отделе головы подняли. А Раиса Николаевна даже вскочила... А Клавдия Ивановна говорит: «Вы, говорит, Ирина Васильевна, плохо за печатью следите! А между прочим, в журнале «Пионер» фотография вашей дочери помещена». Ой, что было! Ты не представляешь, как меня все поздравляли... Я на радостях двадцать номеров купила. Всем подарила по номеру. Пусть знают, какая у меня дочка замечательная!

Когда на следующий день Аня Залетаева пришла в школу, то в школе только и разговоров было, что об её фотографии в журнале «Пионер».

— Счастливая! — сказала ей Вера Пантелеева. — Теперь про тебя весь Советский Союз узнает!

— Ещё бы! — сказал Фёдоров. — За границей, между прочим, тоже узнают. Там наши журналы продаются.

— Ой, Аня, — сказала ей новенькая Одуванчикова, — ты такая вышла красивая, просто ужас! Ты на фотографии даже лучше, чем Галина Польских, честное слово!

И только Гвоздева и Собакина делали вид, что всё

это их нисколечко не интересует. И Гвоздева даже во всеуслышание сказала Собакиной:

— Подумаешь, в «Пионере» её напечатали! Меня, может, в «Огоньке» однажды чуть не напечатали. Я сама не захотела...

А Собакина добавила:

— Теперь совсем развоображается!

ПЛАН ТОСИ ОДУВАНЧИКОВОЙ

В квартире Одуванчиковых стоял чад.

Бабушка Фёкла Матвеевна Одуванчикова жарила рыбу.

Её любимая внучка, пятиклассница Тося, сидела за квадратным кухонным столиком, покрытым голубой клеёнкой с грушами и помидорами, и, обхватив лицо руками и глядя в окошко на облака, ныла:

— Бабушка, ну-у, ба-а-бушка...

— Чего тебе? — говорила Фёкла Матвеевна. Она лила в сковородку подсолнечное масло, и масло, оглушительно шкворча и скрежеща, брызгало в глаза Фёкле Матвеевне и сердило её.

— Ба-а-бушка... — ныла Тося. — Ну почему, почему она на меня никакого внимания не обращает?

В ответ раздавалось яростное шкворчание масла, синий чад расплывался по кухне и, извиваясь, медленно выползал в форточку.

— Бабушка, — ныла Тося, — ну, ба-а-бушка... Ну, я так хочу с ней подружиться!

— Вот и подружись! — сердито говорила бабушка. Она переворачивала ножиком рыбу на сковородке, рыба разваливалась на куски, а Тоська всё ныла и ныла под боком.

— А она не хочет. Я хочу, а она не хочет...

— Не хочет — и не надо, насильно мил не будешь. Чего ты к ней привязалась? Что у тебя, подружек мало?

— Да ты не представляешь, как она мне нравится! Она такая красивая! Даже не хуже, чем Галина Польских!

— Дело какое — красивая! — сказала бабушка. — Человек был бы хороший...

— Ой, бабушка, да ты знаешь, какой она хороший человек! Совершенно не понимаю, за что её Гвоздева с Собакиной «классной доской» прозвали! Никакая она не «классная доска»! Она просто очень серьёзная. И она у нас самая лучшая отличница! Вот погляди, никого в журнале «Пионер» не напечатали, а её напечатали. Ну как мне сделать, чтобы она на меня внимание обратила?.. Ты представляешь, я ей что-нибудь начну рассказывать, а она так голову повернёт, так посмотрит на меня... И я даже не знаю, что дальше сказать. По-моему, ей всё не интересно, что я говорю. Про кино рассказываю — не слушает. Про артистов — тоже не слушает. Ну, бабушка, ну про что мне такое ей рассказать, чтобы она меня слушала?

— Да про что ж ты ей можешь рассказать, круглой-то отличнице? — сказала бабушка, роясь в шкафу и вытаскивая кухонное полотенце. — Ведь она небось столько книжек прочла! А тебя попробуй за книжку усади! Только и знаешь, что телевизор глядеть целыми днями!

— Она такая гордая, — сказала Тося, не обращая никакого внимания на сердитые бабушкины слова. — Я её пирогом угощала — отказывается. Нинка Кошкина никогда не отказывалась... Бабушка, ну что мне придумать, чтобы она со мной подружилась?

Фёкла Матвеевна взмахнула кухонным полотенцем. Видно, терпению её пришёл конец.

— Сама думай, не маленькая! — сказала Фёкла Матвеевна. — У меня и своих дел полно...

Тогда Тося направилась к телефону, чтобы позвонить закадычной подружке Нинке Кошкиной и поделиться с ней своими горестями. Но только она подняла трубку, как вдруг одна хорошая мысль пришла ей в голову.

Она вспомнила про фламастеры. Про те самые фламастеры, которые дядя Коля привёз ей из Японии. Они были очень красивые. Они лежали в лакированной красной коробочке. По бокам у них вились золотые иероглифы. Они были так хороши, что Тосе даже жалко было ими рисовать...

А что, если показать фламастеры Ане? Вдруг они ей понравятся? О, если они ей понравятся, если только понравятся, пусть рисует тогда сколько хочет! Пусть возьмёт их с собой, пусть держит дома. Пусть даже насовсем заберёт их! Пусть! Тосе ничуточки не жалко! Нет, жалко, конечно, чуточку... Но ей так хочется подружиться с Аней! Так хочется!..

Утром Тося положила фламастеры в портфель и отправилась в школу.

Всю дорогу она думала об Ане и о новых фламастерах.

Она представляла, как покажет Ане японские фламастеры и как скажет при этом: «Если тебе нравятся, возьми себе!» И как обрадуется Аня, и как скажет: «Да нет, что ты, не надо!» И как она, Тося, скажет: «Возьми, возьми! Мне не жалко!» И как Аня с сияющей улыбкой положит фламастеры в портфель и скажет: «Спасибо тебе, Тося. Ты такая добрая!» И как они вместе пойдут домой из школы и всю дорогу будут смеяться и дружить.

А в это время Аня Залетаева тоже шла в школу.

Она шла и вспоминала разговор, который состоялся за ужином у них с мамой.

Вечером Ирина Васильевна, по своему обыкновению,

взяла Анин дневник — каждую пятницу она аккуратно ставила в дневник дочери свою подпись — и вдруг увидела в нём четвёрку по русскому устному.

— Анюта! — воскликнула крайне удивлённая Ирина Васильевна. — Что это?!

— Да, мама, я забыла тебе сказать... — сконфуженно забормотала Аня.

— Но в чём дело? Откуда четвёрка? Анюточка, дочка моя, что это значит?

— Ты знаешь, мама, ко мне посадили новенькую, — сказала Аня. — И она меня так отвлекает, так мешает заниматься! Она такая болтушка, такой легкомысленный человек!

— Так почему же ты мне сразу ничего не сказала? — возмутилась Ирина Васильевна. — Я бы давно уже с Ниной Петровной поговорила, чтобы она её отсадила!

— Да нет, мама, что ты! — испугалась Аня. — Я тебя прошу, не делай этого. Я просто сама виновата. Мне давно надо было с этой новенькой поговорить. Она и сама не слушает, и мне не даёт.

— Так как же ты терпишь? Поставь о ней вопрос на классном собрании. Ведь ты же староста!

— Ну зачем, мама! При чём тут классное собрание?

— Тогда дай мне слово, что ты с ней поговоришь, слышишь? — сказала Ирина Васильевна. — Дай мне честное слово.

И сейчас Аня Залетаева шла в школу и думала о предстоящем неприятном разговоре с новенькой.

ССОРА В КЛАССЕ

На школьных часах было десять минут девятого.

В пятом «А» толстая Пантелеева поливала на окне цветы.

Пантелеева сердилась.

Слева от неё стоял Спичкин и в который раз рассказывал надоевшую всему классу историю, как он ловил опасного преступника.

Пантелеева сердилась. Она проливала воду на подоконник. Спичкин ей мешал, размахивал руками.

— И вот я иду, — говорил Спичкин, — и вижу — он! Я его сразу узнал. Смотрю — точно: лицо круглое, волосы светлые, глаза серые, на левой щеке родинка... Всё совпадает. Я даже проверил, тетрадку вынул, прочитал: а вдруг, думаю, родинка на правой щеке? Нет, точно, на левой... Я тогда за ним... А он идёт себе, сумкой размахивает, делает вид, что он так просто, погулять вышел. Да меня не проведёшь! Не на такого напал! Я его сразу узнал! Очень опасный преступник! Его милиция уже два года разыскивает!

— Спичкин, лучше тряпку дай! — не выдержала Пантелеева. — Не видишь, что ли, я весь подоконник залила... Совсем помешался на своих преступниках!

Алик Спичкин перестал размахивать руками и сокрушённо уставился на Пантелееву.

— Дура ты! — сказал он. — Что с тобой разговаривать! Зря время тратить. — И он отвернулся от Пантелеевой и направился к Синицыну.

Увидев приближающегося Спичкина, Синицын вскочил из-за стола и вышел из класса. Но Спичкин последовал за ним и вскоре из коридора донеслось:

— Я его сразу узнал! Смотрю — лицо круглое, волосы светлые... Ну, думаю, не на такого напал!..

— Фёдоров, — сказала Пантелеева, — ты тряпку не видал? Никак не могу тряпку найти!

Фёдоров важно чинил карандаш.

— Поищи за доской!

— Да я искала! Ну что мне, руками доску, что ли, вытирать? Через десять минут урок начнётся, а нигде тряпки нет!

В класс вошла Ира Сыркина. Щёки у Иры были красные с мороза. На левом рукаве горели две красные нашивки председателя совета отряда.

— Ой! — сказала Ира и с отвращением вытащила из своего стола лохматую пыльную тряпку.

Сидящий рядом Агафонов не пошевелился. И бровью не повёл.

— Бессовестный! — сказала Ира. — Сидишь тут с тобой, перевоспитываешь тебя, а с тебя всё как с гуся вода!

И тут в класс вбежала Тося Одуванчикова.

Вид у Тоси был ликующий. В поднятой руке что-то блестело красным блеском. Рыжие волосы её сразу, как будто только того и ждали, загорелись на солнце.

— Что у меня есть! — кричала Одуванчикова, подскакивала и размахивала в воздухе рукой.

Пантелеева перестала вытирать доску.

Рука Фёдорова с перочинным ножом застыла в воздухе.

— Чего?.. Чего?.. — подскочили к Тосе Гвоздева с Собакиной.

Даже Агафонов и тот с заинтересованным видом уставился на Тосю.

«Так, — подумала Аня. — Сейчас опять будет хвалиться какой-нибудь ерундой! Как позавчера. Притащила в класс открытки с киноартистами... Гвоздева с Собакиной, конечно, в восторге были...»

— Ну покажи, покажи! — кричали Гвоздева с Собакиной. — Покажи, что у тебя...

А Тося смотрела на Аню и, приплясывая, направлялась к ней.

Подойдя к Ане, Тося опустила руку, разжала ладонь... и все, кто был в классе, устремились к Тосе.

— Видали? — говорила Тося, показывая коробочку всем, но обращаясь только к Ане. — Видали, что мне из Японии привезли? Ну как, а?..

— Во даёт! — зачарованно произнёс Фёдоров. — А открыть можно?

— Открывай! — милостиво разрешила Тося.

И тут все ахнули.

Толстенные фламастеры блестели в коробочке. Золотые японские иероглифы вились по их зелёным, красным, синим, жёлтым и фиолетовым спинам.

— Вот это да-а! — сказал Фёдоров. — Красотища-ща!

— Это мне дядя Коля привёз! — торжествовала Тося.

— Потрясающие карандашики! — сказала Пантелеева.

— Да какие же это карандашики! Это фламастеры! Это мне дядя Коля из Японии привёз!.. Ань, посмотри, какие красивые!

Волей-неволей Аня взглянула на фламастеры. Они действительно были прекрасны. Но почему обязательно надо хвалиться?

— Интересно, зачем ты их принесла? — сказала Аня.

— Как зачем? — растерялась Тося. — Они тебе разве не нравятся?

— Они керосином пахнут, — сказала Аня. — Убери их, пожалуйста. И вообще скоро уроки начнутся. По-моему, давно пора всем по местам садиться.

Такого поворота дела Тося никак не ожидала. Она вдруг ужасно покраснела.

Ира Сыркина с удивлением взглянула на Аню Залетаеву.

— Ну и что же, что керосином пахнут? — сказала Ира Сыркина.

— И очень даже хорошо, что пахнут! — сказала Пантелеева.

— Да замечательно они пахнут! — воскликнули в один голос Гвоздева с Собакиной. — Не слушай её, Тоська! Она думает, если она староста...

— У нас в школе нельзя фламастерами рисовать, — упрямо сказала Аня. — Убери их.

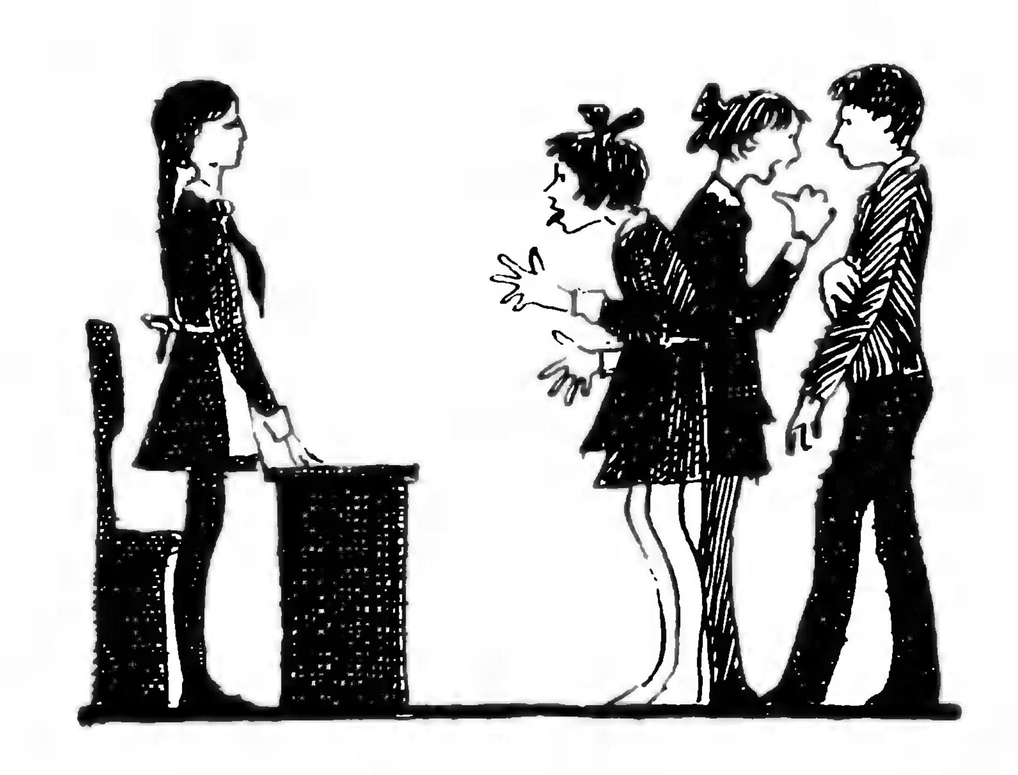
Из глаз смертельно обиженной Тоси уже готовы были брызнуть слёзы.

— Ну и пусть нельзя! — закричала она. — А я всё равно буду!

«Вот сейчас я ей и скажу! — подумала Аня. — Пусть знает. Пусть при всех услышит».

Она даже встала.

— У нас никто фламастерами не рисует, — сказала она. — И ты не будешь. Я знаю, для чего ты их принесла. Для того, чтобы похвастаться! Ты несерьёзный человек! Ты легкомысленная! Ты все уроки болтаешь! Ты совершенно не интересуешься учёбой. И если ты так будешь вести себя дальше, то я, как староста, поставлю о тебе вопрос на классном собрании!

Тося слушала всё это, вытаращив глаза.

Столпившиеся вокруг пятиклассники с удивлением взирали на эту сцену.

— А ты... — закричала Тося, — ты... вредина! Воображала! Я хотела с тобой дружить, а теперь ни за что не буду! Ты... ты... «классная доска», вот ты кто! Тебя все в классе «классной доской» зовут, поняла?..

В глубокой тишине, наступившей вслед за этим, Аня услышала, как за её спиной тихо хихикнула Гвоздева.

БУДУЩИЙ СЛЕДОВАТЕЛЬ АЛИК СПИЧКИН

На переменке огорчённая Тося отправилась в буфет.

На лестнице её нагнал Спичкин.

— Брось! — сказал Спичкин. — Не обращай ты на неё внимания! Мы её всё равно переизберём. Тоже мне староста! Не может поход в театр организовать!

— При чём тут театр? — сказала Тося.

— Как это при чём?! Очень даже «при чём»! Я ей сколько раз говорил: надо пойти на «Преступление и наказание»... А она ни в какую! Это, говорит, для взрослых. Нас, говорит, не пустят. Отговаривается, понятно?.. А ты куда, в буфет?

— Да, — сказала Тося.

— А где эти твои японские... как их?..

— В портфеле, — сказала Тося и вздохнула.

— Замечательная всё-таки страна — Япония! Там преступников много. Там на каждом шагу преступники. Эх, и жить там интересно!

— Откуда ты знаешь? — сказала Тося, становясь в очередь.

— А я кино японское видел. В одном кино пять убийств. А там сыщик один был... Он идёт, а он навстречу... Он пистолет выхватил — и за ним... А он как бросится — и в реку!.. А там лодка плыла. Он ка-ак выстрелит!.. А он ка-ак прыгнет прямо из лодки на берег — и бежать... А он за ним... А тут этот, с ножом... А он ка-ак ему даст!..

Они взяли два чая и два винегрета и сели за стол.

— Я, между прочим, тоже одного преступника выследил, — сказал Спичкин.

— Ну да?! — Тося вытаращила глаза и забыла про ссору.

— Провалиться мне на этом месте! — сказал Спичкин. — Его портрет на всех улицах висит. Его милиция уже два года ищет!

— А как же ты его выследил? — изумилась Тося.

— Я его давно выслеживал, — сказал Спичкин. — Я все его приметы в тетрадку списал и наизусть выучил. Только мне всё не везло. Никак его не мог выследить! А тут пошёл в магазин, смотрю — он! Я его сразу узнал. Лицо круглое, волосы светлые, на левой щеке родинка... Я за ним... А он идёт, делает вид, что просто так, погулять вышел. А потом раз — в подъезд зашёл. Я за ним. Он лифт стал вызывать. Ну, думаю, от меня не уйдёшь! Не на такого напал. Не подумай, что я побоюсь с тобой в одном лифте ехать!..

— И поехал?!

— Поехал! — сказал Спичкин. — Он знаешь как на меня всю дорогу глядел? У меня прямо мурашки по спине ползали! Я думал, он меня прямо тут, в лифте, убьёт...

— Ой! — Тося схватилась за щёки. — Алик, и как ты решился!.. А дальше что было?

— А дальше он из лифта вышел, а я нарочно поехал на один этаж выше. Смотрю сверху: он на площадке постоял, оглянулся — и как шмыгнёт в дверь!

— Ой! — опять сказала Тося. Про винегрет она забыла. Глаза у неё блестели, как у Спичкина. Чай стыл на столе.

— Тогда я спустился, — продолжал Спичкин, — и осторожно, на цыпочках, подошёл к двери. Смотрю — на двери написано: «А. П. Тарасов». Ага, думаю, меня не проведёшь! Ты, думаю, нарочно фамилию поменял! Нам твоя настоящая фамилия известна. Мишкин твоя фамилия, а вовсе не Тарасов. И. В. Мишкин. Понятно?.. Вот только я глаза не разглядел. Там написано — серые, а я не разглядел, какие у него. В лифте темно было.

— С ума сойти! — сказала Тося. — Просто с ума сойти!

— Ещё бы! — сказал Спичкин. — Ты что, не будешь винегрет? Я могу доесть.

— Доедай, — сказала Тося. — Алик, а ты не можешь мне показать этого преступника?

— Показать? — задумался Спичкин. — Нет, не могу.

— Ну, Алик, — взмолилась Тося, — ну пожалуйста! Я тебе за это чего хочешь дам! Ну хочешь «Два капитана»?

— Мне «Два капитана» не нужно. Мне бинокль нужен, издалека наблюдать. Есть у тебя бинокль?

— Есть. Но только не насовсем, — сказала Тося.

— Ладно, — сказал Спичкин. — Договорились. Уж в бинокль-то я разгляжу, какие у него глаза.

БОРЯ ДУБОВ

Боря Дубов шёл на работу к своему отцу, Борису Борисовичу Дубову.

«Зайду за папой, вместе пойдём домой, — рассуждал про себя Боря. — Поведу его через Сад железнодорожников. Уж очень погодка хорошая!..»

А вот и серый пятиэтажный дом. Рядом с дверью вы-

веска: «НИИ мясо-молочной промышленности». Она сверкает на солнце.

«НИИ»... — подумал Боря. — Ну и словечко! Не могут просто написать — «Научно-исследовательский институт»! А то — «НИИ...»

Немного потоптавшись на пороге и ещё раз презрительно оглядев вывеску, Боря отворил дверь.

Перед ним была лестница, покрытая ковровой дорожкой.

Направо, за перегородкой, висели пальто и шубы. Гардеробщица тётя Паша встала с табуретки.

— Ты что же нас забыл? — сказала тётя Паша, принимая из Бориных рук пальто. — А похудел-то! А вырос! Скоро отца перегонишь!

Она дала Боре синий номерок, и Боря нацепил номерок на палец и запрыгал по лестнице на третий этаж.

Там, в самом начале коридора, он постучался в дверь, на которой значилось «Б. Б. Дубов. Начальник отдела», и, не дожидаясь ответа, вошёл.

За столом, заваленным бумагами, сидел его отец, Борис Борисович Дубов.

— Привет, — сказал Дубов-младший.

— Сколько лет, сколько зим! — обрадовался Дубов-старший. — Ты чего это вдруг надумал?..

— А погодка хорошая, — сказал Дубов-младший. — Неплохо бы прогуляться!

— Прогуляться? — задумался Дубов-старший. — Прогуляться и в самом деле неплохо. Да ведь до шести ещё целых тридцать две минуты!

— А я подожду, — сказал Дубов-младший. — Вот тут у тебя в кресле посижу, ладно?

— Посиди, — сказал Дубов-старший. — На вот журнальчик, погляди. Наша сотрудница Залетаева преподнесла. Там напечатан портрет её дочери. Советую намотать на ус, какие бывают прекрасные дети...

И Борис Борисович снова погрузился в бумаги, а его сын сел в кожаное кресло и принялся читать журнал «Пионер» в ожидании того хорошего момента, когда отец освободится от работы.

Для начала Боря Дубов прочёл рассказ о пионерах, которые выращивали в колхозе репу. И посмотрел на часы. Рассказ занял одиннадцать минут. Оставалась ещё двадцать одна.

Боря вспомнил, что в журнале напечатали портрет чьей-то дочери, и стал быстро перелистывать журнал.

Оказалось, можно было и не искать. Нужная страница была заложена длинной бумажной ленточкой. На ленточке было написано: «Уважаемому Борису Борисовичу Дубову от Ирины Васильевны и Ани Залетаевых».

Сверху по странице шёл заголовок: «Будни 512-й московской школы».

Боря взглянул на часы. Стрелка с трудом одолела ещё две минуты.

Боря поглядел в окно, вздохнул и принялся изучать будни 512-й школы.

На первой маленькой фотографии два первоклассника поливали на окне цветы. Под ней было написано: «Алёша Иванов и Федя Коновалов любят ухаживать за цветами».

На второй фотографии была сразу целая куча улыбающихся во весь рот ребят, и под ней вообще ничего не было написано.

На третьей фотографии какая-то девчонка в спортивных трусах лезла по канату.

«Наверное, она, — решил Боря. — Не понимаю, что я тут должен наматывать на ус...»

Но под фотографией было написано: «Лиза Горышникова на уроке физкультуры».

Боря тяжело вздохнул и перевернул страницу.

Перед Борей была фотография девочки в школьной форме. У неё было узенькое лицо и тонкая шея. Она смотрела прямо на Борю.

Лицо у неё было ужасно знакомое.

«Кто такая?» — подумал Боря. И прочёл: «Аня Залетаева, ученица 512-й школы, староста класса».

Так вот, значит, о ком шла речь... Но почему у этой

Ани Залетаевой такое знакомое лицо? Где Боря её видел? Откуда он её знает?..

Взгляд у Ани был строгий и застенчивый.

«Наверно, ужасно умная, — подумал Боря. — В шахматы играет. На пианино, конечно, тоже. Не то что я — «Чижик-пыжик»!»

А Аня Залетаева всё смотрела на Борю Дубова.

— Ну вот, я готов, — вдруг услышал Боря и вздрогнул от неожиданности. — Ага, нашёл её? Видишь, какая девочка хорошая! Можешь себе представить, за всю свою жизнь ни одной четвёрки не получила!

— Откуда ты знаешь?

— Да у нас на работе все это знают!.. Ирина Васильевна Залетаева очень милая женщина, но у неё есть один недостаток. Когда она начинает говорить о своей дочери, остановить её невозможно... Ну как, пошли?

— Пошли, — сказал Боря и незаметно сунул в карман куртки журнал «Пионер».

РАЗГОВОР В САДУ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНИКОВ

Дубов-старший и Дубов-младший шли через Сад железнодорожников.

Сквозные лавочки по бокам дорожки выгибались, как будто пытались скинуть с себя снег. Рядом рылись голуби. Чёрные деревья протягивали к ним свои ветки. Было тихо и спокойно, и Борис Борисович, размахивая на ходу правой рукой, увлечённо рассказывал сыну об австралийских аборигенах.

— Папа, — вдруг сказал Боря, — а эта девочка... Аня Залетаева... Ты её когда-нибудь видел?

Борис Борисович прервал свою речь и даже остановился от неожиданности.

— Видел. А что?

— Да так, ничего.

Но когда Борис Борисович стал рассказывать дальше...

— Папа, — сказал Боря, — а где ты её видел? Она что, приходила к вам на работу?

— Та-ак... — сказал Борис Борисович. — Кажется, сегодня у нас торжественный вечер, посвящённый Ане Залетаевой. А я-то болтаю о каких-то аборигенах... Так что тебя интересует? Где я видел Аню Залетаеву? Отвечаю: в нашем институте. Уточняю: на первом этаже, в вестибюле, возле автомата с газированной водой... Ну, достаточно?

— Она, наверное, тут недалеко живёт?

Борис Борисович посмотрел на сына так, как будто видел его первый раз в жизни.

— Да нет, — сказал он, — где-то на другом конце города. А что?

— Да так... — смутился Боря.

А на следующий день Боря Дубов снова отправился на работу к отцу. Но на этот раз он и не подумал войти в отцовский кабинет, а принялся расхаживать по длинному жёлтому коридору взад и вперёд, взад и вперёд...

«А вдруг придёт Аня Залетаева?» — думал он.

Но Аня Залетаева не приходила.

Тогда от нечего делать Боря принялся изучать объявления, которыми был обклеен коридор. Прочёл объявления о постройке кооперативных гаражей. О том, что институтскому детскому садику требуются нянечки и посудомойки. О том, что для желающих отдохнуть, в месткоме имеются путёвки в дом отдыха «Красная Пахра»...

Потом Боря принялся за изучение противопожарных плакатов. Рассмотрел красиво нарисованных красных петухов и испуганных детей со спичками в руках. Прочёл стихи:

Без мамы и папы ты спички не тронь!
Это вызовет в доме огонь!

И ещё другие:

Граждане, берегите ваших детей
От спичек и прочих опасных затей!

А Аня Залетаева не приходила.

Тогда Боря стал читать стенгазету «Пищевик», которую он изучил уже от корки до корки. В этой стенгазете была одна заметка, читать которую Боре не надоедало никогда. В ней директор института Мочалова Виктория Валентиновна очень расхваливала начальника отдела Дубова Бориса Борисовича за важное изобретение в мясо-молочной промышленности.

Боря Дубов прочёл эту заметку пять раз подряд и оглянулся. Ему показалось, что по коридору идёт Аня Залетаева.

Но это была не Аня. Это была киоскёрша Клавдия Ивановна. Она несла под мышкой газеты.

— Здравствуй, Боренька, — сказала Клавдия Ивановна. — Ты что же это в коридоре стоишь?

И тогда Боря понял, что стоять и ждать в коридоре в самом деле глупо и бессмысленно. Можно хоть целый год простоять, а Аня не придёт. Ведь живёт она далеко, на другом конце города.

«Эх, знал бы я её адрес!» — подумал Боря.

«Ну, и что бы ты тогда сделал? — возразил он сам себе. — В гости, что ли, к ней заявился? «Здравствуйте, я ваша тётя!» Да она бы тебя сразу за сумасшедшего приняла!»

«Ну почему обязательно в гости? Взял бы, например, и письмо ей написал...»

«Письмо?! Вот дурак! Кто же это незнакомому человеку письма пишет? Да и что бы ты там написал?»

«Что хотел бы с ней подружиться...»

«Подружиться! Да очень ты ей нужен! У неё и без тебя друзей полно!»

«А я бы всё равно написал!»

«Ну что ты заладил — «написал, написал»! Адрес-то у тебя есть?»

Боря вздохнул. Адреса у него не было.

«ТАКИХ ТУТ НЕТ»

Алик и Тося составили план. План был такой.

Зайти к Тосе, взять бинокль. А потом отправиться к дому, где жил опасный преступник, и ждать, когда он выйдет из подъезда. И пойти за ним. И рассмотреть, какого цвета у него глаза. И убедиться в том, что они серые. Серые, как сталь. Как осеннее небо. Серые. Холодные. И жестокие.

Они направлялись к громадному двенадцатиэтажному новому дому, где жила Тося. И чтобы скрыть волнение по поводу предстоящей опасной встречи, Тося всю дорогу рассказывала Алику Спичкину, как раньше она жила в двухэтажном деревянном доме, как его снесли и как им дали новую квартиру.

— Да, мы жили в одной комнатке, — говорила Тося. — И дом у нас был старенький. Вокруг росли деревья. А весной можно было прямо из окна дотянуться рукой до цветущей яблони. А комнатка у нас хоть и маленькая была, но зато в ней была печка. Знаешь, какая печка замечательная! Белая, кафельная! Её можно было гладить рукой. Мы с Нинкой Кошкиной всегда играли, как будто мы её топим. Мы зажигали бумажки и клали внутрь. Жалко, что в новом доме такой печки нет!..

Тосиной бабушки, к счастью, дома не оказалось, и старый полевой бинокль спокойно перекочевал с полки на антресолях в Аликин портфель.

— Ой, Алик, я так волнуюсь, ты не можешь себе представить! — сказала Тося.

Выпив на дорожку по чашке компота, они двинулись в путь.

Прошли мимо магазина с башнями из консервных банок в витрине. Мимо жёлтого детского сада. Мимо гаража снегоуборочных машин, где во дворе стояли эти самые машины, расставив, как раки, свои клешни. Прошли мимо рынка... И оказались возле большого серого дома.

— Тут, — сказал Алик.

Оглядываясь по сторонам, они вошли в подъезд. Под-

нялись в лифте на седьмой этаж и в сумраке лестничной клетки прочли на двери фамилию «ТАРАСОВ».

Потом они спустились вниз, во двор, вошли в беседку для малышей, пригнулись и стали ждать.

Алик вынул бинокль и повесил себе на шею.

Но преступник Мишкин не появлялся.

Они ждали уже целый час.

Преступника Мишкина не было.

— Алик, у меня спина устала, — сказала Тося. — Может, мы напрасно здесь сидим? Может, он в другой город уехал? Или, может, он дома, в тепле, а мы тут мёрзнем... Давай мы к нему в дверь позвоним! Ты не бойся. Если он открывать станет, мы убежим.

— Он нас догонит, — сказал Алик.

— Ну, тогда я одна пойду, — сказала Тося. — Мне надоело тут мёрзнуть.

Она поднялась на лифте, дрожа от волнения, нажала на кнопку звонка и приготовилась было бежать. Но когда за дверью послышались быстрые шаги, с Тосей произошло что-то странное: ноги её налились свинцовой тяжестью, и она не смогла заставить себя даже пошевелиться...

Дверь распахнулась.

Перед Тосей стоял «опасный преступник». Лицо у него было круглое, волосы светлые, на левой щеке родинка.

Он стоял в жёлтой рубашке и в старых джинсах.

— Кого тебе, девочка? — спросил «опасный преступник», весело глядя на Тосю.

Глаза у «опасного преступника» были синие-синие. За его спиной стояли на полках книги. Маленькая репродукция в рамке висела на стене. На ней был мужчина в старинной одежде, а рядом бутылочка с гвоздиками.

— Мне надо товарища Мишкина, — храбро сказала Тося.

— Таких тут нет, — улыбнулся «опасный преступник». — Очень сожалею.

И закрыл дверь.

Алик и Тося возвращались домой.

Алик был настроен мрачно.

— Ты наверняка не разглядела! — в который раз говорил Алик.

— Да разглядела я! — смеялась Тося. — Чудак! Неужели я не могу хорошего человека от преступника отличить?! Только ты не расстраивайся!.. Мы ещё сколько хочешь преступников найдём!

— «Найдём, найдём...» — ворчал Алик. — Где их теперь найдёшь? На всю Москву три преступника расклеены... Это тебе не Япония!

— Как семечек хочется! — сказала Тося. — Пойдём на рынок, семечек купим, а?

И они пошли на рынок. И походили там между рядами с картошкой и морковью. И смотрели, как тётки в ватниках вешают на весах солёные огурцы. И вдыхали этот замечательный острый запах солёных огурцов... А потом Тося купила полстакана жареных семечек, и они стали их грызть, и Алик понемногу снова пришёл в хорошее настроение.

Так дошли они до Тосиного подъезда.

АГАФОНОВ

Войдя в свою новую двухкомнатную квартиру на одиннадцатом этаже, Тося, не раздеваясь, подбежала к окну, чтобы посмотреть сверху на удаляющегося Алика.

Алик шёл по улице.

Он подходил уже к жёлтому детскому саду...

Тося взглянула и похолодела.

За ничего не подозревающим Аликом вразвалочку шагал гроза пятого «А», а также пятого «Б» и пятого «В», а также всех без исключения шестых и четвёртых классов, не говоря уже о третьих и вторых, хулиган и двоечник Агафонов.

Эта коварная личность шла почти впритык к безмятежной спине Алика Спичкина. И ни у кого, кто обратил бы в эту минуту на него внимание, не возникло бы никакого сомнения, что Агафонов задумал что-то нехорошее.

Не думая ни секунды, Тося прямо в пальто и в шапке вскарабкалась на табуретку и что есть силы закричала в раскрытую форточку:

— Э-эй, А-а-лик! Берегись!

Но Тося опоздала.

В ту самую секунду, как она выкрикивала в форточку отчаянные слова, нога Агафонова стремительно вытянулась и пнула шествующего важной походкой Алика пониже спины. И конечно, ничего удивительного не было, что Алик Спичкин споткнулся и, как подкошенный сноп, полетел на землю.

Видимо, чрезвычайно довольный таким оборотом дела, хулиган Агафонов, засунув оба пальца в рот, оглушительно свистнул и, повернувшись к поверженному Алику спиной, всё так же вразвалочку пошёл в обратном направлении. Он не оглянулся ни разу. Видимо, за свою спину он был совершенно спокоен.

И как ни странно, оказался прав.

Алик Спичкин поднялся с земли, отёр рукавом снег с лица. Потом обернулся в сторону Агафонова, погрозил ему вслед кулаком и, прихрамывая, побрёл восвояси...

Тося была вне себя от гнева и возмущения.

— Хулиган! Бандит! Бессовестный! — ругала она Агафонова, и ей до смерти было жалко бедного Алика.

— У-у! — грозила она кулаком в форточку. — Гад ты! Гад! Я тебе покажу! Ты у меня получишь!..

А Агафонов медленно и с невозмутимым выражением

лица шествовал по тротуару, лихо заломив свою кроличью облезлую шапку и подкидывая ногой попадавшиеся ему по пути твёрдые ледышки. Он не подозревал ни о каких Тосиных угрозах. А если бы и подозревал, то в ответ, без всякого сомнения, нагло рассмеялся бы Тосе прямо в лицо.

Но ты, дорогой читатель, ещё ничего не знаешь об Агафонове. Мы ещё не познакомили тебя с этим фруктом. Да, если бы ты хоть немножко знал, каков был Сергей Агафонов, самый отстающий ученик пятого «А», ты сразу понял бы, что страшные Тосины угрозы были напрасны, потому что никого в жизни так не боялась добродушная Тося, никого и никогда ещё так не опасалась, как этого самого Сергея Агафонова. А почему так было, мы и намерены тебе рассказать.

Мы прекрасно понимаем, что тебе, дорогой читатель, некогда. Что у тебя забот полон рот. Что ты мечтаешь в футбол сыграть. Или, скажем, собираешься с мамой в магазин «Культтовары» за кнопками, а тут ещё мы со своим Агафоновым!

Поэтому не будем больше тянуть. И начнём наш рассказ о Сергее Агафонове как раз с того момента, как в класс пятый «А» 512-й средней школы пришла новенькая по имени Тося Одуванчикова. И не случайно мы начнём наш рассказ об Агафонове именно с этого момента. Скажем тебе по секрету, этот самый момент стал для Сергея Агафонова в некотором смысле историческим.

В то памятное утро Сергей Агафонов был, как всегда, безмятежен. На его лице с удобством размещалось то самое выражение полного безразличия ко всему, что делалось вокруг, которое сходило с него только во время крупных драк.

Когда в то утро, если ты помнишь, пятый «А» поднялся, приветствуя учительницу Нину Петровну, Сергей Агафонов не стал делать особых для этого усилий. Тем более, что выковыривать свои ноги из-под стоящего впереди стола было делом довольно длительным и хлопотливым.

Сошло. Нина Петровна не заметила. А может быть, и заметила, но ей так надоело делать замечания Агафонову, что она решила в то утро махнуть на него рукой.

Короче говоря, Сергей Агафонов не дал себе труда приподняться хотя бы на один сантиметр со стула.

В классе пригревало солнце, и было тепло и уютно. Вставшая рядом Ира Сыркина пихнула Агафонова в бок, но это подействовало на него так же слабо, как укус комара на медведя.

В этом месте, дорогой читатель, ты, чего доброго, подумаешь, что самый отстающий ученик пятого «А» был похож на медведя? Нет-нет! Скорее он был похож на небольшого тощего зайца.

Однако при долгом и пристальном взгляде на Агафонова и это впечатление скоро пропадало. Потому что ещё никому и никогда не доводилось встречать зайцев с невозмутимым и даже каменным выражением лица.

Казалось, ничто в жизни не удивляло и не могло удивить Сергея Агафонова. Казалось, ничто в жизни не могло его заинтересовать... Однако это было не так. И скоро нам представится случай в этом убедиться.

Громыхая стульями, класс стал рассаживаться.

Сергей Агафонов нехотя перевёл взгляд от окна, откуда улыбалось ему солнце, к учительскому столу... И неожиданно для себя вздрогнул.

В упор, прямо на него, улыбаясь, смотрела непонятно откуда взявшаяся рыжая девчонка.

Она глядела на него, как на старого, тысячу лет знакомого друга. И Сергею Агафонову вдруг стало как-то странно и неловко. И он даже, если признаться, ужасно вспотел.

С чего бы это?

Никогда в жизни Сергею Агафонову не было ни странно, ни неловко, даже если целых два десятка девчонок смотрели на него! А тут...

И Сергей Агафонов, незаметно для себя, слегка подтянулся и вытащил ноги из-под соседнего стола.

И это тоже было странно. И он тут же разозлился на себя за то, что он это сделал, и он снова развалился за столом, и даже ещё небрежнее, чем раньше... Но эта рыжая уже не глядела на него. Она глядела на Нину Петровну, которая что-то говорила, и кивала ей в ответ головой.

Рыжие волосы свешивались по бокам её круглого и розового, как яблоко, лица, и вспыхивали, и светились на солнце. Большие веснушки скакали вразнобой по всему лицу, а нос у неё был прямо совершенно жёлтый от веснушек, как будто она долго нюхала цветы и испачкала нос в пыльце. А потом её жёлтый нос вдруг весело сморщился, она сощурила глаза, прикрыла нос рукой и звонко чихнула на весь класс.

— Будь здорова! — одними пересохшими губами сказал вдруг Агафонов. И, наверное, первый раз в жизни густо покраснел. И посмотрел сбоку на Ирку Сыркину.

А рыжая эта девчонка уже шла по проходу между партами, уже садилась рядом с занудой Залетаевой, уже вытаскивала из портфеля учебники и тетрадки. И учительница уже объясняла у доски урок, и уже шуршали тетрадки во всех углах класса... И начиналась для Сергея Агафонова новая, совершенно ему не знакомая, странная и беспокойная жизнь.

Весь урок не сводил отстающий ученик и гроза класса Сергей Агафонов взгляда с рыжей макушки. А когда настала перемена и новенькая вышла в коридор, Агафонов, весь урок ждавший этой минуты, как вихрь пронёсся мимо Тоси и дёрнул её на полном ходу за прядь мягких рыжих волос.

На что рассчитывал Сергей Агафонов, неизвестно. Может быть, он рассчитывал на то, что новенькой понравится, что её изо всех сил дёргают за волосы. Но новенькой это не понравилось. Она испуганно охнула и поспешила в класс.

И всё пошло насмарку. Как ни старался Сергей Агафонов, какие он ни выделывал фортели, новенькая, вместо

МЫ С НИНКОЙ КОШКИНОЙ ВСЕГДА НА УРОКАХ ЕЛИ!
ТОСЯ ОДУВАНЧИКОВА

того чтобы восхищаться его силой и ловкостью, испуганно охала и старалась уйти подальше.

А однажды Агафонов решил продемонстрировать высший класс пилотажа. Он подскочил к Тосе, выхватил у неё из рук сушку и бросил её с меткостью снайпера в открытое окно, прямо на тоненький коричневый сучок рябины. Сушка, как будто только этого и ждала, весело закрутилась на сучке. Но когда Агафонов, лихо и победно сделав стойку на руках, взглянул в глаза Тоси, он увидел в этих прекрасных, почти синих глазах, окружённых мохнатыми тёмно-рыжими ресницами, совсем не то, что хотел в них увидеть. Нет, не удивление и восторг он увидел в них. А увидел он страх и презрение. Совсем не так смотрела на него теперь новенькая. Совсем не так, как в то самое утро...

И тогда Сергей Агафонов понял, что всё пропало. Он понял, что эта рыжая дура невзлюбила его, что она так и не смогла оценить его ловкость и геройство.

А когда Сергей Агафонов увидел, что она уходит из школы не одна, а в сопровождении Спичкина, он решил мстить им обоим.

И мстить жестоко.

БОРЯ ДУБОВ ПИШЕТ ПИСЬМО

Пять дней думал Боря Дубов, где ему найти адрес Ани Залетаевой. На шестой он вдруг понял, что это проще простого, и отправился к ближайшей станции метро.

Возле метро стояла круглая будка справочного бюро.

— Извините, пожалуйста, — вежливо сказал Боря, — мне нужно узнать адрес...

Женщина в будке взяла карандаш и бумажку.

— Учреждение? Живое лицо? — строго спросила она.

— Что? — растерялся Боря.

— Я спрашиваю — учреждение или живое лицо?

— Живое лицо, — неуверенно сказал Боря.

— Фамилия?

— Залетаева, — сказал Боря и покраснел.

— Имя?

— Аня.

— Анна, — поправила женщина. — Отчество?

— Не знаю, — сказал Боря.

— Без отчества не принимаем, — сказала женщина. — Кто следующий?

Боря отошёл от окошка. Аниного отчества он не знал. Да и откуда ему было знать Анино отчество? Он и Аню-то ни разу в глаза не видел. Не пойдёт же он к Ирине Васильевне Залетаевой спрашивать отчество её дочери...

«Постой-ка! — Боря стукнул себя по лбу. — Какой же я дурак! Ведь я же могу узнать адрес Ирины Васильевны! Это же проще простого! Фамилия? Залетаева. Имя, отчество? Ирина Васильевна».

Боря снова подошёл к будке.

— Я у вас хотел узнать адрес, — сказал он. — Я не знал отчества, а сейчас вспомнил.

— Говорите, — сказала женщина в будке и снова взяла карандаш.

— Залетаева Ирина Васильевна, — сказал Боря и прибавил для убедительности: — Это моя тётя.

— С какого года?

— Что... с какого года? — растерялся Боря.

— Тётя с какого года?

— Всю жизнь, — испугался Боря.

Женщина первый раз взглянула Боре в лицо.

— Ты что, не понимаешь, что я тебя спрашиваю? Тётя с какого года? Лет ей сколько?

— Н-не знаю, — упавшим голосом сказал Боря.

— Хорош племянничек! — сердито сказала женщина в будке. — Не знает, сколько лет родной тётке! Ну хоть примерно сколько?.. Тридцать? Сорок? Пятьдесят?

— Кажется, тридцать, — робко сказал Боря. — Нет, наверное, пятьдесят.

Женщина неодобрительно покачала головой.

— Без года рождения гарантии не даём, — сказала она. — Может, этих Залетаевых в Москве пруд пруди...

Но через полчаса она протянула Боре бумажку с адресом Залетаевой.

— Твоё счастье, — сказала она, — что твою тётку не Иванова Марья Ивановна зовут! — И захлопнула окошко.

Боря взял бумажку.

— «Молодёжная улица, дом семь, квартира тридцать восемь», — стал читать Боря. — Молодёжная улица, дом семь, квартира тридцать восемь. Молодёжная улица, дом семь, квартира тридцать восемь...»

— Эй, под ноги гляди! — крикнул ему стоявший на троллейбусной остановке гражданин, когда Боря чуть не опрокинул его сумку с железными банками.

Боря потёр ушибленную ногу, радостно поглядел на хозяина сумки и, положив бумажку с адресом в карман, побежал домой.

И вот прошло ещё несколько дней.

Бумажка с Аниным адресом всё лежала в кармане куртки. Когда Боря надевал куртку, эта злополучная бумажка так и жгла Борин бок. Она как будто торопила Борю: «Ну, что же ты не пишешь? Давай пиши!» Но Боря уже знал, что ни за что на свете не решится написать письмо Ане Залетаевой.

И тогда Боря Дубов решил избавиться от этой бумажки.

С превеликими осторожностями, двумя пальцами, как вытаскивают бритву, Боря вынул бумажку из кармана и понёс на кухню.

Там он чиркнул спичкой. Бумажка вспыхнула, и написанные на ней слова «Молодёжная улица, дом 7, кварти-

ра 38» через секунду стали лёгоньким рассыпающимся пеплом.

— Молодёжная улица... — задумчиво произнёс Боря Дубов, — дом семь, квартира тридцать восемь... — И вдруг бросился в комнату.

Грохнув на полном ходу дверью так, что в шкафу зазвенели и подпрыгнули рюмки, Боря подскочил к письменному столу и стал лихорадочно записывать на первом подвернувшемся клочке Анин адрес.

И вот злополучный адрес снова лежит перед Борей Дубовым.

Боря посмотрел на него, как кролик смотрит на удава, тяжело вздохнул и полез в портфель.

Он вынул из портфеля ручку и тетрадь, вырвал из середины тетрадки двойной лист, сел на стул и обречённо уставился на чистый лист.

Потом он встал, с тоской посмотрел в окно на заснежённые крыши, на большие серые облака, на стаю голубей на тротуаре и сел снова.

Он ещё покусал свою и без того уже совершенно искусанную ручку, потом вдруг подумал, что ему хочется есть, хотя есть ему нисколечко не хотелось, и пошёл на кухню. Там он с трудом съел кусок хлеба с маслом и пошёл было обратно, но вернулся и почти с отвращением выпил стакан молока. После этого он посмотрел на себя в зеркало и удивился, какой у него жалкий и несчастный вид. Тогда он принял решительное и мужественное выражение лица, гордо расправил плечи и твёрдой походкой вошёл в комнату.

Чистый лист бумаги ждал его.

Боря сел за стол и, не задумываясь, написал: «Здравствуй, Аня».

Потом он всё той же твёрдой рукой быстро перечеркнул «Здравствуй, Аня», скомкал тетрадный лист и вырвал другой. На другом он после минутного колебания написал: «Уважаемая Аня Залетаева!» — и тут же зачеркнул «уважаемую Аню». Это было ужасно. Это не лезло ни в какие ворота.

Взяв третий лист бумаги, он написал «Здравствуйте,

Здравствуйте, Аня!

БОРЯ ДУБОВ

Аня», подумал немножко и остался доволен. Да-да, так он и начнёт: «Здравствуйте, Аня». А дальше всё пойдёт само собой.

Но это было ошибкой. Что писать дальше, Боря не знал.

Всякая чепуха лезла ему в голову. Например, такие стихи: «Синеглазая девочка Аня вошла в моё сердце, как пламя».

— А, ладно, — сказал он сам себе. — Будь что будет!

И стал писать письмо. И оно вдруг само как будто написалось.

А потом Боря купил в киоске конверт и самую красивую марку — парусный корабль, плывущий по волнам, — положил письмо в конверт и пошёл на почту.

КОНВЕРТ В ПОЧТОВОМ ЯЩИКЕ

Новенькая больше не мешала Ане Залетаевой. Не вертелась, не спрашивала ластик, не трещала над ухом...

Теперь Аня могла спокойно, не отвлекаясь, слушать объяснения учителей. Но на душе у неё было нехорошо. Снова и снова вспоминала она все подробности ссоры с Тосей Одуванчиковой и думала о том, что, наверно, была неправа.

Ужасные слова «классная доска» всё время вертелись у неё в голове. Она никогда не предполагала, что в классе ей могут дать такое обидное, такое ужасное прозвище.

«Классная доска», «классная доска»... Значит, они меня не любят? — думала она, поднимала голову и глядела на Фёдорова, на Витю Синицына, на Тамару Павлихину. — Неужели они все меня не любят? Неужели и Ира Сыркина тоже?.. Может, она только поэтому и пересела к Агафонову?»

Раньше Аня никогда не задумывалась над тем, любят её в классе или не любят. Но теперь... Теперь она только об этом и думала.

«Ну конечно, конечно, меня не любят! — говорила она себе. — Никто, никто не любит! И как только я раньше этого не замечала?»

И оттого, что теперь она была убеждена, что её в классе не любят, она стала сама сторониться своих одноклассников и чувствовала себя от этого ещё более одинокой.

На уроках она украдкой смотрела на Тосю.

«Наверно, тот пирог был ужасно вкусный! — думала Аня. — Зря я его не попробовала... Теперь она меня никогда не угостит!»

И Аня вздыхала. Теперь ей очень хотелось, чтобы Тося повернулась к ней и рассказала бы шёпотом прямо на уроке какую-нибудь пустячную историю про Нинку Кошкину или про новое кино... А уж за тот самый пирог с капустой Аня сейчас, кажется, полжизни бы отдала.

Но Одуванчикова молчала.

И пирогов с капустой не предлагала.

И даже не поворачивалась в Анину сторону.

А уроки между тем шли своим чередом. И всё было как обычно. И Нина Петровна хвалила Аню. И Сергей Фёдорович ставил её в пример. И не знала, не догадывалась отличница и гордость класса Аня Залетаева, что скоро на неё свалятся такие неприятности, по сравнению с которыми ссора в классе покажется ей ерундой на постном масле.

А всё началось с письма.

Да, всё началось с письма, после которого Аня Залетаева почувствовала себя сначала самым счастливым, а потом самым несчастным человеком на свете.

Впрочем, расскажем обо всём по порядку.

Занятая невесёлыми мыслями, возвращалась в тот день Аня домой. Ссора в классе не выходила у Ани из головы.

Войдя в подъезд, она подняла голову, машинально взглянула на почтовый ящик.

Там что-то лежало.

Аня вытащила из кармана ключ.

Ей в руки выпали «Известия», «Радиопрограмма» и какой-то голубой конверт.

«Наверняка от дяди Шуры из Харькова...» — подумала

Аня и хотела прочесть обратный адрес. Но тут её как будто холодной водой облили...

На конверте было написано: «Ане Залетаевой. ЛИЧНО».

Обратного адреса не было.

Вверху, в правом углу, была приклеена большая марка — плывущий парусник с надутыми белыми парусами. И как только Аня посмотрела на неё, все плохие мысли разом вылетели у неё из головы.

С прояснившимся лицом Аня бросилась по ступенькам наверх.

Дома она швырнула портфель в угол, чего раньше никогда не делала, и хотела сразу же открыть конверт. Но передумала.

«Сначала пообедаю», — решила она.

Конверт лежал перед Аней на столе, и она не понимала, что́ ест. Ещё ни разу в жизни Аня не получала писем.

«Кто же это написал? — думала она. — Может, Зина Зуева из бабушкиной деревни?.. Нет, вряд ли Зина... Какая красивая марка! И какой почерк красивый — круглый, аккуратный...»

Аня смотрела на конверт. Она не сводила с него взгляда. Ей так хотелось поскорее раскрыть конверт, поскорее прочесть письмо! Но она нарочно заставляла себя терпеть.

Она и раньше развивала в себе силу воли.

Например, если мама приносила из магазина зефир в шоколаде или ещё что-нибудь такое, что ей хотелось съесть

немедленно, она заставляла себя целых три дня не прикасаться к этим вкусным вещам и съедала только на четвёртый день.

Или, если погода была хорошая и Ане не хотелось делать уроки, а хотелось гулять и пить на улице газировку, она всё равно садилась за уроки.

Вот и сейчас. Кончив обедать, она заставила себя ещё подмести кухню и только тогда взяла в руки письмо.

Марка была в самом деле замечательная! Парусник нёсся на всех парусах. Волны были крутые: наверно, дул сильный ветер... Ане стало весело. Ей стало так весело от того, что кто-то незнакомый приклеил на конверте такую славную марку! Может быть, он специально её выбрал в магазине?

Аня медленно и аккуратно оторвала самый краешек конверта и осторожно вынула из него сложенный пополам тетрадный листок. Она захотела прочесть его сразу, немедленно, но сначала вымыла оставшуюся после обеда посуду и только тогда взялась за письмо.

Вот что там было написано.

«Здравствуйте, Аня!

Это пишет Вам Борис Дубов, ученик шестого класса 628-й школы. Извините, пожалуйста, что я Вам пишу письмо, хотя мы с Вами совсем не знакомы. Мне вообще ужасно стыдно Вам писать письмо. Мне кажется, что Вы будете смеяться над таким дурацким письмом. Аня, если Вам будет смешно или неприятно его читать, то выкиньте его на помойку. Я не обижусь.

Аня, две недели тому назад я впервые увидел Вашу фотографию в журнале «Пионер» у моего папы на работе, где также работает Ваша мама, Залетаева Ирина Васильевна. Мне очень понравилась Ваша фотография. Когда я на неё смотрю, мне кажется, что Вы очень хороший человек! У Вас лицо такое серьёзное и такое умное!

Я теперь про Вас часто думаю. Мне кажется, что Вы должны здорово играть в шахматы. И наверное, Вы книжки читаете самые интересные и самые важные на свете. И наверное, Вы лучше всех катаетесь на коньках! Я всё

думаю, как было бы хорошо с Вами подружиться! Мы бы тогда могли вместе играть в шахматы и ходить на каток. Но только я думаю, что Вы не захотите со мной дружить. У Вас, наверное, и так много друзей. Но если Вы захотите со мной дружить, то я буду очень рад. Я Вам тогда подарю все свои лучшие марки. У меня знаете сколько марок! Целых три альбома! Если захотите, я Вам их все подарю. Только там есть не очень хорошие. А ещё у нас дома много книг. У нас папа их собирает. Если Вам захочется, то можете приходить к нам и их смотреть. У нас очень красивые книги. И стихов у нас много есть. Вы, наверное, стихи тоже любите.

Аня, Вы, конечно, знаете, что скоро у наших родителей на работе будет детский концерт. Вы, наверное, придёте? Если Вы придёте, я Вас сразу увижу. И я тогда к Вам подойду и скажу: «Здравствуйте, Аня». А если Вы не захотите со мной разговаривать, то можете просто отвернуться или уйти. И я тогда сразу пойму, что Вы со мной дружить не хотите.

Желаю Вам всего хорошего.

Уважающий Вас Борис Дубов».

АНЯ ВЗВОЛНОВАНА

Итак, двенадцатого декабря тысяча девятьсот семьдесят... года в четырнадцать часов тридцать пять минут по московскому времени в жизни ученицы пятого класса «А» 512-й московской средней школы Ани Залетаевой произошло важное и глубоко взволновавшее её событие.

Она получила письмо.

Письмо это было необычное. Оно было не из Харькова от дяди Шуры, родного брата Аниной мамы, и не из деревни Малые Выселки, где жила Анина бабушка и где у Ани была подруга Зина Зуева... Нет-нет! Это было письмо от совершенно незнакомого Ане человека. Да ещё от мальчика. Да ещё от шестиклассника! И писал этот мальчик не просто какую-нибудь там ерунду, а предлагал Ане свою дружбу!.. Да, такое в жизни случается

не часто. Во всяком случае ни с нами, ни с нашими знакомыми такого не случалось.

И неудивительно поэтому, что Аня разволновалась не на шутку.

Пока Аня читала письмо, щёки её краснели всё сильнее. Буквы и слова так и прыгали перед глазами и то и дело расплывались в туманные пятна.

Сначала, честно говоря, она даже не совсем понимала, о чём идёт речь. Потом ей стало казаться, что это ошибка, что это письмо не может быть ей. Но когда, наконец, она прочла письмо до конца, сомнений у неё больше не оставалось. Это прекрасное, замечательное письмо было адресовано ей, и только ей. И писал его Борис Дубов, ученик шестого класса 628-й школы.

Аня с трудом перевела дух. Сердце её колотилось так, что готово было, как говорится, выпрыгнуть из груди.

Нет-нет, мы уверены, что Аня Залетаева не была «классной доской»! Гвоздева и Собакина заблуждались. Ах, в Аниной груди билось горячее сердце. Иначе она не обрадовалась бы так письму Бори Дубова. Иначе не перечитывала бы его сорок раз подряд. Иначе не кружилась бы с ним по комнате под вальс Грибоедова, который в это время передавали по радио... Нет, Аня Залетаева не была «классной доской»!

— Боря Дубов, Боря Дубов, — повторяла она. — Какое хорошее имя!..

Нельзя сказать, чтобы имя Бори Дубова было для Ани совершенно незнакомо.

Однажды, придя к маме на работу, она мельком видела Борю Дубова. На Боре была зелёная клетчатая ковбойка и синие джинсы. Он стоял в очереди в институтской столовой и что-то увлечённо рассказывал высокому мужчине в сером костюме и голубой рубашке — своему отцу Борису Борисовичу Дубову, о котором Аня много раз слышала от мамы.

Из репродуктора неслись нежные звуки вальса, и Аня с письмом в руках и бьющимся от радости сердцем кружилась по комнате.

Ах, ей было ужасно весело! Но поскольку, и мы должны честно в этом признаться, Аня не очень-то хорошо танцевала, скажем прямо — совсем плохо, то она скоро довольно сильно ударилась об угол стола и остановилась, потирая ушибленное место. Однако радость её была так велика, что ничуть не померкла из-за этого маленького непредвиденного обстоятельства, и она собралась было сплясать ещё что-нибудь, теперь уже под вальс из «Лебединого озера», но вдруг спохватилась, как бы не пришла раньше времени с работы мама и как бы не увидела у неё в руках письмо от Бори Дубова.

Ей вовсе не хотелось, чтобы мама видела это письмо, и поэтому она аккуратно засунула его обратно в конверт, положила конверт в школьный дневник и спрятала дневник в портфель.

«Потом уберу подальше!» — решила она.

После этого Аня разложила на столе учебники и стала готовить уроки.

НЕОЖИДАННОЕ РЕШЕНИЕ

Но на этот раз уроки не давались Ане Залетаевой.

Битый час просидела она над учебником русского языка. Она почему-то никак не могла взять в толк, о чём говорится в учебнике.

— «Имена существительные, — читала она, — бывают собственные и нарицательные...»

И это, казалось бы, было очень просто. Ну, подумаешь, имена существительные бывают собственные и нарицательные! Но странно, Аня никак не могла понять, что это значит...

— Имена существительные, имена существительные, — твердила она, а потом начинала вдруг думать: «А что это такое — имена существительные?.. Какие-то имена существительные! Что за «существительные»? И почему «имена»?»

И тут вместо имён существительных возникало перед Аней лицо Бори Дубова с прямыми бровями и кудрявыми волосами. Волосы и брови Аня помнила хорошо. Она только не помнила, какие у Бори Дубова глаза — светлые или тёмные? И вместо того чтобы учить правило по русскому, она говорила себе:

— Светлые. Нет, не светлые... Тёмные. Нет, кажется, светлые...

И тут вдруг у Ани возникло, помимо её воли, неожиданное и непреодолимое желание узнать, узнать немедленно, сию же минуту, светлые у Бори Дубова глаза или тёмные.

И это желание было таким сильным, что староста и лучшая ученица пятого «А» отодвинула учебники и побежала в переднюю одеваться...

Она решила ехать в мамин институт.

Да, это было странно.

Это было совсем непохоже на Аню Залетаеву. На Аню, всегда такую собранную и дисциплинированную... На Аню, которая целых четыре дня могла не прикасаться к зефиру в шоколаде. На Аню, которая ни разу в жизни не вставала из-за стола, не сделав всех домашних заданий.

Но человек — штука сложная. Бывают минуты в жизни, когда он вдруг поступает вовсе не так, как поступал всегда и как того ждут от него окружающие.

«Только загляну в институтскую столовую и вернусь, — сказала себе Аня, натягивая шубку из сусличьих шкурок, синюю вязаную шапку и новые чёрные сапожки с блестя-

щей пряжкой, недавно подаренные ей мамой ко дню рождения. — Вот только загляну один разик, и всё!»

Где находится мамина работа, она помнила прекрасно, хотя бывала там очень редко. Мамина работа была очень далеко. Ехать туда надо было не менее часа. Аня никогда ещё не ездила туда одна, но это её не смущало. Единственно, что её смущало, было то, что она может там нечаянно встретить маму...

Да, мысль об этом привела Аню в некоторое замешательство. Может быть, позвонить маме и предупредить её, что она собирается приехать? Нет, мама ни за что не разрешит ей ехать одной! Ни за что!.. Так что же делать? Что придумать?

Аня была уже одета. Думать в шубе и сапогах было жарко, Аня вся вспотела, но так ничего и не придумала. Тогда она махнула рукой и решила:

«Будь, что будет! В конце концов, институт такой большой! Совсем не обязательно я должна встретить там маму».

И только она так решила, как сразу успокоилась и выскочила из тёмного подъезда на улицу.

Ох, какое тут было солнце!

Оно светило, сияло изо всех сил. И снег на деревьях, крышах и заборах сверкал ослепительно, и дым шёл из труб кверху, прямо в синее-синее небо!

«Ура!» — захотелось крикнуть Ане, но она не крикнула. Ведь она была староста класса и круглая отличница и не какая-нибудь там первоклассница, а как-никак училась в пятом. А это вам не шутки!

Всё-таки она не утерпела и немного подпрыгнула по дороге, но тут же оглянулась: не видел ли кто и не подумает ли про неё чего плохого...

Но люди шли по своим делам. Никто не обращал на неё никакого внимания, и тогда Аня совсем забыла, что она староста и отличница учёбы, и принялась подпрыгивать так, что голуби испуганно шарахались во все стороны.

Бодрым галопом Аня проскакала через три проходных двора и оказалась на большой шумной московской улице.

Ну и весёлая же была Москва в этот солнечный зимний день!

Бежали машины, звенели трамваи, и самолёты летели в небе, и торопились по улице прохожие... Всё двигалось и спешило. И Аня незаметно для себя прибавила шагу. Она почти побежала. И ей стало приятно оттого, что она так торопится вместе со всеми, и ей даже показалось, что все эти люди, и она вместе с ними, спешат по какому-то одному и очень важному делу, и она сделала такое же озабоченное, как у других людей, лицо.

Почти все люди на той стороне улицы направлялись в метро. И Аня тоже вошла вместе со всеми. Опустила в автомат пять копеек, осторожно, бочком прошла в узенький проход — она всегда боялась, что её прихлопнет какой-то штукой, которая выскакивает из автомата, — и села в поезд, и поехала с пересадками до станции «Электрозаводская», где на тихой маленькой улице помещалось пятиэтажное серое здание научно-исследовательского института мясной и молочной промышленности.

«Надо будет попросить у мамы шахматы, — думала Аня. — Надо поскорее научиться... А кто же меня научит?.. Придётся записаться в шахматный кружок. Нет, там, наверное, очень долго. Надо самой побыстрее... Это, я думаю, не очень трудно. Куплю самоучитель и быстренько научусь». И Аня вспоминала, что могла научиться

играть в шахматы ещё летом, в пионерском лагере, и ругала себя, что не сделала этого.

«А как же быть с коньками?» — думала Аня.

Кататься на коньках она, правда, умела, но с грехом пополам. Она не любила ходить на каток. Ей не нравилось, что там все толкаются, и она всегда боялась упасть и разбиться. Но сейчас она решила во что бы то ни стало научиться кататься на коньках не хуже Агафонова, и для этого ходить на каток каждый день, начиная с сегодняшнего вечера.

Сделать это было нетрудно. Каток был в соседнем дворе.

Аня сидела в метро и старательно подсчитывала, сколько дней остаётся до концерта. Оставалось восемнадцать дней...

Надо было решить ещё один вопрос: любит ли она стихи?

Этого она не знала.

Да, конечно, она любила стихи, которые они учили в школе. Например, «Крестьянские дети» Некрасова из поэмы «Кому на Руси жить хорошо» или «Русь» Кольцова. Но любит ли она другие какие-нибудь стихи, она не знала, потому что никогда их не читала.

«Надо будет взять в библиотеке», — думала Аня.

Но какие именно надо взять в библиотеке стихи, она тоже не знала. Боря не написал, какие стихи он имеет в виду.

«На всякий случай возьму побольше всяких», — подумала Аня и успокоилась.

Оставались только марки. Ну, марки... это она любила. У неё у самой было собрано штук двадцать пять марок. Они все были совершенно новенькие, неиспользованные, и Аня ими очень гордилась.

А дорога всё не кончалась. Аня сделала две пересадки, и ей ещё надо было проехать целых три остановки. Время тянулось бесконечно. Но вот наконец поезд подъехал к станции «Электрозаводская», и Аня первой выскочила из раскрывшихся дверей. Не помня себя, она добежала до здания института и остановилась только в раздевалке.

— Ты к кому, девочка? — спросила её пожилая гардеробщица в меховой чёрной безрукавке поверх голубого линялого халата.

— Я?.. К маме, — довольно храбро сказала Аня, и её пропустили.

По институту ходили люди. Бегали озабоченные женщины с папками, торопливо продвигались мужчины с толстыми портфелями. Какая-то старушка несла термос. Она посмотрела на Аню лукаво.

Научно-исследовательский институт мясо-молочной промышленности был очень уютный. Всюду были длинные жёлтые коридоры. Их стены украшали красивые противопожарные плакаты.

В коридорах было много комнат, которые то и дело открывались и закрывались. Из них выходили люди и удивлённо оглядывали Аню с ног до головы.

Аня поднялась на третий этаж и направилась в дальний конец коридора, в институтскую столовую.

ВСТРЕЧА В ИНСТИТУТСКОЙ СТОЛОВОЙ

— Анюта! — вдруг услышала она за спиной полнозвучный женский голос и вздрогнула от неожиданности. — Ты ли это? Что ты здесь делаешь?

Аня обернулась. Перед ней, сияя мохеровой оранжевой кофточкой, крутыми жёлтыми кудрями и чёрными лакированными туфлями, стояла мамина подруга тётя Тамара Никитина. Вокруг её тяжеловатой фигуры распространялось тёплое облако духов «Жди меня».

— Анюточка! — продолжала громко восклицать тётя Тамара. — Как ты выросла! Как похорошела! Какие у тебя чудные сапожки! Где мама их достала? Надо и мне своей Нинке такие купить!

Всё это тётя Тамара произносила, обнимая и тормоша изо всех сил Аню. Запах духов «Жди меня» щипал Ане глаза.

— Постой-ка, — вдруг сказала тётя Тамара, отстраняя Аню, — да ведь Ирина, кажется, и понятия не имеет,

что ты здесь! Я только что её видела. Ты, наверное, её ищешь?.. Пойдём же скорее к ней!

И она потащила слегка упирающуюся Аню по коридору, и вскоре младший научный сотрудник научно-исследовательского института Залетаева Ирина Васильевна была немало удивлена, увидев так неожиданно перед собой свою дочь.

— Анюта... — произнесла она, широко открыв глаза. — В чём дело?! Почему ты здесь?

— Понимаешь, мамочка... — забормотала вконец растерявшаяся Аня. — Я... мне... Ну, я соскучилась... вот и приехала.

— Но кто тебе разрешил ехать одной в такую даль?

Аня не отвечала. Ей никто не разрешал ехать.

— Уроки ты, по крайней мере, сделала? — продолжала вопрошать Ирина Васильевна.

— Да, — сказала Аня.

Вокруг стояли и глядели на неё мамины сотрудники, и она не решилась признаться в том, что уроки ещё не сделала.

— Ах, Ирина Васильевна, какая у вас дочь умница! — вздохнула одна из маминых сотрудниц, Раиса Николаевна. — Не то что мой балбес... Он, по-моему, вообще уроков не делает.

— А моя посидит кое-как минут пятнадцать — и на улицу. Никакого сладу с ней! — пожаловалась другая, имени которой Аня не знала.

— Да, — сказала третья, — вам, товарищ Залетаева, позавидовать можно.

Ирина Васильевна осталась, видимо, довольна такими приятными словами своих сотрудниц, и поэтому она взглянула на Аню теперь уже не так строго.

— Ты пообедала? — спросила она Аню.

— Пообедала, — отвечала Аня. Но, спохватившись, сказала: — Только я очень пить хочу, мамочка.

— Она пить хочет, — ласково заулыбались сотрудницы. — Молодая, набегалась... Ирина Васильевна, между прочим, у нас в буфете лимонад есть!

— Ну пойдём, я угощу тебя лимонадом, — сказала

Ирина Васильевна. — Но в следующий раз, пожалуйста, так не поступай. Предупреждай меня, по крайней мере.

И мама с дочерью отправились на третий этаж в институтскую столовую.

В столовой было уже совсем мало народу. Обеденный перерыв кончился. Две женщины в грязноватых белых передниках мыли в тазу тарелки и стаканы. Одна вытирала тряпкой зелёные и красные столики. Буфетчица поправляла в витрине покосившуюся плитку шоколада «Алёнка». Было тихо, и пахло не очень вкусной едой.

Мать и дочь Залетаевы взяли в буфете бутылку тёплого лимонада и сели его пить.

И тут — ты, наверное, не поверишь, но это случилось в самом деле, и мы готовы тебе в этом поклясться, — тут отворилась дверь столовой, и в неё вошли — Аню бросило в жар — высокий подтянутый мужчина в тёмно-сером костюме и мальчик в ковбойке, но на этот раз не в зелёной, а в синей с коричневым.

Да-да, это были Борис Борисович Дубов и его сын Боря Дубов, ученик шестого класса 628-й средней школы.

Войдя в столовую, оба остановились и как будто бы растерялись. Оживлённый разговор между ними почему-то мигом прекратился, и даже казалось, что они тут же забыли об этом разговоре. Выражение их лиц переменилось. Смеющееся лицо мужчины вдруг стало растерянным и несколько даже ошарашенным, а весёлое и беззаботное лицо мальчика приняло суровый и, мы бы даже сказали, вызывающий вид.

Дубовы смотрели на Залетаевых. Залетаевы смотрели на Дубовых.

Впрочем, мы выражаемся неточно. Не все Дубовы смотрели на Залетаевых, и не все Залетаевы смотрели на Дубовых.

Аня смотрела в стакан с лимонадом. И смотрела она в него с таким пристальным интересом, как будто там плавала золотая рыбка. А внимание Бори было приковано к большому шоколадному набору, красовавшемуся

на самом видном месте буфетной стойки. Наверное, Боря очень любил шоколадные наборы.

Итак, Борис Борисович Дубов смотрел на Ирину Васильевну Залетаеву, а Ирина Васильевна Залетаева смотрела на Бориса Борисовича Дубова.

Лицо Бориса Борисовича снова приняло из растерянного прежнее приветливое выражение, и он, слегка наклонив голову, вежливо произнёс:

— Добрый день, Ирина Васильевна. — Причём светлые проницательные глаза Бориса Борисовича скользнули с лица Аниной мамы и остановились на Ане, разглядывая её внимательно и не без некоторой, скрытой где-то очень глубоко и оттого еле заметной, лукавой усмешки.

Лицо Аниной мамы осветилось приятной и любезной улыбкой.

— Здравствуйте, Борис Борисович, — с готовностью отозвалась она. — А мы вот тут лимонад пьём... Присоединяйтесь...

— Спасибо, Ирина Васильевна, — ответил Борис Борисович. И при этом очень быстро и внимательно взглянул на своего сына, который с неприступным и гордым видом оглядывал теперь в витрине банку баклажанной икры.

— Ну как, Борис Борисыч, составим компанию?.. — спросил отец.

Мальчику ничего не оставалось, как кивнуть. Впрочем, банка баклажанной икры по-прежнему его очень занимала. Наверное, он и к баклажанной икре был неравнодушен.

— А мы вот тут с дочкой... — говорила Ирина Васильевна, пока Борис Борисович ставил на стол ещё две бутылки лимонада. — Представляете, явилась вдруг моя красавица, прямо как снег на голову. Я даже испугалась. Ведь мы на другом конце города живём!..

При этих словах Борис Борисович опять как бы невзначай взглянул на сына, а сын его нахмурился и как-то странно дёрнул головой.

— А она, видите ли, соскучилась, — продолжала Анина мама и в знак того, что она больше не сердится, кокетливо дёрнула Аню за косичку.

Тут Аня тоже нахмурилась и тоже, как Боря, дёрнула головой.

— Гм... — сказал Борис Борисович. — Вашу дочь, кажется, зовут Аня?

— Да. Анечка! Я назвала её так в честь бабушки... Анюта, почему ты молчишь? Ты ведёшь себя неприлично. Поздоровайся с Борисом Борисовичем!

— Здравствуйте, — выдавила из себя Аня, не поднимая глаз от стакана.

— Здравствуйте, — вежливо ответил Борис Борисович. — А теперь разрешите, Ирина Васильевна, познакомить вас и вашу дочь с моим сыном.

И он опять быстро и даже с некоторой тревогой посмотрел на сына, у которого вдруг ни с того ни с сего так покраснели уши, что казалось, поднеси к ним спичку, и они вспыхнут, как бенгальские огни.

— О да! Конечно! — обрадовалась Ирина Васильевна. — У вас такой милый сын! Совсем большой... Анюта, ну познакомься же! Ну протяни мальчику руку!.. Аня, ну что с тобой?..

Отчаянным усилием воли Аня оторвала взгляд от стакана и переместила его куда-то на середину груди Бори Дубова, где был приколот значок с портретом Гагарина.

Протянутая рука её была холодна как лёд.

Как во сне, она ощутила слабое тёплое пожатие и с большим трудом вернула руку в прежнее положение, то есть согнула её в локте и положила на колени, на школьный чёрный фартук.

Боре, по-видимому, всё это было глубоко безразлично. Только банка баклажанной икры продолжала занимать его внимание. И пока его отец о чём-то разговаривал с матерью Ани, а Аня сидела, как гипсовая статуя в парке культуры и отдыха, изображающая школьницу с книгой на коленях, Боря не сводил глаз с этой самой банки. Видимо, он просто обожал баклажанную икру.

От лимонада и Боря и Аня дружно отказались.

— Ну вот и познакомились, — сказала Ирина Васильевна, с беспокойством глядя на застывшую Аню.

НУ, ВОТ И ПОЗНАКОМИЛИСЬ!

— Ну что ж, пора работать, — сказал Борис Борисович. — Мы засиделись.

И все четверо стали подниматься, причём Боря уронил стул.

А потом все направились по ковровой дорожке вон из научно-исследовательской столовой. Первыми шли Борис Борисович Дубов и Анина мама. А за ними деревянной походкой шествовали, глядя в разные стороны, Боря Дубов и Аня Залетаева.

«ВСЕ ПРОПАЛО»

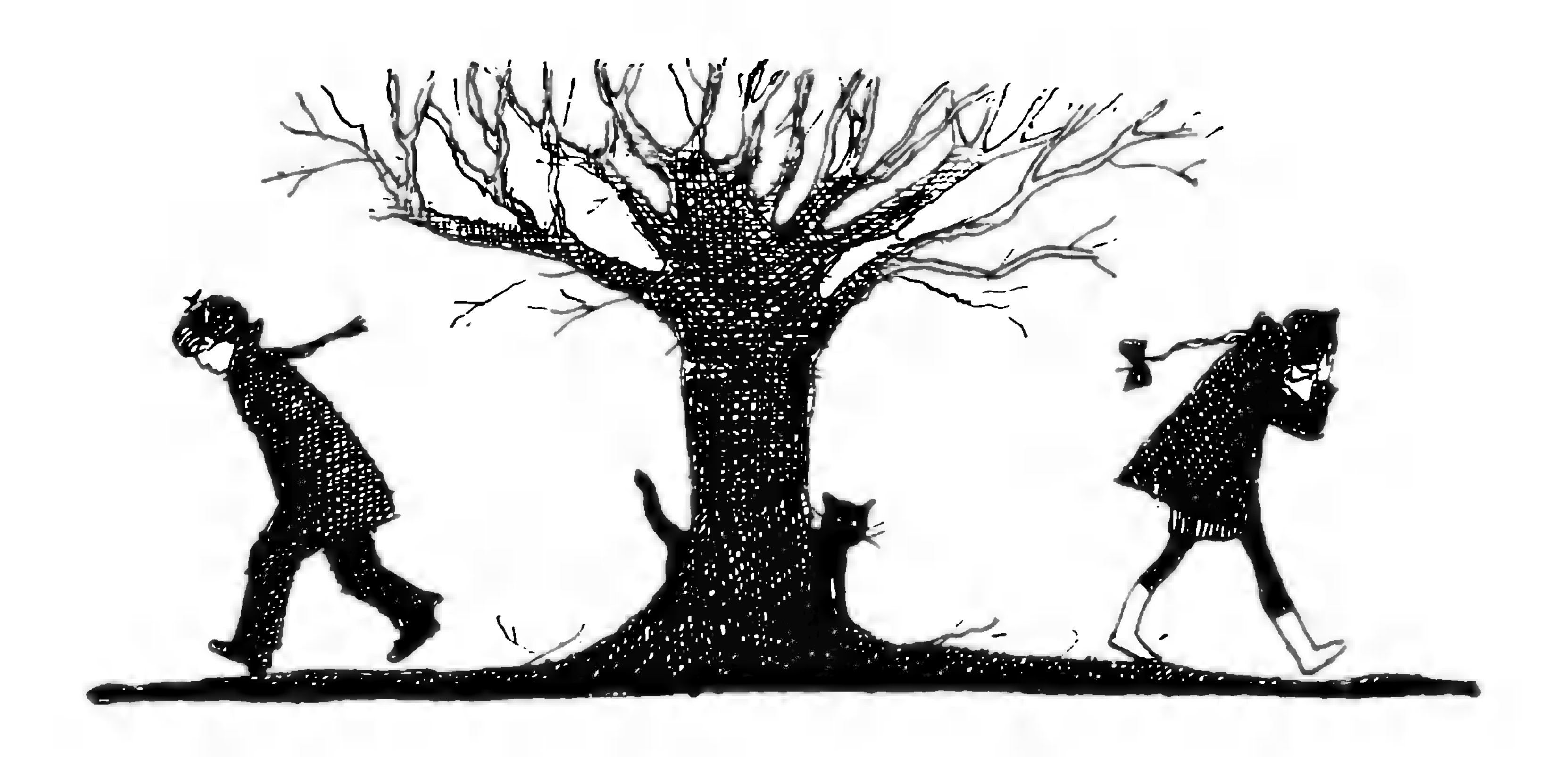
Дорога домой была ужасной.

Аня то сидела на мягком сиденье в вагоне метро, то вскакивала, то снова садилась. Потом она для чего-то пересела в соседний вагон, но от этого ей лучше не стало. Она вспоминала встречу в столовой и даже закрывала глаза от мучительного стыда.

«Дура! Идиотка! — ругала себя Аня. — Всё испортила! Всё!!! Дура ненормальная! Сумасшедшая!.. — И она даже щипала себя незаметно для других. — Вот тебе! Вот тебе! — говорила она. — Гадость ты отвратительная!.. Как бревно сидела! Как будто тебя всю клеем обмазали! Да разве захочет с такой балдой Боря Дубов дружить? И правильно сделает, если не захочет. Правильно сделает! И поделом тебе будет! Поделом!» И она снова щипала себя сквозь карман, где щипаться было больнее, потому что там была только подкладка.

Хорошо, что другого кармана у Ани не было, иначе она могла прямо насмерть себя защипать! Всё-таки мы должны признаться, что это было неумно с её стороны. Она совсем была не виновата. Все девочки-пятиклассницы застенчивы. Ну разве только Тося Одуванчикова представляет исключение... Ну, может, ещё Гвоздева с Собакиной!

Но Аня этого не знала. Ей казалось, что только она одна такая — глупая, бестолковая, неловкая... Вместо того чтобы поговорить о чём-нибудь с Борей, ну хотя бы

о марках или о кино, сидела и молчала, как чучело огородное, и Боря, наверное, подумал, что она просто не хочет с ним разговаривать.

Но она ошибалась. Боря этого не думал. Совершенно почти в тех же словах, что и Аня, он ругал самого себя. И в то время, пока Аня ехала в метро и что есть силы щипала себя за правый бок, Боря Дубов шёл по улице и чуть не плакал от огорчения и досады.

«Всё пропало! — думал он. — Всё пропало!»

Придя домой, они оба раскрыли тетради, разложили на столе учебники и, не прикоснувшись к ним более, просидели за столом до самого вечера. Потом, не сговариваясь, закрыли учебники и легли спать.

Когда пришли с работы их родители, они оба спали беспокойным и тревожным сном.

Ане Залетаевой снились какие-то бесконечные, уходящие вдаль грядки с капустой, и она ходила между этими грядками и поливала их лимонадом из бутылки, а капустные головы хитро подмигивали ей и говорили: «Балда ты, балда!»

А Боре Дубову снился вообще всякий вздор, который и рассказать-то стыдно.

Ему снились лошади, которые плясали на передних ногах, и маленькие жёлтые зайцы.

В общем, чёрт знает что.

В этот полный волнений день Аня Залетаева так и не сделала ни одного урока.

Не сделала, заметьте себе, первый раз в жизни.

И всё, может быть, было бы и ничего — ну что ж тут, в конце концов, страшного, если ученик один раз в жизни не выучил урока?

Да, всё, может быть, и обошлось бы гладко для Ани Залетаевой, но...

Да тут, как на грех, случилось НО. Ах, если бы не это НО! И откуда оно только взялось?! И как раз именно тогда, когда меньше всего его ждали!

Итак, всё, может быть, и обошлось бы гладко для Ани Залетаевой, но как раз на следующий день учитель математики объявил контрольную, чтобы проверить, как усвоили ученики пятого «А» вчерашнее домашнее задание.

КОНТРОЛЬНАЯ

— Приготовьте чистый лист бумаги, — сказал Сергей Фёдорович, учитель математики. — Сейчас будет проверочная контрольная.

При этих, казалось бы, совершенно обыкновенных словах с классом произошло что-то необыкновенное. Страшное потрясение выразилось на многих лицах. Многие глаза уставились на Сергея Фёдоровича с таким ужасом, как будто бы Сергей Фёдорович был вовсе не маленьким толстеньким человеком с весёлой круглой лысинкой на макушке, на которую не раз глядели сверху вниз некоторые из учениц пятого «А», выросшие наподобие жердей, а был он, скажем, каким-нибудь питоном или даже слонопотамом из сказки «Винни-Пух».

Многие руки быстро заскользили в ящики столов, где в портфелях лежали учебники по математике, и стали со стремительной быстротой перелистывать эти самые учебники...

Но Сергей Фёдорович прервал это полезное, но запоздалое занятие.

— Учебники и тетради убрать! — заявил он. — Приготовили чистые листы? Диктую задачу...

И ручки заскользили по чистым листам бумаги, вырванным из серединок тетрадей в клеточку.

Тося Одуванчикова кончила писать задачу и посмотрела вокруг.

Она сразу же решила не напрягать попусту свои умственные способности, потому что, во-первых, точно знала, что этих способностей у неё не было, а во-вторых, не могла же она ни с того ни с сего решить задачу, которую видела первый раз в жизни. Это было бы чудом, а в чудеса Тося не верила.

Судя по всему, Сергей Фёдорович задавал на дом похожую задачу, но вчера они с Аликом Спичкиным долго гуляли по улицам, и ей было не до задачи.

А потом, когда Тося наконец пришла домой, ей тоже было не до задачи, потому что она всё думала, как отомстит за Алика Агафонову, и всё никак не могла придумать...

Ну, а потом был вечер. И вечером по телевизору показывали «Чужую родню», и это был такой хороший задушевный фильм, и Тося так переживала за главного героя, что ей тоже совсем было не до задачи.

Тося вздохнула. Впрочем, без особого огорчения. Она знала, что всё будет в порядке, что ей можно не волноваться. Она знала, что Вера Пантелеева решит задачу. Вера сидела у неё за спиной, и Тосе нечего было беспокоиться. Вера Пантелеева умела решать задачи не хуже Ани Залетаевой. И к тому же Вера Пантелеева стала за это время лучшей подругой Тоси Одуванчиковой. Как, впрочем, и Таня Гвоздева, и Валя Собакина, и Тамара Павлихина, да и почти все остальные девочки в классе. Не Пантелеева, так ещё кто-нибудь непременно подкинет ответ.

Ну и, конечно, как только она спишет, она тут же пошлёт Алику Спичкину...

Тося обернулась и посмотрела на Алика. Алик, весь красный и сердитый, возился с задачей.

«Алик! — захотелось через весь класс крикнуть То-

се. — Ты не бойся. Ты положись на меня. Я тебе помогу...»

— Одуванчикова! — сказал Сергей Фёдорович. — Извертелась совершенно. Даже на контрольной не можешь спокойно посидеть...

Тося сделала виноватое лицо, провела рукой по своим густым красивым волосам, заправила за ухо прядку, чтобы было, как у киноактрисы Галины Польских, и стала водить ручкой по промокашке, чтобы Сергей Фёдорович увидел, как она изо всех сил решает контрольную.

Слева от Тоси сидела Аня Залетаева и что-то сосредоточенно подсчитывала на промокашке.

«У, вредная! — подумала Тося Одуванчикова. — Отличница какая нашлась! Воображала...»

Но, подумав так, Тося не испытала совершенно никакой злости. Честно говоря, она уже не сердилась на Аню Залетаеву. Такой уж характер был у Тоси Одуванчиковой — она не могла долго сердиться. Ей давно уже хотелось заговорить с Аней, только она боялась. Она была уверена, что гордая Аня ни за что в жизни не станет разговаривать с ней после того, что было...

«И зачем я ей сказала про «классную доску»? — ругала себя Тося. — Ну зачем? Теперь она мне всю жизнь не простит. И будет права. И что же я за гадкий такой человек! Да мало ли, что её Гвоздева с Собакиной «классной доской» прозвали! Ну и что? Вовсе она не «классная доска»! И уж если разобраться, то Аня Залетаева, например, гораздо лучше, чем Гвоздева и Собакина... Уж она-то никогда ничего за спиной нехорошего про своих одноклассников не говорит. А они говорят. И хихикают. И делают всякие знаки. А если тот, над кем они хихикают, оборачивается к ним лицом, они тут же принимают самый невинный вид.

Нет, Аня Залетаева совсем не такая. Если ей что-нибудь не нравится, она прямо в глаза говорит. Ну, может, она чересчур уж принципиальная — это да, с этим Тося бы согласилась, но зато она круглая отличница и учителя всегда ставят её в пример.

А Гвоздеву с Собакиной не ставят. И не говорят про

них, что они самые дисциплинированные и самые аккуратные... А про Аню говорят. И это чистая правда». Тося даже не могла себе представить, как у Ани хватало терпения выслушивать все подряд объяснения учителей. Лично у Тоси — она сама это знала — никогда не хватало. А уж у Гвоздевой и Собакиной и подавно.

Обо всём этом думала теперь Тося Одуванчикова, рисуя ручкой на промокашке цветочки и поглядывая искоса на Аню Залетаеву.

Аня не замечала этого взгляда. Она решала задачу. Вид у Ани был странный.

Она сидела бледная, тёрла рукой лоб и, уставившись в тетрадь, грызла свою пластмассовую лиловую ручку.

Это было на Аню непохоже. Раньше Аня никогда не бледнела на контрольных, никогда не тёрла лоб и не грызла никаких ручек...

Тося насторожилась.

Аня перестала грызть ручку и стала быстро-быстро писать. Потом она задумалась и снова сунула ручку в рот. Видно, что-то у неё не клеилось.

Она вдруг перечеркнула написанное и снова стала быстро считать на промокашке. Потом бедная ручка прямо затрещала под её зубами.

Первый раз за весь месяц Тося Одуванчикова увидела, что Аня волнуется.

И волнуется ужасно.

На глазах у Тоси творилось что-то странное: Аня Залетаева не могла решить контрольную.

Лоб у Ани вспотел. Промокашка была вся истерзана. На ручке виднелись отчётливые следы зубов.

И тут Тося ощутила сзади несильный толчок в спину.

Так и есть: Верка Пантелеева решила задачу.

Тося согнула в локте руку и незаметно сунула её за спину. Тосины пальцы ощутили гладкую бумажку.

«Молодец, Пантелеева! Не подвела!..»

Тося развернула бумажку, и ровно через три минуты задача была списана.

Тося свернула шпаргалку и хотела перебросить её Алику Спичкину, но тут её постигла неудача.

Сергей Фёдорович как раз прохаживался по узенькому проходу между их столами.

Тося ещё раз с жалостью поглядела на несчастное лицо Алика...

А скоро по всем этажам, по всем коридорам и классам разливался звучный, пронзительный звонок.

«СПАСАЙСЯ! АГАФОНОВ!»

Алик ждал Тосю в раздевалке.

— Ну как, решила? — спросил он.

— Да что ты, Алик! — сказала Тося. — Верка списать дала... А ты?

— А я и решать не стал, — сказал Алик. — Зря только силы тратить... Сама подумай, зачем мне математика?! Пусть пару ставят, мне всё равно.

— Ну, всё же неприятно, — сказала Тося.

— Да чего неприятного? — сказал Алик. — Что я, математиком стать собираюсь? Да я буду преступников выслеживать! Я в милиции работать буду. Вот я тут один журнал принёс, «Человек и закон». Интересный — закачаешься! Это тебе не математика!

И пока их одноклассники, толкаясь в раздевалке, напяливали на себя впопыхах пальто и шапки, Алик отвёл Тосю в сторонку, вынул из портфеля журнал «Человек и закон» и открыл в заложенном месте.

— Вот, читай, — сказал он. — Имей в виду, это я только тебе показываю. Остальные в этом ни черта не смыслят. Безмозглые какие-то личности...

— Ужасно интересно! — сказала Тося, не поняв ни слова и поражаясь тому, какой Алик умный.

— Эй, Тоська, ты идёшь домой? — крикнули ей Гвоздева с Собакиной. — Чего это ты там со Спичкиным расселась?

— Идите без меня, — сказала Тося. — У меня дело есть.

— Ой, держите меня — дело! — сказала Собакина.

— Жених и невеста! — крикнула Гвоздева.

Тося вскочила.

— Не обращай внимания! — сказал Алик. — Я же говорю — безмозглые личности. Представляю, как они все глаза вылупят, когда нам министр внутренних дел награду даст! Они тогда не то запоют!

— Какую награду? — удивилась Тося.

— За поимку опасного преступника, — сказал Алик. — А ты что думаешь, это просто — взял, поймал и всё? Нет, за это награда полагается! Золотые часы или ещё что-нибудь. Сам министр нам руку будет жать!

Алик даже зажмурился, представляя эти приятные мгновения. На его руке уже как будто вспыхнули золотом часы. И он даже поднёс было левую руку к уху, чтобы послушать их нежное тиканье... Но тут мимо них близко-близко прошёл не торопясь неизвестно откуда взявшийся Агафонов, и часы, горевшие нестерпимым блеском на руке Алика, померкли, и вместе с ними померк мечтательный взгляд Алика Спичкина.

С некоторой тревогой Тося и Алик проследили, как Агафонов небрежным жестом водрузил себе на макушку облезлую шапку, как сунул руки в рукава пальто и как пошёл, не застёгиваясь, к дверям, и только тогда, подождав ещё минут пять для верности, тоже встали и пошли одеваться.

Раздевалка пятого «А» была уже пуста. Только одна желтоватая сусличья шубка висела в углу. Но Алик и Тося не обратили на неё никакого внимания. Грозный образ двоечника и хулигана занимал сейчас все их мысли.

— Странный тип, — сказала Тося. — Ты заметил, как он на нас посмотрел? У меня прямо мурашки по спине поползли! И чего ему от нас надо?

— Уголовный тип, — сказал Алик. — Будущий преступник. Да, я забыл тебе сказать... Помнишь, когда ты домой пошла... Я иду... И вдруг чувствую ужасающий удар по голове! Я чуть сознание не потерял!.. Оборачиваюсь и вижу — он. Стоит, понимаешь, и такую нахальную морду скорчил! Я говорю: «Ах так? Ты драться,

говорю, вздумал? Ну так получай!.. И как дам ему головой в живот! Он как полетит вверх тормашками!.. Я считаю, с хулиганами только так и надо поступать! Хулиганов жалеть нельзя! Правильно?

— Правильно, — неуверенно сказала Тося. — Но только разве ты...

— Помяни моё слово, — сказал Алик, — этот Агафонов когда-нибудь попадёт за решётку!

Они открыли тяжёлую дубовую дверь и вышли на улицу.

На улице падал крупный снег и не было и в помине никакого Агафонова.

— Ну вот, а ты боялась! — сказал Алик.

И они двинулись вперёд и прошли уже шагов пятнадцать по безлюдной, усаженной деревьями улице, как вдруг твёрдый, как камень, снежок ударил Тосю в плечо.

— Ой! — вскрикнула Тося, и не успела она сообразить, в чём дело, как целая туча снежков замелькала перед её глазами, и один из них попал ей в голову, другой — в ногу, а третий, видно, попал в Алика, потому что Алик заорал благим матом и, держась за глаз, с криком «Спасайся! Агафонов!..» бросился бежать в неизвестном направлении.

ТРОЙКА С МИНУСОМ

Сдав злополучную контрольную, Аня побрела домой. На душе у неё было скверно.

«Что завтра будет? Ой, что будет?.. — думала она по дороге. — Неужели я получу двойку?»

От этой мысли делалось так тошно, что Аня мотала головой, чтобы её прогнать и не думать о том, что будет завтра.

Но не думать о завтрашнем дне было невозможно. С каждой секундой, с каждой минутой, с каждым часом к Ане неумолимо приближался этот завтрашний день, и как ни надеялась Аня на то, что завтра не настанет, завтра настало.

Оно настало с темноты, внезапно освещённой резким электрическим светом. С тишины, перечёркнутой громкой музыкой и весёлым голосом из репродуктора: «Здравствуйте, товарищи! Начинаем нашу утреннюю гимнастику!»

Потом оно затормошило Аню душистой маминой рукой в широком малиновом рукаве.

Потом забулькало холодной водой из крана.

Потом оставило неприятный привкус лесной зубной пасты на Аниных дёснах и языке.

Потом запахло яичницей и кофе с молоком...

А потом всё это кончилось. И началась длинная тёмная улица, и липкий мокрый снег сверху, и пронизывающий ветер...

Но Аня согласна была целый день идти под этим отвратительным мокрым снегом, который целился ей прямо в лицо, под этим ветром, который срывал с неё шапку и лез за шиворот, лишь бы как можно дольше не приходить сегодня в школу.

Там, за поворотом, ярко и призывно светились школьные окна, но Аня шла и не поднимала глаз от мокрого тротуара.

Сегодня ей не хотелось видеть школьных окон. Сегодня она шла медленнее обычного...

И всё-таки вот она, школа.

Впервые в жизни она показалась Ане неприятной,

какой-то грязно-зелёной и нелепой, и ей впервые в жизни не захотелось в неё войти.

Но она вошла.

Вошла и разделась.

Разделась и поднялась на третий этаж.

В классе у окна кучкой стояли несколько человек. В середине Спичкин с перевязанным глазом махал рукой и что-то доказывал Ире Сыркиной.

— Называется председатель совета отряда! — горячился он. — Да таких председателей, как ты, гнать надо! Не можешь на Агафонова повлиять! Вот, полюбуйтесь, он мне вчера чуть глаз не выбил! Одуванчикова свидетель.

— Я делаю, что могу, — оправдывалась Ира. — Но я одна с ним не в силах справиться! Вот вы все храбрые за спиной говорить. Вы бы ему в глаза сказали!

— Если бы я был председатель совета отряда, я бы ему ещё и не то сказал! — закричал Алик.

Но тут в класс вошёл Агафонов, и Алик как-то странно, бочком, отошёл от Иры и сел за свой стол. А потом вошла Тося и тоже села на своё место, рядом с Аней Залетаевой, которая опять показалась ей бледной и как будто нездоровой.

А потом вбежали все остальные, кто опаздывал.

И в классе зазвенел звонок.

Первый, второй и третий уроки тянулись нескончаемо долго.

И вот настал четвёртый, последний урок.

Урок математики.

Как-то особенно неприятно и визгливо звенел звонок, и в класс вошёл Сергей Фёдорович.

«Может быть, он ещё не проверил?» — с отчаянной надеждой подумала Аня Залетаева, глядя в добродушное лицо Сергея Фёдоровича. Но Сергей Фёдорович полез в портфель и вынул оттуда пачку тетрадных листов. Сердце у Ани оборвалось.

— Отличились, — произнёс Сергей Фёдорович и помахал в воздухе белой пачкой. — Полкласса двоек. Поздравляю! Фёдоров, раздай контрольные.

Дежурный по классу Фёдоров встал и пошёл раздавать контрольные.

Какое глупое у этого Фёдорова, оказывается, лицо! Как он быстро выхватывает из пачки контрольные и как небрежно кидает их на столы! Вот он приближается с глупой усмешкой к Ане Залетаевой... Вот уже лежит белый листок перед Валей Малаховой и перед Рудиком Антонченко. Уже получила контрольную Тамара Павлихина, и, тихо охнув, уже развернули свои контрольные Гвоздева с Собакиной... Фёдоров всё ближе, ближе... Постой, Фёдоров! Остановись! Замри, Фёдоров, с пачкой контрольных в руках! Куда ты торопишься? Кто тебя гонит? Ты что, автомат какой-нибудь? Робот ты, что ли? Остановись! Разве ты не видишь, как умоляюще смотрят на тебя глаза отличницы и старосты класса Ани Залетаевой? Ну, споткнись ты, что ли! Ну, урони на пол оставшиеся контрольные! Пусть рассыплются по полу. Пусть разлетятся по всему классу белой стайкой, чтобы можно было долго-долго собирать их, ползая на коленках под столами...

Долго-долго, до самого звонка...

Эх, Фёдоров, Фёдоров! Равнодушный ты человек! Спокойно ждёшь ты свою заслуженную троечку, и не можешь ты, Фёдоров, понять чужую беду! Не можешь, куда тебе! Неумолимо, как злой рок, приближаешься ты к Ане Залетаевой, и она даже закрывает на секунду глаза, чтобы не видеть, не видеть твоего лица...

Когда она их открывает, на столе перед ней лежит контрольная. Ровным, крупным (самым красивым в классе) почерком написано на ней: «Залетаева А., пятый «А».

Помертвевшей рукой Аня Залетаева переворачивает страницу...

Ох, не дай бог тебе, читатель, пережить такое! Получать всю жизнь одни только круглые пятёрки, а в один прекрасный (вернее, ужасный) день обнаружить под своей контрольной...

Правда, в этом месте мы хотели бы оговориться. Честно сказать, нам не приходилось всю жизнь получать одни только круглые пятёрки. Но тем не менее мы не теряем надежды, что тебе как раз приходилось это делать. И тогда ты, конечно, поймёшь, какие чувства испытала Аня Залетаева, когда раскрыла она свою злополучную контрольную.

Нет, не двойка красовалась на второй странице. Там, под нерешённой задачей, была выведена красным карандашом твёрдой, не знающей сомнений учительской рукой огромная круглая тройка с длиннющим мерзким минусом.

От этого зрелища Аню передёрнуло.

Она быстро прикрыла лист рукой и метнула взгляд в сторону Тоси: не видала ли она?

Но Тосе было не до этого.

Тося была занята созерцанием своего листа. На её круглом розовом лице было написано такое великое и неподдельное изумление, что Аня, как ни была убита горем, невольно заглянула в её лист.

Там стояла двойка.

Аня видела, как Тося повернулась и с немым укором поглядела на сидевшую сзади Пантелееву.

Ах, Пантелеевой тоже было не весело! Полными слёз глазами она взирала на свой лист, на котором, как и у Тоси, красовалась двойка.

И вообще добрая половина пятого «А» пригорюнилась и уныло склонилась над своими контрольными. Кое-где скопившиеся уже в достаточном количестве слёзы начинали выкатываться из глаз и падать с тихим печальным стуком на выгнутые спины двоек. Кое-кто делал вид, что, мол, подумаешь, двойка! Ерунда на постном масле! И даже пытался бодро улыбаться, но не у всех это хорошо получалось — улыбка выходила кривая и дрожала на губах, как неверный луч карманного фонарика дрожит ночью на плохо освещённых грядках летней дачи.

Половина оставшейся половины была не столь грустно настроена. Некоторые из этой половины были вполне

удовлетворены своей троечкой. И даже поглядывали на первую половину с некоторым торжеством. И только оставшаяся половина второй половины откровенно радовалась и ликовала.

Трясущимися руками Аня убрала контрольную в портфель и щёлкнула замком.

Всё кончено.

Аня не слышала, как одноклассники гремели стульями. Она не видела, как они складывали портфели и один за другим покидали класс.

Она ничего не видела и не слышала. В полной неподвижности сидела она, не сводя глаз с блестящего замка портфеля, и крупные слёзы, застилая перед ней его блеск, шлёпались к ней на колени и растекались маленькими мокрыми пятнышками на её знаменитом, служившем постоянным укором для других, всегда опрятном и отутюженном фартуке.

«Всё кончено, — думала Аня. — Всё пропало».

Перед невидящим взором потерпевшей крушение отличницы вставали торжествующие Гвоздева с Собакиной, и до её ушей долетали произносимые ими свистящим шёпотом слова:

«Воображала! Так ей и надо! Пусть не задаётся. Уж теперь-то она ни за что не выйдет в отличницы!»

А потом перед ней вставала мама.

«Ах! — кричала мама. — Анюточка! Какой ужас!

Тройка с минусом!!! Что же ты наделала? Как же я на глаза теперь покажусь моим сотрудникам?..»

А потом проплывали мимо её мысленного взора радостная Одуванчикова и хмурый Спичкин, и она отчётливо слышала, как Спичкин говорит:

«Ну и староста! Тройки с минусом получает. Переизбрать её надо».

Ну, а потом перед глазами Ани Залетаевой встала и вовсе уж страшная картина.

Боря Дубов подходит к ней на концерте, и на лице его — презрение, и он говорит ей:

«Так я и знал!.. Так и думал! Мало того, что ты двух слов связать не можешь, сидишь как бревно... Так ты ещё, оказывается, и не отличница?! И чего это мне в голову пришло с тобой дружить?»

И Боря Дубов поворачивается и уходит. Он идёт мимо белых колонн, мимо радостных первоклассников, и Аня знает, что он уходит навсегда.

Тут слёзы из Аниных глаз закапали так часто, что сухих просветов на фартуке совсем уже не осталось.

Всё пропало. Всё кончено.

КЛАССНЫЙ ЖУРНАЛ

Солнце сверкало в оконных стёклах, скакало зайчиками по светло-салатным стенам, улыбалось строгому портрету Менделеева и гладило мягкими, тёплыми руками Анину голову.

Весёлые пылинки плясали в воздухе. Ветер из форточки двигал на полу возле доски мягкую бумажку и тихонько перелистывал на подоконнике белые листы классного журнала, оставленного там после уроков рассеянной Ниной Петровной.

Аня подняла голову.

С тоской оглядела она сияющий от солнца пятый «А», через силу взглянула в строгие глаза Менделеева, отвела взгляд, снова увидела на окне забытый классный журнал, который с тихим шуршанием играл своими раз-

линованными листами, и с ненавистью воззрилась на него.

Там, в этом невинном на вид журнале, где-то между его белых страниц, которые она сама часто заполняла своим круглым, ровным, аккуратным почерком, где-то в самой серёдке притаился теперь Анин враг, Анин позор на всю жизнь — отвратительная, злая, толстая жаба, ненавистная тройка с минусом.

Хоть бы он провалился куда-нибудь, этот журнал! Хоть бы он исчез, как будто его и не было! Хоть бы он испарился! Хоть бы вылетел сейчас, на глазах у Ани, в форточку! Ну неужели же никогда в жизни не может произойти хоть маленького, ну хоть самого пустячного чуда, — врывается в пятый «А» холодный снежный вихрь, с воем кружит по классу классный журнал, и треплет его, и рвёт на клочки, и уносит с собой далеко-далеко, неизвестно куда!

И тут Аня вскочила. Странные и, мы бы даже сказали, дикие мысли пришли ей в голову, и от этих мыслей у Ани закружилась голова. А что, если... Что, если взять журнал и выкинуть? Пока не поздно, пока не видела тройки с минусом Нина Петровна, пока не выставила она отметок в четверти!

«А Сергей Фёдорович?.. — тут же остановила она сама себя. И тут же ответила самой себе: — Ну и что Сергей Фёдорович? Сергей Фёдорович забудет, какие отметки он ставил за контрольную, и даст всем новую контрольную, и уж я её, конечно, решу на пятёрку! Конечно же! Конечно! Нельзя терять времени! Надо скорее куда-нибудь деть журнал! Ведь всё дело в нём, в журнале!»

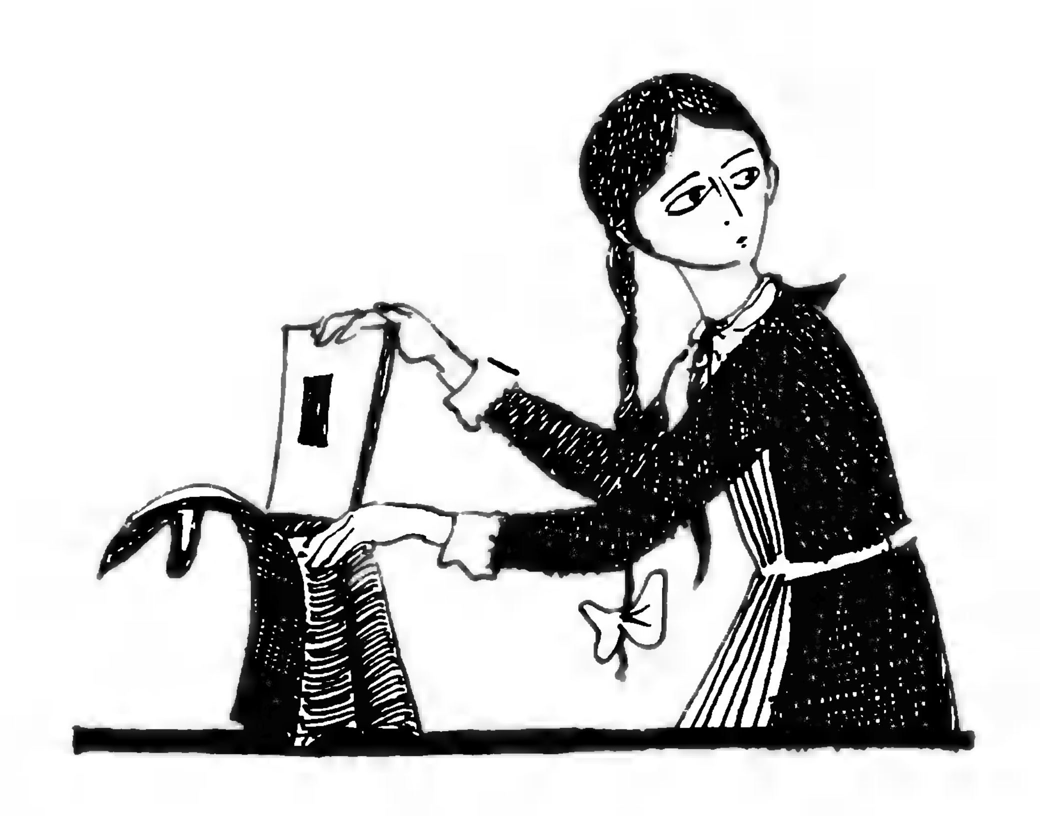
Надо его выбросить в мусоропровод!

Сжечь!

Разорвать на клочки!

Закопать в землю!

И, не помня себя, совершенно потеряв голову и забыв обо всём на свете, отличница и староста класса Аня Залетаева стала подкрадываться к журналу, как подкрады-

ваются, наверное, к мине замедленного действия или к ядовитой змее.

И вот уже несётся гордость класса вниз по школьной лестнице с классным журналом в портфеле. Вот она хватает в раздевалке пальто. Кое-как напяливает на голову шапку и выскакивает из школы...

Аня, опомнись! Куда ты бежишь? Зачем ты несёшь в портфеле классный журнал? Ведь учительница Нина Петровна сейчас вспомнит о нём и вернётся в класс!

Аня неслась как угорелая.

— Совсем осатанели... — проворчала старушка за её спиной. — Куда бегут?! Куда бегут?! С ума посходили!..

Синяя шапка сползла Ане на затылок. Волосы выбились из-под шапки и лезли на глаза. Сусличья шубка распахнулась. Пионерский галстук съехал набок. Ни за что бы мы не узнали сейчас в этой растрёпанной, запыхавшейся девчонке всегда такую подтянутую и сдержанную Аню Залетаеву.

Ах, Аня, Аня! Что ты наделала?! Что ты натворила?! Остановись, Аня! Опомнись! Вернись назад!..

Опомнилась Аня только за два квартала от школы. Бег её внезапно стал замедляться, перешёл на быстрый шаг. Потом она пошла всё медленнее и медленнее. И наконец остановилась, еле переводя дыхание.

— Куда я бегу? — пробормотала она. И оглянулась. Улица была ей совсем незнакома.

— Куда это я бегу? — повторила Аня. — И что это я такое сделала?

Она снова недоуменно оглянулась и провела рукою по лбу.

— Что-то не пойму... Я, кажется, его... украла?

Ей показалось, что слова, которые она только что вполголоса произнесла, громким эхом разнеслись по тихому переулку, и она вздрогнула.

— Тише, — сказала она самой себе. — Ты что, с ума сошла, так кричишь? — И пошла дальше.

Но через минуту:

— Куда ты идёшь? Ты что, не понимаешь?.. Ты украла классный журнал!!!

И она снова остановилась и стала растерянно поправлять чулок.

И вдруг всем своим существом Аня поняла страшную вещь: она, Аня Залетаева, только что украла классный журнал.

«Какой ужас! — подумала она, холодея. — Зачем я это сделала?! Надо немедленно положить его обратно».

И она повернулась и, не думая ни минуты, бросилась назад.

«ЧТО С ТОБОЙ, ПОРТФЕЛЬ!»

Классный руководитель пятого «А» Нина Петровна шла по коридору в учительскую. Под мышкой она держала большую деревянную линейку, которой только что подчёркивала на уроке прилагательные, в руках — стопку тетрадей по письменному русскому.

Нина Петровна вошла в учительскую. Положила линейку в шкафчик, засунула тетрадки в сумку и вдруг вспомнила, что оставила в классе классный журнал. Положила его почему-то на окно, когда ставила Павлихиной отметку, да там на окне и забыла. Тащись теперь снова на четвёртый!

Нина Петровна досадливо поморщилась; она уже сегодня порядочно устала — шутка ли, четыре часа стоять на ногах... Но делать было нечего.

Она поднялась наверх и открыла дверь в класс.

В глаза ей ударило солнце.

Щурясь, она пошла за журналом к окну...

На окне журнала не было.

Нина Петровна потрогала пальцами тёплый подоконник, оглянулась, посмотрела на стол.

И на столе не было.

Нина Петровна, слегка нервничая, стала по очереди выдвигать и вдвигать ящики...

Ни в одном журнала не оказалось.

Нина Петровна ещё раз оглянулась, наклонилась, заглянула под стол...

На полу журнал не валялся.

Но тут Нина Петровна услышала громыханье вёдер, доносившееся из коридора, и с облегчением подумала: «Тётя Вася... Ну конечно же, тётя Вася взяла...»

И она выскочила из класса и побежала искать нянечку Василису Терентьевну, которую вся школа называла тётей Васей.

— Василиса Терентьевна, вы не брали классный журнал в пятом «А»? — ещё издали крикнула Нина Петровна.

— Какой ещё журнал? — сердито сказала тётя Вася. — Знать ничего не знаю!

У Нины Петровны пересохло в горле.

«Кто же это сделал? Неужели опять Агафонов? Но ведь он слово дал, что исправится!»

Уже не помня об усталости, Нина Петровна вернулась в класс, осмотрела все подряд подоконники, заглянула во все подряд столы и снова стала выдвигать и вдвигать все пять ящиков своего учительского стола...

Сомнений больше не было. Журнал исчез.

Подбежав к школьному крыльцу, совершенно выбившаяся из сил Аня поднялась на четвёртый этаж, распахнула дверь пятого «А»... и — о ужас! — увидела перед

собой классную руководительницу Нину Петровну. Ноги у Ани подкосились, и она вынуждена была ухватиться за косяк.

— Здравствуйте, Нина Петровна, — еле проговорила она.

— Это ты, Аня? — рассеянно ответила учительница. — Здравствуй... Ах да, ведь мы же здоровались сегодня!.. — Говоря это, Нина Петровна растерянно оглядывалась.

— Странно, — сказала она. — Очень странно...

Аня следила за ней немигающими глазами.

— Ничего не понимаю! — сказала учительница. — Я оставила его здесь после уроков, я точно знаю... Куда он мог деться, ума не приложу!

Аня не отвечала. Если бы учительница не была так занята поисками журнала, она увидела бы, как Анино лицо покрылось красными пятнами.

— А почему ты вернулась? — вдруг спросила Нина Петровна.

— Я... я... я ручку свою забыла, — заикаясь, пробормотала Аня.

— А что же ты её не берёшь? — услышала она.

— Сейчас возьму, — испуганно сказала Аня и пошла к своему столу.

Нина Петровна проводила её глазами.

В ящике Аниного стола, естественно, ручки не оказалось.

— Что? Тоже не нашла? — встревожилась Нина Петровна.

— Н-нет, — пробормотала Аня.

— Да что же это такое? Что же это делается? Неужели в нашем классе завелись воры? Ты представляешь, Аня, только что случилась ужасная история: пропал наш классный журнал!

При слове «воры» Аня вздрогнула.

Нина Петровна сидела на стуле расстроенная и глядела на Аню.

— Кто же его мог взять, а? Как ты думаешь, кто это мог сделать?..

И тогда Аня решилась.

— Нина Петровна! — сказала Аня. — Это я... — И она замялась, не в силах выговорить ужасных слов.

— Нет-нет, не говори! — горячо перебила её Нина Петровна. — Ты тут совершенно ни при чём. Если журнал взял кто-то из ребят, то в первую очередь виновата в этом, как классный руководитель, именно я.

— Батюшки! — заглянула в дверь тётя Вася. — Никого нет, а они сидят!

И, громыхая ведром, она вошла в класс.

— Нина Петровна, вы чего это пригорюнились? Идите домой, мне убираться надо. — И тётя Вася так тряхнула тряпкой, что пыль полетела в разные стороны.

Что с тобой, портфель?

Отчего ты так тяжёл, будто набит свинцом, или кирпичами, или слитками золота, а не лежат в тебе два учебника, три тетради и один-единственный классный журнал?

Что с вами, ноги?

Отчего вы плетётесь так медленно? Отчего при каждом шаге вас так трудно оторвать от земли, как будто земля смазана клеем?

Что с вами, ноги? Ведь вам же не восемьдесят, не сто, вам всего двенадцать лет!

И отчего так длинна дорога домой? Никак не дойти...

И отчего так смотрит этот прохожий с чемоданом, ко-

торый идёт по той стороне переулка? В самом деле, отчего он так подозрительно смотрит?.. Идёт и смотрит, смотрит... Что ему надо? Неужели он угадал? Неужели он догадался, что Аня... Нет, в самом деле, почему он так смотрит?

Аня невольно ускорила шаг. Прохожий на той стороне тоже ускорил шаг и что-то сказал ей, она не расслышала.

Анино сердце бешено заколотилось. Да, этот прохожий всё знает. Чемодан он взял для виду. Сейчас он догонит Аню. Сейчас схватит её за руку...

Аня пошла ещё быстрей.

Прохожий — тоже.

Аня побежала. Прохожий вытянул руку, что-то крикнул и бросился за ней.

Через секунду Аня услышала за спиной его громкое дыхание.

— Да постой ты! — крикнул прохожий и цепко схватил Аню за руку.

Он ещё что-то сказал, но Аня не слушала. Она с отчаянием вырывала руку из железных пальцев прохожего.

Тогда прохожий совершенно разозлился.

— У вас что, все в Москве такие? — заорал он. — Все... того? — И он покрутил пальцем у лба. — Да неужели же трудно объяснить приезжему человеку, как на Малую Семёновскую пройти?

БЕССОННАЯ НОЧЬ НИНЫ ПЕТРОВНЫ

Всю ночь не спала классный руководитель пятого «А» Нина Петровна. Всю ночь не смыкала она глаз. Она ворочалась с боку на бок, вставала, включала свет, пила чай, принимала снотворное, снова ложилась, но заснуть не могла.

«Кто это сделал? — думала Нина Петровна. — Ну кому мог понадобиться классный журнал?»

И она снова в который раз принималась перебирать в уме всех по очереди своих учеников.

«Фёдоров? — спрашивала она себя. — Да какой там

Фёдоров, смешно подумать!.. Рудик Антонченко?.. Да нет же, чепуха. Рудик и карандаша чужого не возьмёт... Гвоздева с Собакиной?.. Ну уж нет, извините, они такого не сделают... Может, новенькая, Тося Одуванчикова? Может, звеньевая Вера Пантелеева? Может, староста Аня Залетаева?.. — Она усмехалась над нелепостью таких предположений. — Ты, видно, совсем с ума сошла! Как тебе в голову взбрело такое?»

Так по очереди перебирала всех своих пятиклассников Нина Петровна и с уверенностью отметала каждого, пока не доходила очередь до Агафонова.

И тут происходила заминка. Тут Нина Петровна спотыкалась. Именно в этом месте она вскакивала с постели и включала настольную лампу или бежала на кухню ставить чайник. И под мерное бульканье чайника, сидя в ночной рубашке за столом, думала Нина Петровна: «Он. Агафонов. Он». И в третий раз наливала себе чай и пила его, волнуясь и обжигаясь.

«Ну как же так? Как мог он меня обмануть? Ведь он же дал мне твёрдое обещание. Дал слово исправиться. И я ему верила!»

— Ниночка, ты не спишь? — в который раз спрашивала её мама из соседней комнаты.

— Сплю, мамочка, — отвечала Нина Петровна. — Не беспокойся, я сплю...

И всё думала, и думала, и думала.

Она вспоминала, как пришла впервые в этот класс,

как быстро полюбила этих ребят, как была довольна ими... и как только один человек в классе омрачал ей жизнь. Она вспоминала, что вытворял этот человек, вспоминала его невозмутимое лицо с красными оттопыренными ушами. Она вспоминала все педсоветы, на которых обсуждалось его поведение, и как горячо она боролась за него, как спорила с завучем Серафимой Ильиничной, и как она взяла у него слово исправиться, и как он дал ей наконец, после долгих уговоров и наставлений, это слово, и как он вот уже две недели стал даже лучше учиться. А потом она представляла себе, как подходит к ней завуч Серафима Ильинична и говорит:

«Вот он, ваш хвалёный Агафонов! Как видите, я была права».

И Нина Петровна тяжело вздыхала и переворачивалась на другой бок.

Оставалась последняя надежда, что кто-то из её пятиклассников странно пошутил и утром классный журнал будет лежать на своём месте.

Под утро ей приснился короткий цветной сон. Ей приснился Агафонов, который стоял на крыше высотного дома на площади Восстания и размахивал огромным классным журналом. А из журнала, как стаи птиц, вылетали разноцветные отметки — зелёные двойки, оранжевые тройки, тёмно-синие четвёрки и белые пятёрки и с громким пластмассовым стуком сыпались сверху на мостовую.

Она проснулась разбитая и пошла в школу.

На столе журнала не было.

ЗА ДВЕ МИНУТЫ ДО ЗВОНКА

Ученики пятого «А» сразу увидели, что классный руководитель ставит отметки не в классный журнал, как было заведено во все вековечные времена, а в обыкновенную школьную тетрадку в клеточку.

Гвоздева, которая всё всегда замечала первая, хотя и сидела за четвёртым столом, сказала по этому поводу своей подруге Собакиной:

— Погляди-ка, Валька! Чего это она, а?

На что Собакина, не отличавшаяся таким острым зрением, как её подруга Гвоздева, но зато отличавшаяся не менее острым любопытством, отвечала, вытянув шею и глядя на учительский стол из-за голов Трофимова и Кадушкиной:

— Ага. Чудно́. Правда, Таньк?

При этом, должны мы тебе сказать, ни от Гвоздевой, ни от Собакиной не ускользнуло странное выражение лица Нины Петровны и синие круги под её глазами.

— Ниночка сегодня какая-то не такая, — сказала Гвоздева, многозначительно взглянув на Собакину.

— Ага, — сказала Собакина, многозначительно взглянув на Нину Петровну. — Интересно, что это с ней?.. И журнала почему-то нету!

Потом они обе повернули головы и поглядели на Тосю Одуванчикову.

— Тоська... — свистящим шёпотом одновременно произнесли обе.

Тося Одуванчикова подняла голову.

— Гляди, — произнесли шёпотом Гвоздева и Собакина и показали глазами на учительский стол.

Тосины глаза проследовали за их взглядом. В них тоже отразилось удивление.

Тося повернулась к Вере Пантелеевой.

Вера Пантелеева повернулась к Сене Мордюкову.

Сеня Мордюков повернулся к Рудику Антонченко...

И через пять минут весь пятый «А» был до краёв наполнен удивлением.

Теперь все глаза смотрели на учительский стол, а все головы строили самые разные догадки и предположения. В самых разных углах класса поднимался тихий значительный гул, который говорил о том, что споры и обсуждения по поводу неожиданной загадки начались. В правом углу говорили: «Забыла». В левом — «Потеряла». Где-то посередине утверждали, что классные журналы теперь вообще отменили. Словом, мнения разделились.

Гвоздева и Собакина, страшно довольные тем, что им с такой лёгкостью удалось устроить прямо на уроке водоворот общественного мнения, вертелись во все стороны и подпрыгивали как на иголках, собирая со всех концов класса последние догадки и предположения.

— Гвоздева и Собакина, прекратите вертеться, — сказала усталым голосом Нина Петровна. — И вообще, что за шум в классе? Не мешайте, пожалуйста, своему товарищу разобрать предложение.

Возле доски, с мелом в руках, стоял Алик Спичкин. Он разбирал предложение. Он что-то мямлил, переминался с ноги на ногу, тёр грязной рукой лоб, подчёркивал вместо суффиксов союзы... И глядя на то, как он всё это делал, можно было помереть от зевоты.

Да, если бы пятый «А» не был так возбуждён, Алик Спичкин давно погрузил бы его в тяжкое дремотное состояние.

— Суффиксы бывают... э-э-э... бывают... — тянул Алик Спичкин.

Слушать это было невыносимо.

— Садись, Спичкин, — произнесла Нина Петровна. — Ставлю тебе три с минусом.

Спичкин оживился и пошёл на место. По дороге к своему столу он всё более распрямлялся и, наконец, стал важным и гордым. Спичкин не знал урока и был доволен, что Нина Петровна поставила ему не двойку, как он за-

служил, а три с минусом. Ему было приятно, что только что все своими глазами увидели и своими ушами услышали, как Нина Петровна к нему хорошо относится.

Но пятому «А» сегодня было не до этого. Скрытая полемика по поводу классного журнала всё не утихала. И не принимали участия в этой полемике всего только три человека во всём классе: председатель совета отряда Ира Сыркина, человек серьёзный и дисциплинированный, её сосед Сергей Агафонов, которого всё это мало интересовало, и Аня Залетаева, которая была сегодня очень бледная и, видимо, плохо себя чувствовала.

Нина Петровна написала в тетрадке фамилию «Спичкин» и вывела напротив неё три с минусом. До звонка оставалось две минуты.

Нина Петровна закрыла тетрадку и встала.

Её любимые ученики сидели перед ней. Вот они все перед ней как на ладони. Лица у них славные и открытые. Кажется, что никто из них никогда не может сделать ничего плохого. Но это, видно, только кажется. Потому что кто-то из них, кто-то из этих славных ребят украл классный журнал. Совершил такую странную, дикую и ничем не объяснимую выходку. Да, видно, плохо она ещё знает своих учеников...

В классе было тихо. Все, как по команде, подняли головы и уставились на Нину Петровну. Все как будто чего-то ждали.

— Ребята, — сказала Нина Петровна, — я должна сказать вам одну неприятную вещь... В нашем классе произошло... произошло... произошла... — И Нина Петровна замялась, не в силах выговорить слово, которое жгло ей язык, страшное слово «кража».

Пятый «А» не сводил с неё глаз. И тогда Нина Петровна собралась с духом и сказала:

— Вчера, ребята, в нашем классе произошла очень неприятная вещь. После уроков я оставила на окне классный журнал, а когда вернулась, его уже не было Он исчез.

При этих словах Алик Спичкин подскочил на месте, Тося Одуванчикова схватилась за голову, Гвоздева и

Собакина, как по команде, охнули, Фёдоров со свистом втянул в себя воздух и выпучил глаза, Ира Сыркина, наоборот, закрыла глаза и беззвучно открыла рот, Рудик Антонченко схватил себя за нос и изо всех сил его дёрнул, что происходило с ним только в минуты наивысшего волнения, а Витя Синицын сказал: «Вот это да!» — и почесал макушку.

После этого наступила полная тишина.

Пятый «А» безмолвствовал.

Но в безмолвии этом чуткая Нина Петровна почувствовала тревожные нотки, ибо это безмолвие напомнило Нине Петровне безмолвие леса перед надвигающейся бурей.

Нина Петровна взглянула на сидящих перед ней Гвоздеву и Собакину. Они как будто оцепенели. Их спины вытянулись. Их лица подались вперёд. Они жадно ловили каждое её слово. Они хотели знать, что же дальше... Дальше-то что?!

— Ребята, — сказала Нина Петровна, — я думаю, что это недоразумение. Я в вас верю, ребята. И я даю вам два дня. Я надеюсь, что не позже чем через два дня журнал вернётся на своё прежнее место... До свиданья, ребята.

И Нина Петровна вышла из класса.

КЛАССНОЕ СОБРАНИЕ

И тогда с пятым «А» произошло что-то страшное.

Пятый «А» взорвался.

Грохот и звон ударили в светло-салатные стены, задрожал от грохота учительский стол, стёкла задребезжали во всех четырёх окнах, закачалась над классом электрическая лампочка, со стены свалился гербарий.

Менделеев на портрете высоко поднял брови и осуждающе взглянул в пространство между полом и потолком, сотрясаемое одновременно тридцатью семью пронзительными голосами, грохотом тридцати семи отодвигаемых стульев и взмахами тридцати семи пар рук.

Чёрт знает что творилось в пятом «А»!

Ни один самый догадливый человек не смог бы понять,

что тут происходит. О чём кричат во всё горло эти восемнадцать мальчишек и девятнадцать девочек и чего они хотят?

И только два человека во всём классе хранили молчание. И это были круглая отличница и гордость класса Аня Залетаева и круглый двоечник и мелкий хулиган Сергей Агафонов.

В общем невообразимом шуме Аня Залетаева сидела тихо-тихо. Она пристально глядела на жёлтую полированную крышку стола, и ни кровинки не было в её лице.

А Сергей Агафонов, сложив руки на груди, с таким невозмутимым и бесстрастным видом глядел перед собой, как будто он находился в тихом скверике, где клевали крошки стайки воробьёв, а на лавках дремали старички и старушки.

За дверью оглушительно заливался звонок, но его не было слышно в пятом «А». Только было слышно, как из раздражающего уши шума вылетали пронзительные крики: «Мусорное ведро!!! Журнал!!! Форточка!!! Воры!!!»

И вот когда этот страшный гвалт дошёл до последней степени и когда у любого из вошедших могла бы уже просто лопнуть голова, — в этот момент вышла вперёд председатель совета Ира Сыркина и подняла руку. И странное дело, шум, как по команде, стих.

Все с пылающими щеками и блестящими глазами глядели на Иру Сыркину.

— Никто не выходит из класса, — скомандовала Ира Сыркина.

Но никто и не думал выходить. Даже Агафонов.

— Садитесь по местам, — скомандовала Ира Сыркина. — Высказываться будем по очереди...

Пятый «А» подчинился. Авторитет Иры Сыркиной действовал безукоризненно.

За дверью гулкой радостной толпой проносились отдыхающие от умственной нагрузки пятый «Б» и пятый «В», а весь пятый «А» в полном составе сидел в классе.

— Кто первый хочет высказаться? — сурово спросила Ира Сыркина.

— Я! — в один голос выкрикнули двенадцать человек и встали.

Остальные двадцать четыре тоже закричали: «Я! Я! Я!» — и вытянули вперёд руки.

— Тише! — приказала Ира Сыркина. — Не все сразу! Синицын, высказывайся!

— Его воры стащили! — не успев встать, закричал Витя Синицын. — Я знаю! Я точно знаю! Сейчас бандитская банда в Москве орудует, классные журналы похищает!

— Чепуха! — отрезала Ира Сыркина. — Гвоздева, говори!

— Его нянечка в мусорное ведро кинула, — волнуясь, заговорила Гвоздева. — Вот помереть мне на этом месте, нянечка! Она, наверно, подумала, что это просто так, какая-нибудь книжка ненужная...

— Тётя Вася в отличие от тебя книжки на помойку не выкидывает, — не дослушав её, сказала Ира Сыркина.

— Это я книжки выкидываю?! — возмутилась Гвоздева, но её перебил Сеня Мордюков, который вдруг выкрикнул прямо с места и без очереди:

— Да нет, он в окно улетел! Был сквозняк, и он — фьють! — и в окно...

— Правильно, — подхватила Кадушкина. — Запросто в окно! Да какие там воры! Кому он нужен? Да мне сто рублей заплати, я бы его не взяла!

— А мне — тысячу! — заявил Сеня Мордюков.

— А мне — миллион!.. А мне — секстильон!.. А мне — сто миллиардов! — раздалось в разных углах класса, и снова, снова поднялся шум.

Ира Сыркина недовольно поморщилась.

— Ребята, давайте ближе к делу! — сказала она. — Ну что вы все чепуху какую-то говорите! Ну при чём тут деньги? Как вам только не стыдно! Мы же выясняем, куда делся журнал!

И тут с места поднялся Алик Спичкин. Щёки его горели. Глаза его... О! Глаза его были сейчас какие-то странные!.. В них что-то было такое... Какая-то тайна, что ли. Да, да, мы не побоимся этого слова! Именно тайна светилась сейчас в глазах Алика Спичкина. И встал он так важно и так торжественно... Все взоры невольно обратились к Алику. А Алик встал и секунду помолчал — видимо, для пущей важности. И вот он сказал:

— Я знаю, куда делся журнал. Вот тут некоторые заявляют, что его не стащили... А его стащили! (Слово «стащили» Алик произнёс чрезвычайно отчётливо, медленно и громко.) Да-да, его стащили. И я это докажу.

Пум! И Алик как подкошенный плюхнулся на свой стул. Это твёрдая нога сидящего сзади Агафонова пнула Алика под колени.

— Ага! — закричал Алик. — Вот видите? Мне не дают сказать! Но пусть все слышат! Меня не запугаешь! Я разоблачу это подлое преступление! Преступник будет наказан!

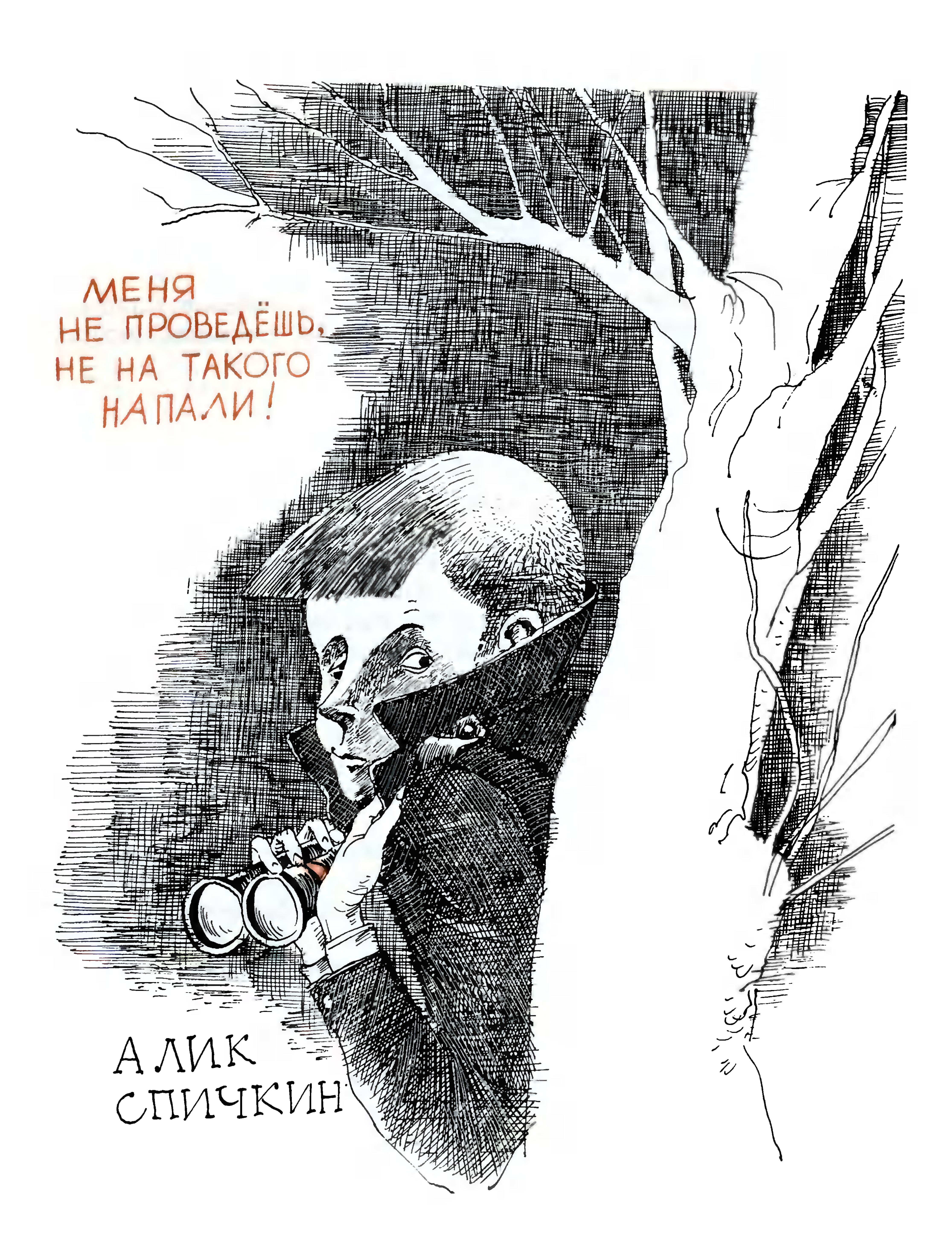
И, обернувшись, он с бесстрашным видом поглядел прямо в невозмутимые жёлтые глаза Сергея Агафонова.

Пятый «А» с немым изумлением взирал на эту сцену...

В лице Агафонова не дрогнул ни один мускул.

— И-эх! — сказал Агафонов. Он глядел на Алика так, как глядят на таракана или на какую-нибудь летучую мышь, и всему классу было видно, что по каким-то причинам Сергей Агафонов не слишком любит Алика Спичкина. Не слишком, не слишком его любит. Даже, наверно, и вовсе терпеть не может...

— Моль бесхвостая! — сказал Агафонов и плюнул.

МЕНЯ НЕ ПРОВЕДЁШЬ, НЕ НА ТАКОГО НАПАЛИ!
АЛИК СПИЧКИН

— Агафонов! Как тебе не стыдно! — закричала до глубины души оскорблённая за Алика Тося Одуванчикова. — Бессовестный! Ира, скажи ему, чтобы он покинул наше собрание!

— А мне плевать на ваше собрание, — невозмутимо ответил Агафонов и вразвалочку вышел за дверь.

И снова все закричали и зашумели...

Но тут зазвонил звонок, и кратковременное классное собрание кончилось, так и не принеся никаких результатов.

«ОН СТОЯЛ ЗА ДЕРЕВОМ»

Тося и Алик шли домой. Щёки у них горели от возбуждения.

— Алик, — говорила Тося, — а ты что, в самом деле подозреваешь Агафонова? А? Алик...

— Может, и его, — туманно отвечал Алик.

— Алик, а почему, почему? — спрашивала Тося.

— Узнаешь, когда время придёт, — говорил Алик.

— Алик, ну, А-а-лик!.. — взмолилась Тося, не выносившая никаких тайн. — Ну скажи, пожалуйста! Ну, прошу тебя! Ну, как это ты понял? Ты что, ВИДЕЛ?

— Видел, — сказал вдруг Алик, и Тося вздрогнула от этого короткого слова.

— Алик, а что ты видел? — осипшим от волнения голосом, почти шёпотом спросила Тося.

— Я видел, как он стоял за деревом, — многозначительно и важно произнёс Алик.

— За каким деревом?! Ну говори скорее! Ну, Алик! Ну, что он за этим деревом делал? Журнал в портфель прятал, а? Да что ж ты молчишь?

— Видела, когда мы вчера из школы выходили, — сказал Алик, — он за деревом стоял?

— Не видела, — чистосердечно призналась Тося. — Он когда снежками начал кидаться, я сразу побежала, и всё...

— Вот в том-то и дело, что не видела, — сказал

Алик. — А надо видеть! Смотреть надо! Настоящий сыщик ничего из виду не упускает!.. А зачем он там стоял, знаешь?

— Нас ждал, — сказала Тося. — Он специально снежки приготовил.

— Плохо ты соображаешь! — сказал Алик. — ОН ЖДАЛ, КОГДА ВСЕ РАЗОЙДУТСЯ...

— Ой! — поняла Тося. — Значит, он хотел вернуться в класс за журналом?

— Вот именно, — сказал Алик. — Теперь, я надеюсь, тебе всё понятно?

Тося, восхищённая Аликиной сообразительностью, молчала.

— Вот так-то, — сказал Алик. — Я по всей Москве преступников искал, а они среди нас ходят! У себя под боком надо было глядеть. Большая была ошибка! Ну ничего. Теперь-то я докажу, на что я способен!

— Алик, а можно, я тебе опять буду помогать? Я ведь этого Агафонова терпеть не могу!

— Нет, — твёрдо сказал Алик. — Я сам его разоблачу. Я хочу, чтобы все в классе поняли, кто я такой и на что я способен.

— Алик, а ты его не боишься? — спросила Тося. Перед её глазами встала та сцена в окне...

— Ещё чего! Да я захочу — его мигом из школы попрут! Всё теперь от меня зависит.

...Когда на следующий день Нина Петровна вошла в класс, она первым делом кинула быстрый взгляд на учительский стол. Журнала на столе не было.

На перемене к ней подошёл с таинственным видом Алик Спичкин.

— Нина Петровна, можно вас на минутку? — сказал он, оглядываясь по сторонам. — Мне вам кое-что сказать надо.

— Я тебя слушаю, Алик.

— Нина Петровна, я не могу больше молчать! — вдруг горячо заговорил Алик Спичкин. И снова оглянулся.

— Да в чём дело, Алик? — сказала Нина Петровна.

— А дело в том, что я знаю, кто журнал стащил! — выпалил Алик.

Нина Петровна побледнела.

— Кто-нибудь в нашем классе?

— Агафонов, — как отрезал Алик. — А больше я вам пока ничего не скажу.

«АНЮТОЧКА, ПОЧЕМУ ТЫ ПЛАЧЕШЬ!»

Ирина Васильевна Залетаева пришла с работы, как обычно, ровно в шесть часов вечера. Она поднялась по лестнице на свой этаж, вынула из кармана ключ и хотела было открыть дверь, но передумала и позвонила. Она знала, что её ждёт дочь Анюточка, что, услышав звонок, она вскочит и побежит открывать ей дверь.

Тр-р-рк... — протрещал звонок.

Ирина Васильевна мысленно улыбнулась, представив себе, как вскакивает со стула Анюта, как она мчится по коридору, как несёт ей в переднюю тапочки.

Но странное дело, сегодня Анюта и не думала торопиться.

Тр-р-рк, тр-р-рк... — нажала два раза подряд Ирина Васильевна.

Анюта не открывала.

Уже нервничая, Ирина Васильевна нажала на звонок

третий раз... И когда дверь всё же не открылась, Ирина Васильевна подумала, что случилось что-то ужасное, что её дочь тяжело заболела.

Быстро вытащила она из сумочки ключ и сунула его в замочную скважину...

В квартире было тихо и темно. Дверь в комнату была прикрыта.

— Анюта! — позвала Ирина Васильевна.

Никакого ответа.

Ирина Васильевна вошла в комнату.

В середине полутёмной, сияющей чистотой комнаты стоял стол с чёрными ножками и блестящей коричневой полированной крышкой. В полированной поверхности стола отражалась синяя вазочка из чешского стекла и лежащие в ней крупные оранжевые апельсины. Мягко колыхались белые тюлевые занавески — форточка была открыта, по комнате разгуливал свежий воздух. Возле торшера с двумя маленькими бумажными абажурами, голубым и жёлтым, на широкой зелёной тахте под большим пуховым платком лежала Аня. Лица её не было видно.

«Что такое? В чём дело? Она спит? Почему она спит?» — вихрем пронеслось в голове у Ирины Васильевны, и она вспомнила, что совсем недавно тоже застала дочь спящей, и тогда ещё удивилась и встревожилась: Аня никогда не спала ни днём, ни под вечер, а теперь вот пожалуйста, опять...

— Анюта... — тихо позвала Ирина Васильевна, подходя к Ане и стараясь заглянуть ей в лицо.

Анины глаза были закрыты. Лицо у неё было бледное. На скулах горели лихорадочные пятна.

— Заболела... — охнула Ирина Васильевна.

Да, теперь у Ирины Васильевны не оставалось никаких сомнений в том, что её единственная, горячо любимая дочь была тяжело больна. И к чести Ирины Васильевны надо заметить, что, поняв это, она не опустила руки и не стала тратить время на ненужные охи и вздохи, а, будучи человеком энергичным и решительным, быстро принялась за дело.

Она побежала на кухню, вынула из буфета картонную коробочку с сухой ромашкой, и через минуту приятный запах цветущего луга уже разливался по всей квартире и доносился до ноздрей Ани, которая вовсе и не думала спать, а только делала вид, что спит, потому что до этого она долго плакала, и глаза у неё были опухшие, и она не хотела, чтобы мама это заметила.

«Мама ромашку варит, — подумала Аня. — Она решила, что я заболела. Сейчас она меня будет ромашкой поить».

И верно. Ирина Васильевна, свято верившая в то, что ромашковый чай помогает от всех болезней, поставила на поднос большую белую чашку и понесла её в комнату.

— Анюточка, — сказала она, присаживаясь с подносом на край тахты, — проснись, дочка. Я тебе чайку сделала.

— Я не хочу, мама, — не поворачиваясь, сказала Аня.

«Так она не спит?! — мелькнуло в голове у Ирины Васильевны. — Я пришла, а она даже не повернулась ко мне?! У неё воспаление лёгких!!!»

— Как это «не хочу»? — сказала Ирина Васильевна. — Обязательно выпей! И повернись ко мне, я тебе лоб пощупаю.

Нехотя, очень нехотя повернулась Аня к маме. Глаза у Ани в самом деле были красные и опухшие.

«Завтра же вызову врача, — с тревогой всматриваясь в дочь, подумала Ирина Васильевна. — У неё температура не меньше сорока...»

Но Анин лоб, как ни странно, оказался ледяным.

— Анюта, — сказала Ирина Васильевна, — ты ужасно выглядишь. У тебя что-нибудь болит?

— Ничего у меня не болит, — отводя глаза, тихо, как будто издалека, ответила дочь.

— Может, ты чего-нибудь хочешь? Может, тебе апельсинчик дать? — допытывалась Ирина Васильевна.

— Не надо, — шёпотом отвечала Аня.

— Но почему? — ещё больше пугалась Ирина Васильевна. Кому, как не ей, было знать, что её дочь обожает апельсины.

Но Аня не отвечала. Она снова отвернулась к стене и вдруг стала плакать.

Худенькие Анины плечи вздрагивали под серым платком, из опухших глаз катились и падали на подушку слёзы, и Ирина Васильевна разволновалась не на шутку. Её любимая дочь, бледная, с кругами под глазами, лежала на тахте, плакала и уверяла, что у неё ничего не болит. А почему она лежала на тахте, почему была такая бледная и почему у неё под глазами круги — неизвестно, и неизвестность эта пугала Ирину Васильевну.

— Анюточка, почему ты плачешь? — спрашивала Ирина Васильевна.

Но Аня молчала, на все вопросы она отвечала только «да» или «нет». И даже когда Ирина Васильевна сказала Ане, что не пустит её завтра в школу, Аня, которая в другой раз стала бы непременно спорить, покорно сказала:

— Хорошо, мама. Я не пойду.

Всё это было странно. Очень странно.

Утром Ирина Васильевна позвонила в поликлинику и вызвала на дом участкового врача Усачёву Розу Борисовну.

ИРИНА ВАСИЛЬЕВНА ПЬЁТ ВАЛЕРЬЯНКУ

За всё утро Аня не сказала ни слова. Она лежала и глядела в потолок.

— Анюточка, о чём ты думаешь? — допытывалась Ирина Васильевна.

— Ни о чём, — говорила Аня.

Но это была неправда.

Аня думала обо всём.

Она думала о классном журнале, который лежал в тёмном углу под ванной, завёрнутый в полиэтиленовый пакет. Она думала о Боре Дубове, который уже никогда на свете не захочет с ней дружить.

Она думала о том, что скажет мама, когда всё узнает.

Она думала о своей пропавшей жизни.

И думать обо всём этом было так тяжело и мучитель-

но, что она закрывала глаза, отчего бедная, ничего не подозревающая Ирина Васильевна совсем пугалась.

Весёлым голосом, как будто всё хорошо и её дочка совсем не больна, она принималась рассказывать Ане про одну сотрудницу, которая на два часа застряла в лифте, и про то, какой замечательный у них на работе будет детский концерт... Но когда в самом весёлом месте Аня вдруг ни с того ни с сего отворачивалась к стене и опять начинала плакать, Ирина Васильевна пугалась ещё сильнее и бежала в ванную принимать валерьянку.

А потом пришла участковый врач Усачёва Роза Борисовна. Она заглянула Ане в горло, послушала у неё пульс и сказала пахнущей валерьянкой Ирине Васильевне:

— Успокойтесь, пожалуйста. Не волнуйтесь так. Ничего ужасного у вашей дочери нет. Должно быть, она переутомилась. Видимо, ваша дочь очень усиленно занимается в школе. Наверное, она старательная ученица.

— О да! — воскликнула Ирина Васильевна. — У меня дочь круглая отличница. Её фотографию...

— Тем более, — сказала Роза Борисовна. — Тем более... Подержите её несколько дней дома. Пусть девочка отдохнёт и наберётся сил.

И доктор Усачёва ушла.

А Ирина Васильевна вернулась в комнату, потеплей укрыла Аню и пошла в ванную ещё раз принять валерьянки. Роза Борисовна не успокоила Ирину Васильевну. Наоборот...

«Не больна? — думала Ирина Васильевна. — Переутомилась? От занятий в школе переутомилась? Да для неё занятия — это одно удовольствие. И почему она именно сейчас переутомилась? Никогда в жизни не переутомлялась, а сейчас... Нет, тут что-то не так. Что-то не так. Что же с ней произошло?..»

Ирина Васильевна не находила ответа. А потом она припоминала, что дочка её вообще последнее время вела себя странно... Ни с того ни с сего явилась в институт.

И в институте вела себя как-то чудно́. Совсем не так, как всегда.

ИРИНА
ВАСИЛЬЕВНА
ПЬЁТ ВАЛЕРЬЯН-
КУ.

Да, она чудна́я в столовой была. Надулась, ни на кого не смотрела, разговаривать ни с кем не желала. Скажут: мать плохо дочку воспитала! Просто стыдно было перед Борисом Борисовичем. Такой приятный мужчина, такой интеллигентный, симпатичный... И сын у него неплохой мальчик. Сразу видно — не хулиган. Вот только на вид глуповатый какой-то. Уставился в витрину... Что он там нашёл? Всё же у такого папы сын мог и поинтереснее быть... И потом, видит — рядом девочка сидит. Мог бы и поговорить с ней, рассказать что-нибудь. Видно, у Бориса Борисовича времени не хватает с ним заниматься. Да это и не удивительно, он учёный, изобретатель... Очень интеллигентный мужчина.

Видно было, что валерьянка наконец оказала своё успокаивающее действие на Ирину Васильевну. Сидя на краешке ванны с пустым стаканчиком из-под капель, Ирина Васильевна стала вспоминать, какой приятный и интеллигентный мужчина их начальник отдела Борис Борисович, и лицо её постепенно прояснялось.

Но потом она посмотрела в пустой стаканчик, вспомнила, почему принимала капли, и заволновалась снова.

«Как же мне узнать, что с Анечкой творится? — думала она. — Что с ней происходит? То вдруг четвёрку ни с того ни с сего получила... Посмотрю-ка, пожалуй, её дневник. Уж не получила ли она, чего доброго, ещё одну четвёрку?!»

И, соскочив с краешка ванны, Ирина Васильевна пошла в комнату, чтобы проверить, всё ли в порядке в Анином дневнике.

ЧТО ЗА ПИСЬМО!!

Оказалось, что Аня задремала. И не то чтобы задремала, а по-настоящему спала, тихонечко даже посапывая.

Ирина Васильевна открыла Анин портфель.

Что такое? В дневник, прямо в серединку, был вложен какой-то конверт, согнутый пополам.

«Письмо? — подумала Ирина Васильевна, распрямляя конверт. — Интересное дело, от кого же это она письма получает? Что-то я об этом письме ничего не знаю».

На конверте было написано: «Москва, 112114, Молодёжная ул., дом 7, кв. 38. Ане Залетаевой. Лично».

Обратного адреса не было.

Недолго думая Ирина Васильевна вынула из конверта письмо и принялась читать:

«Здравствуйте, Аня. Это пишет вам Борис Дубов...»

Что?! Этого ещё не хватало! Что это ещё за Борис Дубов?!

У Ирины Васильевны даже перехватило дыхание от сильнейшего волнения, и она вскочила со стула и опрокинула его на пол.

Ирина Васильевна вся подобралась, смотря расширенными глазами на дочь. Но Аня спала. Грохот стула не разбудил её.

Тогда Ирина Васильевна тихонечко подняла стул, тихонечко-тихонечко на него села и стала читать письмо дальше.

«Извините, пожалуйста, что я вам пишу письмо, хотя мы с вами даже совсем не знакомы. Мне вообще ужасно стыдно... выкиньте его на помойку... Две недели тому назад я впервые увидел вашу фотографию в журнале «Пионер» у моего папы на работе, где также работает ваша мама, Залетаева Ирина Васильевна...»

Что?! Какого ещё папы?!

Ирина Васильевна подняла глаза от письма и в смятении уставилась на Аню...

Да неужели это Бориса Борисовича Дубова сын? Ну

конечно, как же она сразу не догадалась! Тут ясно сказано — Борис Дубов.

Ирина Васильевна с трудом усидела на стуле.

Так вот, значит, где собака зарыта...

Бедная девочка! Теперь всё понятно. Она же такая впечатлительная! С таким напряжением занимается. Устаёт. Скоро конец четверти. Она особенно старается, все силы отдаёт учёбе... А тут это письмо!.. Так неожиданно!.. Так внезапно!.. Анюта не находит себе места. Она едет в институт. В институте она встречается в столовой с этим мальчишкой... Это приводит её в страшное волнение... И вот пожалуйста, результат!.. Анюта больна.

Нет, так этого оставлять нельзя! Надо немедленно позвонить Борису Борисовичу. Надо всё ему рассказать. Надо попросить его, чтобы он повлиял на сына. Чтобы объяснил ему, что нельзя морочить голову такой впечатлительной девочке, да ещё под конец четверти!.. Чего доброго, снова напишет ей письмо! Да тогда Аня вообще в больницу попадёт!..

Ирина Васильевна быстро оделась и выскочила на улицу к телефонной будке.

Всё ещё дрожа от волнения, она набрала нужный номер и услышала в трубке мягкий негромкий голос:

— Алло, вас слушают!

— Борис Борисович? — сказала Ирина Васильевна. — С вами говорит ваша сотрудница Залетаева...

— Добрый день. Я вас слушаю, Ирина Васильевна. Вы, кажется, чем-то взволнованы? Что случилось?

— Вы даже представить себе не можете, что случилось! — сказала Ирина Васильевна. — У меня заболела дочь!.. А заболела она оттого, что получила письмо от вашего сына!

— От кого?!

— От вашего сына! Он, видите ли, письмо ей написал!

— Но разве может человек заболеть, получив письмо, Ирина Васильевна? Только в том случае, видимо, если оно очень плохое... А я, Ирина Васильевна, знаю своего сына и уверен, что ничего плохого он не мог написать.

— Как вы не понимаете, Борис Борисович?! — воcклик-

нула Ирина Васильевна. — Ведь он отвлекает девочку от занятий! Вот послушайте только, что он пишет...

И она приготовилась прочесть выдержку из письма, где Боря Дубов писал о концерте, как вдруг услышала из трубки:

— Я вас прошу не делать этого. Не утруждайте себя, Ирина Васильевна. Должен признаться, что мне не доставит никакого удовольствия слушать чужое письмо!

— ЧУЖОЕ?! — воскликнула в величайшем удивлении Ирина Васильевна. — Да его же ВАШ СОБСТВЕННЫЙ сын писал!!!

— Вы меня извините, Ирина Васильевна, — сказал Борис Борисович, — у меня больше нет времени. Но имейте в виду: если вам надо посидеть несколько дней с дочерью дома, то пожалуйста... Всего доброго!

— До свиданья, — сказала Ирина Васильевна.

Расстроенная, поднималась она по лестнице.

«Интеллигентный человек, — думала она, — а ничего не понял. Вот если бы у него у самого дочь была, он бы тогда всё понял...»

Поковыряв в замке ключом и открыв дверь, Ирина Васильевна вошла в квартиру...

И тут произошло нечто такое, о чём мы не можем не рассказать.

Войдя в квартиру, Ирина Васильевна столкнулась нос к носу со своей дочерью, стоявшей босиком на холодном полу в передней с раскрытым дневником в руках.

НЕПРИЯТНАЯ ТИШИНА

Аня спала недолго.

Ей приснилось, как будто мама вытащила из-под ванны классный журнал...

С тяжело колотящимся сердцем Аня побежала в ванную.

Зелёный классный журнал, обёрнутый в полиэтиленовую бумагу, лежал на своём месте под ванной, в правом углу, у самой стены.

Нет. Больше молчать она не может. Сейчас она решится и всё расскажет маме. Сейчас, сейчас она возьмёт себя в руки и всё ей расскажет. Пусть мама всё про неё узнает. Пусть она говорит что хочет. Пусть ужасается. Пусть ругает её на чём свет стоит. Пусть даже побьёт. Вот хорошо бы было, если бы она её побила! А то будет плакать ещё. Нет уж, лучше пусть поколотит её хорошенько! Сейчас Аня встанет, пойдёт на кухню и всё ей расскажет. Она просто больше не может молчать. Она просто скоро разорвётся на кусочки от своей огромной и страшной тайны.

Аня прислушалась. В квартире была тишина. Из кухни не доносилось ни звука. Неужели мама ушла в магазин? Значит, она одна дома? Совсем одна?.. Господи, какая тоска!..

Аня побрела в комнату. Подошла к письменному столу.

Пока нет мамы, она ещё раз перечитает письмо Бори.

Аня взяла в руки портфель. Он почему-то был открыт. Из портфеля торчал край школьного дневника!

Трясущимися руками Аня вытащила дневник и оцепенела... Письма в дневнике не было.

Минуты две в полной неподвижности стояла Аня босая на холодном полу. Стояла и глядела в пустой дневник.

Четыре пятёрки, как весёлые толстенькие циркачки, прыгали и двоились перед её глазами. Пятёрка по русскому, пятёрка по английскому, пятёрка по математике, пятёрка по труду... Прыг, прыг...

И тут щёлкнул замок, в квартиру вошла Ирина Васильевна.

Пятёрка по труду и пятёрка по английскому высоко подскочили, сделали сальто-мортале и поменялись друг с другом местами.

— Анюта, кто тебе позволил встать? — сказала Ирина Васильевна. — И почему ты стоишь босиком? Сейчас же ложись в постель!

Ирина Васильевна сказала это очень строго, но голос

у неё почему-то немножко дрожал и оттого прозвучал не очень уж решительно.

Аня медленно повернула к ней лицо. В Аниных губах не было ни кровинки.

— Мама, где моё письмо?

— Какое письмо? — сказала Ирина Васильевна и неожиданно для самой себя покраснела, как девочка.

Долгим-долгим взглядом Аня посмотрела в лицо своей матери и, не сказав больше ни слова, пошла обратно к своей постели.

Голые Анины ноги тихо прошлёпали по натёртому до блеска полу, голые Анины руки распрямили и натянули прямо на голову, на самую макушку, тёплый серый платок... и в комнате воцарилась тишина.

— Анюта, ты не проголодалась? — попробовала нарушить тишину Ирина Васильевна.

Но после её вопроса тишина не замедлила вернуться.

Это было неприятно Ирине Васильевне. Это тревожило её.

— Ну да, я взяла письмо, — нервно сказала Ирина Васильевна. — А что, собственно, произошло?..

После этих слов Ирина Васильевна замолчала, и тишина не замедлила снова вплыть в комнату. Она была такая плотная и густая, эта тишина, что Ирине Васильевне показалось, что у неё заломило в ушах, и ещё ей показалось, что если она не будет продолжать говорить, эта тишина просто раздавит её.

— Ну что я такого сделала? — сказала Ирина Васильевна. — Ну подумаешь, прочла это глупое письмо! Ну нельзя же в самом деле из-за такой чепухи так расстраиваться!

Её слова повисли в тишине. Аня молчала. Вместе с ней молчала вся полутёмная комната. Молчал шкаф, молчали полированный стол и мягкие стулья, молчали прозрачные тюлевые занавески, молчали апельсины в синей вазочке, а за окном в темноте бесшумно падали с неба мягкие белые хлопья.

— Что же ты молчишь? — сказала подавленно Ирина Васильевна. — Ну скажи что-нибудь.

И тогда она услышала из-под платка, очень тихонечко, как из какой-то далёкой дали:

— Мама, ты читала чужое письмо. Как тебе не стыдно!

— Это мне стыдно?! — закричала Ирина Васильевна. — Это тебе должно быть стыдно, ты ведь в классе всем пример должна подавать! Ты ведь староста! Отличница учёбы!

И Ирина Васильевна снова замолчала, подыскивая нужные слова.

И тогда она услыхала... Она всё ожидала услышать, но только не это. Да-да, всё что угодно, но только не это, не это...

Она услыхала из-под платка, как из глубокого-глубокого колодца:

— Я больше не отличница, мама. И не староста. И в школу я больше никогда в жизни не пойду.

АГАФОНОВ ИДЕТ ЗА ТОСЕЙ

В этот день Тося Одуванчикова пришла в школу в половине восьмого. Ей не терпелось посмотреть, лежит ли классный журнал на столе.

Нет, классный журнал не лежал на столе. Зато в классе было, как никогда в это время, полно народу. В классе стоял гул. Во всех углах ещё горячо обсуждалось недавнее событие.

Но день прошёл как обычно.

Отличался он от других дней только тем, что учителя, как и вчера, выставляли отметки не в журнал, а в тетрадку или просто на белый тетрадный листок.

После уроков к Тосе подошла Ира Сыркина.

— Тося, у меня к тебе поручение от совета отряда, — сказала она. — Сходи сегодня к Ане, навести её. И захвати с собой учебники, расскажешь ей новые уроки.

— А почему именно я? — удивилась Тося.

— А потому, что ты сидишь вместе с Аней за одним столом. А у нас в классе такой порядок: кто с кем сидит, тот к тому ходит объяснять уроки. Понятно?

— Понятно, — вяло сказала Тося.

У них в той школе тоже был такой порядок. Но там Тося сидела со своей лучшей подругой Нинкой Кошкиной, и ей и говорить не надо было, чтобы она её навещала. Она и так к ней приходила каждый день, даже когда та и не болела...

После уроков Алик Спичкин обещал Тосе посвятить её в свои планы по выслеживанию Агафонова. А теперь иди к этой, к Залетаевой!.. Да она её даже в дом не пустит. Как Ира Сыркина этого не понимает?..

Алик вызвался идти вместе с ней, но Тося отклонила его предложение. Она сказала, что пойдёт к Ане сама и постарается как можно скорее отбарабанить заданные на дом уроки. Алик пусть ждёт её в скверике возле Аниного дома. И тогда уж они спокойно смогут обо всём поговорить.

Ой как не хотелось Тосе идти к Ане Залетаевой! Как не хотелось!

Ещё подумает, что она к ней подлизывается!

Ещё подумает, что она с удовольствием пошла! Только и ждала, чтобы к ней пойти! Только и мечтала!

Ещё подумает, что она сама напросилась!

Очень не хотелось Тосе идти к Ане Залетаевой! Но... Порядок есть порядок. Тут уж ничего не поделаешь.

Сергей Агафонов был доволен.

Потоптавшись на школьном крыльце, пошептавшись и посмотрев по сторонам, Одуванчикова и Спичкин разошлись в разные стороны. Спичкин пошёл налево, Одуванчикова — направо.

Подождав, пока Тося отойдёт на порядочное расстояние, Агафонов отправился за ней. Зачем? Он не знал. Просто ему хотелось идти вслед за Тосей. А что, не имеет он права, что ли, идти куда ему хочется?

Тося Одуванчикова направлялась не к своему дому. Уж что-что, а где Тосин дом, Агафонов знал прекрасно.

Тося шла не спеша и помахивала портфелем. Агафонов шёл следом.

Сначала он шёл по другой стороне улицы и на почтительном расстоянии от Одуванчиковой. Он думал — вот она сейчас оглянется и увидит его.

«Вот ещё! — думал Агафонов. — Ещё подумает, что я за ней иду».

Но Тося и не думала оглядываться.

Спокойно и медленно шла она по улице и только портфельчиком помахивала взад-вперёд, взад-вперёд, взад-вперёд.

Тогда Агафонов стал потихоньку приближаться. Сначала он перешёл на ту сторону улицы, где шла Тося.

«А вдруг обернётся?» — думал он.

Но она не оборачивалась.

Тогда он ускорил шаг и подошёл к Тосе ещё ближе.

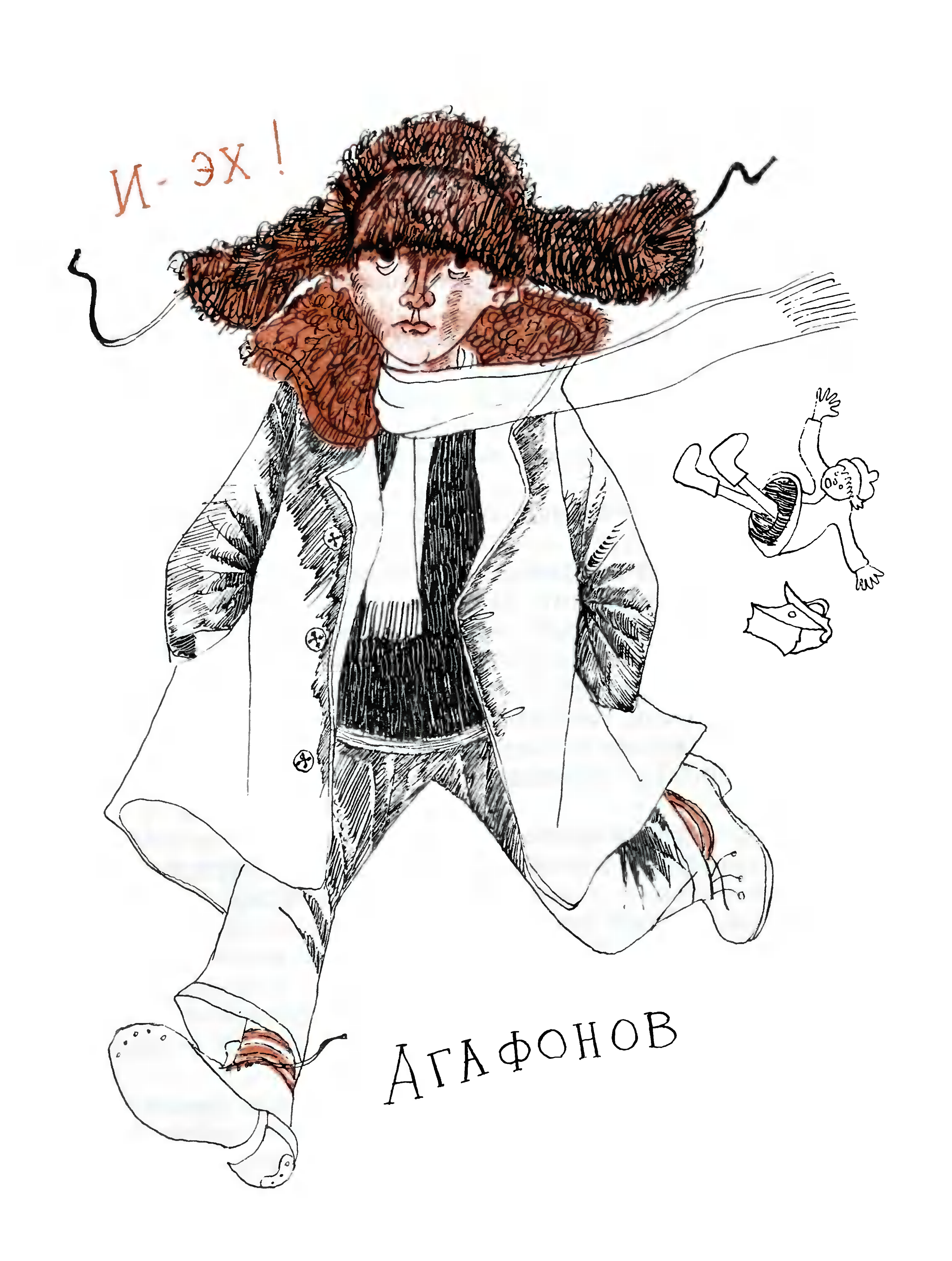
«Подумаешь, ну и пусть оборачивается!» — отчаянно подумал он.

Но она не оборачивалась.

И тогда Агафонов, забыв всякую осторожность, пошёл за Тосей почти вплотную. Отчаянное сердце Агафонова сжимало непонятное волнение.

«Вот дура, — думал он, — не может обернуться!»

А она всё не оборачивалась.

И-эх!
Агафонов

Тогда он стал насвистывать какой-то мотивчик, сначала тихо, потом всё громче и громче...

Но она не оборачивалась.

И тогда Агафонов решился.

Он сплюнул, лихо надвинул свою драную кроличью шапку почти на самые глаза, поглубже засунул руки в карманы и, как торпедный катер, на полном ходу двинулся вперёд на ничего не подозревающую, безмятежную Тосю Одуванчикову.

Тося охнула и отлетела в сторону.

— Дурак! — донеслось до Агафонова...

И столько неподдельного чувства было вложено в это нехитрое слово, что Агафонову стало не по себе.

Он обернулся. Тося синей варежкой стряхивала с шубы снег.

— Эй, ты! — сказал Агафонов. — Ты не очень-то! А то...

И лицо его по привычке скорчило такую угрожающую гримасу, что ему самому стало тошно и противно.

— Дурак! — ещё раз сказала Тося и, не глядя более на Агафонова, прищурив глаза и подняв кверху свой маленький нос, усеянный бессчётным числом нежно-жёлтых микроскопических веснушек, прошествовала мимо... Мимо оторопевшего и незадачливого, мимо поверженного в прах и совершенно раздавленного Тосиным величием Сергея Агафонова.

Остаток пути не был отмечен более никакими событиями. Понурый и совершенно потерявший форму Сергей Агафонов брёл, не говоря ни слова, за Тосей Одуванчиковой, а она, Одуванчикова, шествовала впереди, и портфель её мерно двигался взад-вперёд, взад-вперёд, взад-вперёд, а брови её были высоко подняты, и гордый взгляд её блуждал где-то в далёком неземном пространстве.

Так они дошли до большого серого дома. Ещё шаг — и Тося скрылась в подъезде.

— Эй ты, рыжая... — сказал Агафонов в тёмную глубину подъезда, и тут обидное слово «дурак» снова с размаху шлёпнулось прямо в бесстрашное, но ранимое сердце Сергея Агафонова.

Сергей Агафонов вздохнул, повернулся к подъезду спиной и, подкинув в воздух свой долготерпеливый и растрёпанный до последней степени портфель, с такой ненавистью пнул его ногой, что бедное, ни в чём не повинное изделие кожгалантерейной фабрики имени Макарова, описав в воздухе громадную дугу, плавно опустилось на заснежённую крышу двухэтажного деревянного сарая, покорно ожидающего своей очереди быть снесённым в третьем квартале текущего года.

— И-эх! — с чувством сказал Сергей Агафонов и полез на крышу сарая.

«КОГО ВАМ НУЖНО, МИЛОЕ ДИТЯ!»

Войдя в тёмный подъезд и поднявшись на лифте до десятого этажа, Тося остановилась перед большой коричневой дверью, вынула из кармана бумажку в клеточку и сверила по бумажке номер квартиры.

Всё было правильно. Квартира номер тридцать восемь, где жила Аня Залетаева, была прямо перед Тосиными глазами.

Тося аккуратно сложила бумажку и сунула её в карман. Потом она медленно отряхнула пальто, хотя оно, честно говоря, было совершенно чистое, потом протянула руку к звонку.

Но звонить не стала. Рука застыла в воздухе. Потом рука опустилась и стала расстёгивать пальто. Наверное, Тосе было жарко.

Расстегнув пальто, Тосина рука снова потянулась к звонку, но на сей раз ей почему-то потребовалось немедленно застегнуться на все пуговицы.

Всё было ясно: Тосе ужасно не хотелось звонить в эту дверь. И стучать ей тоже не хотелось. А уж входить в неё и подавно.

Тяжело вздохнув, а затем застегнув и снова расстегнув пальто, Тося постояла на лестничной площадке, подошла к двери напротив и перечитала фамилии жильцов, которые были на табличке. Читала она эти фамилии с таким ин-

тересом, словно ей надо было попасть именно в эту квартиру.

Потом она увидела на стене рядом с дверью маленькое белое пятнышко и поскребла его ногтем.

После этого она собралась было снова перечитать фамилии жильцов, но тут дверь с табличкой открылась. Из неё вышел громадный гражданин в шляпе и заинтересованно уставился на Тосю.

— Кого вам нужно, милое дитя? — громоподобным голосом пропел гражданин.

— Мне?.. — растерялась Тося. — Мне нужно... Скажите, пожалуйста, Аня Залетаева здесь живёт?

— Ах, Залетаева? Аня?.. То бишь Анна Васильевна Залетаева?.. Извольте... — прогрохотал гражданин. — Всегда к вашим услугам... Прошу...

И он величаво выставил вперёд правую руку, а левой рукой обнял оробевшую Тосю за плечи и подтолкнул к Аниной двери.

— Будьте здоровы, милое дитя! — пропел он уже из лифта. — В следующий раз обращайтесь прямо ко мне!

— Большое спасибо! — сказала Тося вдогонку спускающемуся лифту.

И тяжело вздохнула.

Делать было нечего.

Тося решительно протянула руку и нажала на звонок.

Тр-р-рк!.. — затрещал звонок. И тут же за дверью противно залаяла собака.

«Сейчас откроют», — подобралась внутренне Тося.

Но дверь никто не открывал.

«Никого нет», — обрадовалась Тося и позвонила ещё раз, уже очень решительно, просто так, на всякий случай.

И тут...

Собачий лай превратился в нежное повизгивание, в нём зазвенели радостные переливчатые нотки, и за дверью послышались чьи-то медленные, осторожные шаги. Вернее, даже не шаги, а только лёгкое поскрипывание пола под ногами.

Сердце Тоси оборвалось.

«Дома», — безнадёжно подумала Тося.

— Кто там? — услышала она тихий знакомый голос.

— Это я, — сдавленным голосом сказала Тося. — Я пришла уроки объяснить. Меня Ира Сыркина послала.

За дверью помолчали, а потом дверь медленно стала приоткрываться. На площадку выскочила маленькая лохматая собачонка и с лаем бросилась к Тосиным ногам.

— Чапка, не смей! — услышала Тося, подняла глаза и обомлела.

КОРОЛЕВА АНЯ ЗАЛЕТАЕВА

Перед ней стояла Аня.

Нет, это стояла не Аня. Это стояла королева.

Королева Аня Залетаева была одета во что-то необыкновенное. Что-то совершенно королевское. Нет, даже царское... Что-то огромное. Что-то блестящее и малиновое. Какая-то потрясающая невиданная одежда!

Тяжёлые широкие складки этой одежды спускались до самого пола, и только потрескавшиеся кончики Аниных чёрных, видавших виды тренировочных тапочек осторожно и почтительно выглядывали из-под неё.

По всей этой изумительной одежде — Тося никак не могла сообразить, как же она могла называться, раньше она наверняка называлась бы бальным платьем королевы, — гордо расхаживали разноцветные, переливающиеся павлины, а между павлинами были раскиданы желтоватые и зеленоватые цветы.

Плечи этой одежды кончались там, где начинались острые Анины локти, и Аня должна была держать руки чуть-чуть кверху, чтобы огромные рукава, собранные на руках широченной малиновой гармошкой, не свалились бы вниз.

Целую минуту Тося не могла закрыть рот от удивления и восторга.

Зрелище было действительно захватывающее. На плечах у Ани красовался китайский шёлковый халат, принадлежащий её маме и купленный ею по недорогой цене в комиссионном магазине лет семь тому назад.

И хотя лицо у Ани было бледное, почти зелёное, а под глазами красовались синие круги, и хотя из малинового, расшитого жёлтыми цветами ворота выглядывала очень тонкая и худая Анина шея, всё равно Аня была в этом халате как королева. Вот ведь что одежда делает с людьми!

Но Ане, по-видимому, это было всё равно. Пока Тося слегка вытаращенными и блестящими от восторга глазами оглядывала китайский атласный малиновый халат, Аня, не зная, что делать и что сказать, запихивала тапочкой под коврик для ботинок какую-то нитку, неизвестно откуда взявшуюся в этой блестевшей чистотой прихожей.

Безмолвная сцена длилась не менее минуты

Наконец...

— Здравствуй, — робко выговорила Тося.

— Здравствуй, — не поднимая глаз от нитки, отвечала Аня.

— Ну как, объяснять тебе? Или, может, ты не хочешь?.. Если ты не хочешь, ты скажи, я уйду... — забормотала Тося и нерешительно взглянула на Аню, ожидая, что она скажет, и даже взялась было за ручку двери на всякий случай.

— Как хочешь, — сказала Аня, опуская глаза и изо всех сил стараясь быть равнодушной. — Как хочешь. Если хочешь — уходи...

Собака всё лаяла и вертелась между ними в узкой прихожей, а они всё стояли друг против друга, и Тося совершенно не знала, что делать. Аня, видно, только и хотела, чтобы она поскорее ушла. Она, наверно, ждала, когда наконец можно будет закрыть за нею дверь.

— Ну, я пошла, — сказала Тося, нажимая на ручку.

— Ну и уходи, — сказала Аня, стараясь, чтобы голос её не дрожал.

Что-то в этом голосе заставило Тосю насторожиться.

— Но, может, мне всё же...

— Не надо, — хрипловато сказала Аня. — Уходи.

Тося взглянула на Аню повнимательнее. Что такое?.. Анины губы дрожали. Из правого глаза выкатывалась слезинка.

Тося не поверила своим глазам. Аня?! Плачет?! Что это с ней?

— Так я останусь, а? — сказала вдруг Тося. — Можно, я останусь? Я тебе только уроки объясню и сразу уйду... Я быстро. Ты не бойся!

И вдруг вся нерешительность слетела мигом с Тоси, и она стала быстро-быстро раздеваться.

— Давай повешу, ты не достанешь, — ожившим голосом сказала Аня, беря в обе руки Тосино зимнее пальтишко. — А вот тапочки. Надевай, у нас знаешь как жарко!

— Давай, — сказала Тося, садясь на табуретку и стягивая тёплые ботинки. — У нас тоже дома жара. И чего они так топят, а?

— Не знаю, — удивлённо и даже радостно сказала Аня. — Прямо сама не понимаю, чего они так топят! Дышать нечем!

И они с Тосей посмотрели друг на друга, и почему-то обе засмеялись, хотя как будто ничего смешного не было в том, что дома так топили.

— Пойдём, ты не стесняйся, — сказала Аня, взяв Тосин портфель. — Мы дома одни с Чапкой.

— А я и не стесняюсь, — весело сказала Тося. — Ты знаешь, я вообще нестеснительная.

И через минуту они уже сидели рядом за столом и Тося старательно объясняла Ане домашние задания.

Аня сидела и слушала.

«Я даже не спросила, чем она заболела, — думала про себя Тося, поглядывая на Аню. — Выглядит она ужасно, вон какие круги под глазами. Да, очень плохо она выглядит...»

«Сейчас кончит и уйдёт, — думала Аня. — Кончит объяснять и уйдёт... Тося, не уходи, пожалуйста. Я хочу рассказать тебе, Тося. Я всё тебе расскажу. Только не уходи».

«И чего я на неё обижалась? — думала Тося. — Вот дура! Нашла на кого обижаться! Да она же очень хорошая... Да она замечательная! Вон какая бледная. И худая. И такие круги под глазами у неё... Выглядит она ужасно. Да нет, прекрасно она выглядит! Просто расчудесно она выглядит!»

«Не уходи, Тося, — думала Аня. — Пожалуйста, не уходи...»

— Ну вот и всё, — сказала Тося, поднимаясь. — Теперь я пойду, да?

Аня не отвечала. Она сидела и смотрела в окно.

— Тося, не уходи, пожалуйста, — вдруг тихо сказала Аня. — Если тебе не трудно, побудь ещё немножко.

— Ой, да мне совсем не трудно! — обрадовалась Тося. — Да я с удовольствием! Мне у тебя знаешь как нравится! — И она от всей души погладила по белой лохматой спине вертящуюся во все стороны Чапку.

— Давай чаю попьём! — сказала Аня. — У нас печенье есть миндальное и сушки с маком. Давай?

— Давай, — сказала Тося, и они пошли на кухню ставить чайник.

— Ну вот, — сказала Аня. — Вот... А нравится тебе наш кактус?

— Замечательный у вас кактус! — сказала Тося, притрагиваясь к кактусу и тут же быстро отдёргивая руку.

Тут они обе неловко помолчали.

— А посмотри, какой у нас балкон, — вскакивая, сказала Аня.

— Потрясающий у вас балкон! — сказала Тося. — И вообще у вас такая квартирка уютная! Прелесть!

— А правда у нас из окна красиво? — сказала Аня. — Вон там, видишь, парк. А вон там, слева... нет, не туда смотришь, ещё левее... там драматический театр. Ты любишь в театр ходить?

— Люблю... — сказала Тося. — Ань, а что ж ты не спросишь про классный журнал? Ты знаешь, он ведь так и не нашёлся! Сегодня опять учителя отметки на бумажку ставили.

— Да? — побелевшими губами сказала Аня.

— Ну да! — живо подхватила Тося. — Представляешь, вот бессовестный! Взял и не возвращает! Нина Петровна сказала, чтобы журнал через два дня был на месте, а этот и не думает его на место класть. И не положит. Даю тебе слово, что не положит. Что я его, не знаю, что ли?!

— А про кого ты говоришь? — с большим трудом выговорила Аня. — Кто... не положит?

— Как кто? Да Агафонов, конечно! Кто же ещё? Ведь это же он журнал стащил!

Тося вдруг прервала себя и испуганно покосилась на Аню. Аня пыталась налить в чашку чай, но кипяток, брызгаясь, проливался то на блюдце, то на стол.

— Дай я налью, — сказала Тося. — Всё-таки странная история, правда? Зачем Агафонову понадобился классный журнал?

И тут Аня Залетаева выпрямилась и поглядела прямо в Тосины глаза. Её лицо было белым как мел.

— Это вовсе не Агафонов. Это я взяла журнал, — сказала Аня.

И она повернулась и, путаясь в полах халата, пошла из кухни.

А Тося так и осталась сидеть с раскрытым ртом и с застывшей рукой, в которой было зажато миндальное печенье.

ПЛАНЫ АЛИКА СПИЧКИНА

А в это самое время Алик Спичкин, как было условлено, приближался к Аниному дому.

В сквере перед домом Тоси не оказалось.

«Чего это она? — подумал Алик. — С ума, что ли, сошла, уже целый час у Залетаевой торчит! Нашла у кого гостить!»

Алик захотел присесть на лавочку, но лавки были покрыты снегом и вообще было довольно холодно. Алик стал прохаживаться взад и вперёд перед Аниным домом.

Ничего, что Тося не шла. Это даже было хорошо. Ему надо было кое-что обдумать.

«Так, значит, сделаем вот что, — думал Алик, отпечатывая на чистом белом снегу ровные следы. — Возьму бинокль, влезу на дерево перед агафоновским домом и буду вести наблюдение.

...А если там занавески?.. Так. Не годится.

...А если нет занавесок?.. Тоже не годится. Он меня запросто увидит. Дерево прямо перед окном. Нет, не пойдёт.

Тогда вот что. Сделаем у него в доме обыск. Ого, это идея! Приду с милицией и сделаю у него обыск. Так и скажу в милиции:

«Товарищи, Агафонов украл классный журнал. У него надо сделать обыск...»

...А если он его выкинул или сжёг? Он ведь не дурак его в доме держать! Нет, Агафонов не дурак. Это он только притворяется балбесом, знаем мы его! Этот Агафонов жутко хитрый! Его, Алика Спичкина, на мякине не проведёшь. Не на того напал. Всё равно он выведет

Агафонова на чистую воду. Только как это сде́лать? Как?»

Так думал Алик Спичкин и всё ходил и ходил взад и вперёд перед залетаевским домом — весь снег утоптал...

И не знал, не знал Алик Спичкин, что сверху, с высоты двухэтажного деревянного сарая, глядит на него Агафонов и, глядя на него, думает: «Ах ты моль бесхвостая! Ты чего это тут топчешься?! Опять за своё?! Ну, погоди!»

«ТОСЯ, ПРОСТИ МЕНЯ!»

Тося осторожно положила нетронутое печенье обратно в вазочку. Что такое? Может, она ослышалась?

Аня сказала что-то странное, что-то очень чудно́е... Пошутила?.. Но она была такая серьёзная. И такая бледная...

Тося встала с табуретки. Чапка вертелась у её ног.

— Чапка, это правда? — спросила Тося. Но Чапка ничего не сказала. Тогда Тося взяла Чапку на руки и пошла за Аней.

Ани в комнате не было. Тося заглянула под тахту, под стол, потом она открыла двери в туалет и в ванную. Ани нигде не было.

Страшная мысль пришла Тосе в голову, и от этой мысли у неё даже задрожали руки — вдруг Аня выпрыгнула из окна?

Тося побежала обратно в комнату... Окно было заклеено, и даже форточка была закрыта.

Тося перевела дух.

Весёлая Чапка сидела у неё на руках и, повизгивая, облизывала ей ухо. Тося спустила её на пол.

— Чапка, ищи Аню! — приказала она.

Чапка прыгала и вертела хвостом. Несерьёзная, видно, это была собака.

— Чапка, ищи Аню, — став на четвереньки и глядя прямо в глаза Чапке, раздельно, по слогам повторила Тося.

Но глупая Чапка продолжала веселиться.

Тогда Тося вспомнила, что собакам дают понюхать какую-нибудь вещь пропавшего человека, схватила Чапку, посадила её на тахту и сунула носом прямо в пуховый платок.

Чапка повертела головой, чихнула, и вдруг до неё, как видно, дошло. С деловым видом соскочила она с тахты и, оглядываясь на Тосю, побежала в коридор. Тося бросилась за ней.

Чапка царапалась в какую-то дверь в коридоре. Это, видно, была дверь кладовки.

Тося прислушалась. Из-за двери раздавался приглушённый плач. Аня плакала в тёмной кладовке. Дверь была закрыта изнутри.

Тося тихонечко постучала:

— Аня, открой, пожалуйста!

Аня не открывала, только плакать стала ещё сильнее.

— Анечка, открой, — сказала Тося. — Ну открой, прошу тебя. Ну что ты там сидишь? Там же темно! — Тося уже потихонечку хлюпала носом: она не выносила, когда кто-нибудь плакал, да ещё так плакал!..

Ей отвечали только прерывистые Анины рыдания.

— А-а-ня! — проревела уже в полный голос совершенно расстроенная Тося. — Откро-ой-ой сей-ча-ас же!..

И тут Тосины рыдания смешались с Аниными и на какое-то время даже перекрыли их.

Чапка наблюдала всю эту сцену с безмолвным удивлением.

В квартире № 38 по Молодёжной улице стоял оглушительный рёв.

ВЫЙДИ! ВЫЙДИ! ВЫЙДИ!
НИКОГДА!

Если бы в это время сюда пришёл какой-нибудь посторонний человек — скажем, слесарь или управдом, — то глазам бы его представилась странная сцена.

На полу, перед дверью кладовки, сидит смешная рыжая девочка в школьной форме и, горько всхлипывая и вытирая мокрое лицо о мягкую собачью спину, произносит время от времени:

— Выйди! Выйди! Выйди!

А в ответ непонятно откуда, кажется из-под пола или из-за стены, сквозь глухие всхлипы и прерывистые рыдания доносится невнятно и отчаянно:

— Ни за что! Ни за что! Ни за что! Никогда!

Но всему приходит конец. Плакать без конца тоже невозможно. И даже любившая поплакать Тося Одуванчикова, с чувством поплакав перед дверью кладовки, вскоре поняла, что плакать ей больше не хочется. Надо было приниматься за какое-то другое, более полезное дело.

И вот напоследок, насухо вытерев лицо совершенно уже мокрой Чапкой, Тося прерывисто вздохнула и замолчала.

Это был не просто конец плача. Это был хитрый манёвр.

Плач за дверью тоже потихоньку смолк.

— Тося... — послышался из-за двери слабый, дрожащий голос. — Ты где?

Тося не отвечала. Она даже Чапке погрозила пальцем: «Молчи!»

— Тося... — послышалось снова из-за двери.

Тося снова не ответила.

Дверь кладовки стала медленно открываться. В двери показалось освещённое тусклой лампочкой, до невозможности зарёванное и опухшее от слёз Анино лицо.

Увидев сидящую на полу Тосю, Аня выползла из кладовки и опустилась рядом.

Малиновое озеро с расписными павлинами расплылось по тёмной прихожей.

— Я думала, ты ушла, — прерывающимся шёпотом сказала Аня.

— Да что ты! — сказала тоже шёпотом Тося. — Куда я уйду? Как же я тебя оставлю?

— Ты знаешь, мне даже легче стало, — сказала Аня. — Я даже не понимаю почему. Ты не представляешь, как мне тяжело было!

— Ещё как представляю! — горячим шёпотом откликнулась Тося. — Я тоже один раз во втором классе у одной девочки плюшевого медвежонка стащила. Так мне тоже так тяжело было! Я прямо видеть его не могла, этого медвежонка! Я его теперь всю жизнь вспоминаю!.. А тут — классный журнал. Ещё бы не тяжело!

— Вот видишь, какая я, — сказала Аня. — Ты, наверно, от меня такого не ожидала.

— Вообще-то да, — честно призналась Тося. — Но только ты не плачь! — испугалась она, видя, что Анины глаза снова наливаются слезами. — Подумаешь, классный журнал! Чепуха на постном масле!.. Нашла из-за чего плакать! Ты мне лучше расскажи всё по порядку. Ладно? Я всё пойму. Ты не бойся.

И, сидя на полу в тёмной прихожей и чувствуя рядом тёплый Тосин бок, Аня всё ей рассказала. Да, всё она рассказала Тосе — и про Борино письмо, и про тройку с минусом, и про журнал, — и отзывчивая, полная жалости и сострадания Тося только охала, слушая этот потрясающий рассказ.

«Господи, ну и дура же я! — проносилось в голове у Тоси. — И чего я думала, будто она вредная? Да она такая хорошая, прямо ужас! И ничего удивительного,

что Боря Дубов в неё влюбился. Она же просто замечательная! А журнал, ну, журнал — это пустяки!»

И Тося с преданной любовью смотрела на распухший и красный, как помидор, Анин нос и на её глаза, которые от слёз стали совсем как щёлочки, и на всё её такое жалкое и такое беспомощное сейчас лицо.

— Ерунда! — говорила Тося. — Ерунда! И чего ты так плакала? Да подумаешь, журнал, дело какое! Что его, обратно, что ли, нельзя положить? Вот уж чепуха на постном масле!

— Понимаешь, я не могу, — говорила ей Аня. — Я боюсь. Я теперь даже к школе близко подойти боюсь. Я даже из дома выйти боюсь. Мне кажется, все на меня смотрят. И потом, мне стыдно. Мне так стыдно, я даже тебе сказать не могу, как!

— Знаешь что, — говорила Тося в великодушном порыве, — если ты боишься, я сама это сделаю, вот что! Да, да, я сама его обратно положу!

И Аня смотрела на Тосю, как смотрела бы, наверное, на ангела, если бы ангел вдруг, откуда ни возьмись, появился бы на свете и влетел бы, похлопывая белыми крылышками, в квартиру номер тридцать восемь и уселся бы рядом с Аней на полу в прихожей.

— Неужели ты это сделаешь? — говорила Аня, и глаза её снова начинали блестеть от слёз.

— Сделаю, — говорила Тося. — Ты не беспокойся. Да это мне ничего не стоит. Вот пустяки-то — журнал на стол положить!

— А если кто-нибудь увидит?! — волновалась Аня.

— Да я так сделаю, что ни одна живая душа не увидит. Ты только не волнуйся!

— Тося, — говорила Аня, — Тося... — и бросалась обнимать и целовать Тосю, и той даже приходила в голову мысль: а не сошла ли Аня с ума от горя и переживаний? Так это было непохоже на Аню, что она вдруг лезла целоваться...

— Тося, прости меня, — говорила Аня, — я была такая вредная!

— Да что ты! — с жаром защищалась Тося. — Это

ты меня прости! Это я вредная была! Прямо ужас, а не человек!

А потом вдвоём они вытаскивали из-под ванны классный журнал и всовывали его в Тосин портфель.

А потом они прощались, и напоследок Тося Одуванчикова мерила в кухне китайский малиновый халат, так поразивший её воображение.

СЦЕНА С ПОРТФЕЛЕМ

Когда Тося Одуванчикова спускалась по лестнице на улицу, на сердце у неё было и весело и тревожно.

Посреди двора стоял Алик. Вид у него был совсем замёрзший.

— Ну ты даёшь! — услышала она. — Я тебя целых два часа жду! Я весь окоченел, пока ты там с «классной доской» рассиживала. Ты что, с ума, что ли, сошла? О чём это вы там могли беседовать?

«Так я тебе и сказала!» — подумала Тося. Но вслух произнесла:

— Не сердись, Алик. Я уроки Ане объясняла. А потом мы с ней пили чай. И вовсе она не «классная доска»! Зря ты её так называешь.

— Что? — удивился Алик. — А ты сама-то как её называла?

— Мало ли что, — сказала Тося. — Может, я дура была. И вообще она очень даже хорошая!

Эта незначительная фраза заставила Алика насторожиться. И ему даже захотелось обидеться, что он моментально и сделал.

— Очень интересно, — сказал Алик, надувшись как индюк. — Я тут стою на морозе, а они чай распивают за моей спиной.

— Алик, ну прости, — примирительно сказала Тося. — Пойдём, а?

— Может, теперь ты и дружить с ней начнёшь?.. Давай-давай, дружи...

Похоже было, что он разозлился.

— И начну, — сказала вдруг Тося. — И тебя не спрошусь. Подумаешь, какой начальник нашёлся!

Это решительное заявление несколько охладило пыл Алика Спичкина.

— Ладно, давай портфель, — сказал он. — Думаешь, легко на морозе два часа ждать?

И он протянул руку к Тосиному портфелю.

Алик теперь носил Тосин портфель, но только когда знал, что никто из одноклассников этого не видит. Если ему казалось, что кто-нибудь видит, он сразу совал портфель обратно в Тосины руки. Да, такая странная особенность была у Алика Спичкина. И Тося охотно прощала ему эту странность. И она охотно разрешала ему носить свой портфель. И сейчас она хотела отдать его Алику, но спохватилась...

— Спасибо, Алик, — сказала Тося. — Не беспокойся. Лучше я его сама понесу.

Белые брови Алика Спичкина сошлись у переносицы.

— Как так «сама»? Почему это «сама»? Всегда не «сама», а сейчас вдруг «сама»?

Может, эта Залетаева подговаривала Тоську против него, Алика Спичкина, чтобы она с ним не дружила? Всё ясно. Так и было.

— А ну давай сюда портфель! — рассердился Алик. И он схватил Тосин портфель и изо всех сил потащил его к себе.

— Отдай! — закричала Тося. — Не твой и не бери!

Но Алик вцепился в портфель мёртвой хваткой, как будто вместе с Тосиным портфелем он хотел вернуть себе Тосину дружбу.

Но Тося ни за что на свете, хоть режьте её на кусочки, не отдала бы сейчас портфель. Шутка ли, в портфеле лежал классный журнал! С покрасневшим лицом изо всех сил тянула она к себе свой портфель... Но Алик не отпускал.

Кажется, пришла пора вмешаться третьему действующему лицу.

И третье действующее лицо не замедлило вмешаться.

С громким криком «И-эх!» оно соскочило с двухмет-

ровой высоты и кинулось в атаку. Оно подскочило к обидчику и занесло над ним увесистый кулак.

— Отдай портфель! — угрожающе прорычало третье действующее лицо. — Ах ты моль бесхвостая!

И третье действующее лицо со страшной силой дёрнуло портфель в третью сторону.

И тогда бедный Тосин портфель, не выдержавший такого бурного натиска, раскрылся, и всё, что там было, и тетрадки, и учебники, и пенал, и... (ой, Тося даже глаза закрыла!) классный журнал — всё, всё вывалилось прямо в снег.

Ах!

Тося, как пантера, метнулась к журналу, укрывая его своей грудью от посторонних взоров, а третье действующее лицо недолго думая стало дубасить Алика Спичкина своими кулачищами.

— Я тебе покажу, как чужие портфели хватать! — приговаривало оно.

Бедный Спичкин совсем растерялся. Он часто заморгал белыми ресницами и даже закричал тоненько:

— Мама!

А Тося не могла прийти к нему на помощь, потому что вынимала из снега журнал и прятала его между учебниками и тетрадками и засовывала обратно в портфель.

Но зато уж потом...

— Алик, держись! — закричала она. И разбежа-

лась и так наподдала Агафонову головой в живот, что тот даже отлетел.

— Вот тебе! — сказала Тося. — Дурак, хулиган!.. Пойдём, Алик.

И она схватила бедного Алика за руку и потащила его скорее подальше.

«Так я же...» — хотел ей вдогонку сказать Агафонов, но только почесал ушибленный живот и так ничего и не сказал.

Не умел говорить Сергей Агафонов. Плохо он умел выражать свои мысли. А если бы умел он их выражать хорошо, то вот что он сказал бы вдогонку Тосе Одуванчиковой:

«Так я же хотел как лучше! Эх ты, дура ты, дура! Ничего-то ты не поняла!»

А Одуванчикова и Спичкин быстро удалялись. И эта моль бесхвостая, этот портфеленосец, этот рвотный порошок время от времени поворачивался и грозил издали кулаком ему, лучшему драчуну класса Сергею Агафонову.

— Дела-а! — произнёс удивлённо и задумчиво Сергей Агафонов.

Никогда в жизни не был так удивлён и озадачен самый отчаянный и самый отстающий ученик пятого класса «А».

Никак он не ожидал, что эта Одуванчикова, эта тихоня, умеет так драться!

«Дела-а! — подумал ещё раз Агафонов. — Такая девчонка... Отличная девчонка!.. И на что он ей сдался, этот трус?!»

Вон они идут, голубчики, вдвоём, чуть ли не за руки держатся, а он тут стоит один, дурак дураком...

И, подумав об этом, Агафонов в сердцах сплюнул на снег, сунул в рот два пальца и так оглушительно свистнул, что стая ворон с шумом поднялась с соседнего дерева и полетела догонять Одуванчикову и Спичкина.

МАМА!!

«ВОТ ЭТО НОМЕР!»

Некоторое время Тося и Алик шли молча.

Время от времени Алик оборачивался и устрашающе грозил Агафонову кулаком, что должно было, несомненно, означать: «Ты ещё у меня поплачешь!» А Тося шла и думала о своём.

Очень волновала её одна вещь. Она не знала, никак не могла понять, заметил ли кто-нибудь выпавший из портфеля классный журнал?

Заметили или не заметили?

Тося искоса взглянула на Алика. Воинственный пыл Алика всё увеличивался, по мере того как увеличивалось расстояние между ним и Агафоновым. Лицо у Алика становилось всё злее, а складка между белых бровей всё более решительной.

— Зря ты вообще в это дело вмешалась, — вдруг сказал Алик. — И кто тебя просил?

— Что?

Тося поняла не сразу: мысли её витали вокруг классного журнала.

— А то! — сказал Алик. — Не надо было мне мешать, вот что! Если бы не ты, я бы его так излупил! От него мокрое место бы осталось!..

— А-а, — сказала Тося рассеянно.

«Видели или не видели? Заметили или нет?»

— Послушай-ка, Алик, — вдруг сказала она. — Скажи честно, ты всё знаешь?

«Про что это она?» — подумал Алик. Но вслух сказал

на всякий случай и сделал при этом очень важное и таинственное лицо:

— Может, кое-что и знаю.

— А что ты знаешь? — безразлично спросила Тося.

— А всё знаю, — сказал Алик. — Я всё знаю, ты не думай.

— Так, значит, ты видел? — Большие голубые Тосины глаза с тревогой глядели прямо в глаза Алика.

— Ещё бы, — сказал Алик. — Я всё вижу, не беспокойся.

Тося побледнела.

— Алик, — сказала она с усилием, — а ты никому не скажешь?

Тут Алик слегка растерялся.

— Не скажу, — сказал он нерешительно.

«Что же это она имеет в виду? — подумал Алик. — Про что это она?» Но как настоящий сыщик виду не подал.

Лицо Тоси было необычайно серьёзно.

— Клянись! — сказала Тося.

— Клянусь! — сказал Алик.

Тося вздохнула с облегчением.

— Я так и знала, — сказала она. — Я знала, что ты меня не выдашь... Вот, неси, — сказала она и дала ему свой портфель.

Алик взял портфель. Он был совершенно сбит с толку. Он нёс портфель и ничего не понимал.

— Алик, — сказала вдруг Тося, — а ты не поможешь мне его обратно положить? Ты знаешь, я боюсь ужасно. У меня прямо руки и ноги трясутся.

«Про что это она? — опять подумал Алик. — Что обратно положить? Почему у неё руки и ноги трясутся? Ничего не понимаю!»

Он посмотрел сбоку на Тосю, и вдруг одна странная мысль пришла ему в голову.

«А что, если... Что, если это она про журнал, про пропавший классный журнал говорит?»

От этой мысли у Алика даже пересохло в горле. И он остановился как вкопанный.

Ну конечно, конечно, она говорит про классный журнал, про что же ещё? И как же это он сразу не догадался?

— Тоська, — закричал он, — так, значит, журнал у тебя?

— Какой журнал? — тоже остановившись и сильно побледнев, сказала Тося.

— Да журнал классный! Ты ведь сейчас сама призналась, что он у тебя.

— Я?.. Призналась? — вдруг тихо сказала Тося. И она быстро вырвала у Алика свой портфель. — Ничего я не признавалась. И чего ты выдумываешь? Какой-то журнал... Ничего у меня нет.

И тогда Алик Спичкин, как настоящий сыщик, пошёл на хитрость.

— Да я же поклялся! — сказал он. — Ты не бойся, я никому не скажу. У тебя он или не у тебя?

Тося остановилась и поглядела долгим-долгим, испытующим взглядом на Алика.

— Нет у меня никакого журнала! — негромко и решительно сказала Тося. — И вообще я тороплюсь. Пока.

И она повернулась и пошла. А Алик так и остался стоять на месте.

«Вот это номер! — думал он. — У неё журнал! У неё! Провалиться мне на этом месте! И как же я сразу не догадался? А я-то, дурак, ей про Агафонова... А она поддакивает, поддакивает... Вот тебе и тихоня! Обвела меня вокруг пальца. Притворялась хорошей такой, а сама... Ну ничего, это мне урок будет. Если хочешь быть настоящим следователем, никому нельзя доверять! Никому!»

АЛИК СПИЧКИН ПОДНИМАЕТ РУКУ

Приближались каникулы. Приближался концерт для детей в институтском клубе. Но Боря Дубов думал теперь о предстоящем концерте без всякой радости.

«Она не придёт, — думал Боря. — А если и придёт, то ни за что не станет со мной разговаривать. После той

встречи в столовой... Да она же совершенно теперь убеждена, что я полный дурак. Нет-нет, она не придёт...»

И тогда Боря решил ехать на Молодёжную улицу.

Сквер перед домом был пуст. Аня смахнула с лавочки снег, села и принялась чертить что-то веткой на земле.

Опять её грызла тоска.

«Мало того, что я украла журнал, — думала она, — я ещё и Тосю впутала в эту историю!.. Ну почему она должна расхлёбывать за меня мой ужасный поступок? Как это нечестно, гадко, отвратительно! Как мне такое могло прийти в голову?.. И что я вообще тут сижу? Мне надо идти в школу и во всём сознаться. Во всём, во всём сознаться. Хватит уже! Я и так столько времени потеряла!..»

И Аня вскочила и быстро пошла между деревьями.

У выхода она столкнулась с каким-то мальчишкой, пробормотала «извините» и, не поднимая головы, двинулась дальше.

Она шла в школу.

Она не видела, как мальчишка долго-долго глядел ей вслед, а потом повернулся и решительно направился за ней.

А в школе между тем происходили вот какие события.

Тося Одуванчикова, придя в класс ни свет ни заря, выдвинула ящик учительского стола и, воровато озираясь, сунула в него классный журнал. Потом пулей выскочила из класса и бросилась в пионерскую комнату, которая находилась на втором этаже.

К счастью, пионерская комната оказалась открыта.

Тося вбежала в неё и дрожащей рукой закрыла дверь на крючок. Потом, отдуваясь как паровоз, села на стол, где были разложены изделия кружка «Умелые руки». Ещё немножко, и пластилиновый пионер, вылепленный учеником третьего класса Перепетуевым Валентином Ивановичем, как гласила табличка, висевшая у пионера на шее, оказался бы просто куском пластилина.

Тося испуганно поправила покосившегося пионера и стала ждать.

Так ждала она и смотрела то на вышитые салфетки, то на часы, а потом на дощечки, оформленные художественным выжиганием (по дощечкам ходили рогатые олени), а потом снова на часы и, наконец, только на часы, только на большую стрелку часов, которая медленно и постепенно подползала к началу урока... И только когда на часах стало двадцать минут девятого, Тося слезла со стола с экспонатами, причём оказалось, что она сидела на белой кругленькой салфеточке, обвязанной кружевами и вышитой розами.

Тося расправила это помятое художественное изделие и робко выползла из пионерской комнаты.

Когда она вошла в класс, пятый «А» гудел как улей.

Увидев Тосю, Гвоздева и Собакина бросились к ней и чуть не сбили её с ног. Они схватили её за руки и потащили к учительскому столу.

— Журнал... Нашёлся... — прерывистыми от волнения голосами сообщили они ей по дороге. — Вот лежит... Гляди!

— Ну и что? — сказала Тося, стараясь казаться равнодушной. — Подумаешь! Что я, журнала не видела?

— Как?! — Гвоздева и Собакина разом выпустили Тосю и поглядели на неё как на сумасшедшую. — Да ты что?!

Они оставили Тосю в покое и бросились в правый угол. Там горячо обсуждалось возвращение журнала. Толстый Петька Фёдоров, первым вошедший сегодня в класс, весь красный, со слезами на глазах клялся и давал честное слово, что это не он положил журнал в учительский стол. А Нинка Сорокина в сотый раз рассказывала, как она полезла в стол за мелом, смотрит, а он... лежит...

Агафонова, между прочим, ещё в классе не было, и те, кто имел подозрения на Агафонова, недоуменно пожимали плечами.

— Ну что, разоблачил? — спрашивал почти каждый у Алика Спичкина, но Алик с гордым и таинственным видом отмалчивался.

Все ждали начала урока. Первый урок был русский язык.

И вот...

Зазвенел звонок, и в класс вошла Нина Петровна. Ещё с порога Нина Петровна взглянула на учительский стол.

Подойдя к столу, она взяла в руки журнал, внимательно перелистала его и только потом произнесла:

— Здравствуйте, ребята. Садитесь.

Все ожидали, что она ещё что-нибудь скажет, но Нина Петровна как ни в чём не бывало начала урок.

Это несколько разочаровало учеников пятого «А». Но когда за несколько минут до окончания урока Нина Петровна вдруг произнесла: «Ребята, сегодня после уроков состоится классное собрание. Попрошу вас не расходиться!» — пятый «А» снова заметно оживился.

Нина Петровна шла в учительскую.

Под мышкой она несла классный журнал.

По дороге ей попался Агафонов. Вид у него был, как всегда, непроницаемый.

«Спасибо тебе, — благодарно подумала Нина Петровна, — всё-таки у тебя есть совесть. Недаром я за тебя заступалась».

Когда Нина Петровна снова вошла в класс, все уже чинно сидели по местам. Никто не вертелся, не шушукался, и даже Гвоздева с Собакиной не шептались, как всегда, а смотрели возбуждёнными глазами на Нину Петровну, словно хотели сказать: «Ну, скорее, скорее... Давайте же скорее начнём собрание! Давайте скорее всё узнаем!»

Нина Петровна оглядела притихший класс. На всех лицах было написано волнение, любопытство и напряжённое ожидание.

Место Ани Залетаевой пустовало.

«Жалко, что старосты нет, — подумала Нина Петровна. — Не вовремя она заболела».

Сидевшая одна Тося Одуванчикова сегодня выглядела

неважно. Обычно такая весёлая и румяная, сегодня она была бледной и подавленной.

— Ну что ж, начнём, — сказала Нина Петровна. — Итак, ребята, пропавший журнал нашёлся. Вот он лежит на столе. Я очень рада, что он нашёлся. И всё же, ребята, я бы хотела знать, кто из вас положил его на стол.

В классе стояла тишина. Слышны были сквозь закрытые окна отдалённый гул стройки и шум машин.

— Я жду, ребята, — сказала Нина Петровна. Она глядела на класс.

Ученики пятого «А» глядели друг на друга. Все ждали — вот поднимется чья-то рука. Вот кто-то сознается... Некоторые, не скрывая, посматривали на Агафонова.

Сама Нина Петровна изо всех сил старалась на него не глядеть. Она смотрела на Петю Фёдорова, у которого от возбуждения пылали уши, на Гвоздеву с Собакиной, которые вертелись как на иголках, на такого важного и торжественного сегодня Алика Спичкина, на Тосю Одуванчикову, которая и в самом деле выглядела сегодня совсем плохо — ходила, наверно, навещать Аню, уж не заразилась ли от неё?.. На Агафонова она старалась не смотреть, но волей-неволей взгляд её несколько раз коснулся его скуластого непроницаемого лица.

Агафонов глядел в окно. Да, твёрдый это был орешек.

«Ну подними, пожалуйста, руку, — мысленно молила его Нина Петровна. — Ну сознайся. Ну что тебе стоит? Ведь тебе же будет лучше, если ты сознаешься...»

Молчание становилось уже просто невыносимым.

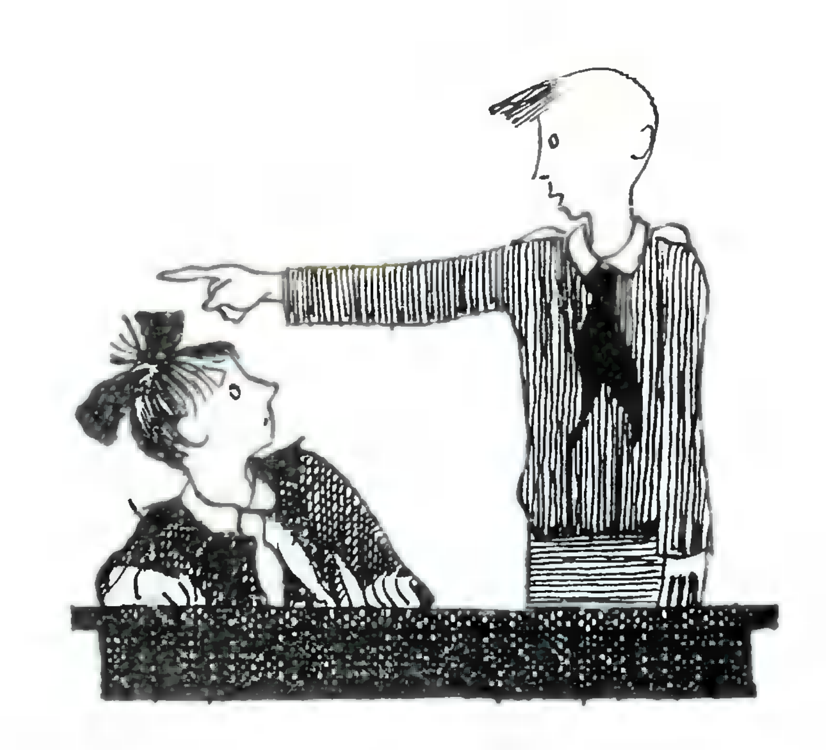
— Так. Никто не сознаётся, — сказала Нина Петровна. — Это очень жалко. Честно говоря, я была уверена...

И тут весь класс повернулся, как один человек: руку поднял Алик Спичкин.

«Алик, погоди! — захотелось крикнуть Нине Петровне. — Погоди! Пусть он сам сознается!»

Но Алик уже вставал с места.

— Я знаю, кто это сделал, — отчеканивая каждый слог, сказал Алик. — Этот человек сидит здесь, в классе.

Все большими глазами глядели на Алика. Алик молчал.

— Ну кто, кто? Говори скорей! — не выдержала Гвоздева.

Многие, уже не стесняясь, в упор смотрели на Агафонова. Агафонов оставался невозмутимым.

— Вы хотите знать, кто этот человек? — сказал Алик. — Это Одуванчикова.

Тося Одуванчикова побледнела.

Все взгляды, все, как один, устремились теперь на Тосю, и под этими взглядами Тося Одуванчикова вся как-то сникла и съёжилась за столом, и даже яркие её волосы как будто сразу поблёкли.

«КТО ВЗЯЛ ЖУРНАЛ!»

В классе стояла гробовая тишина.

Все смотрели на рыжий Тосин затылок, который опускался всё ниже и ниже.

Агафонов тоже уже не смотрел в окно. Лицо его, только что абсолютно непроницаемое, стало вдруг растерянным и даже жалким. И он, как и все, уставился в Тосину спину.

А Тосина спина всё сгибалась и сгибалась и, наконец, согнулась в три погибели.

Нина Петровна с трудом приходила в себя.

— Тося, это правда? — наконец выговорила она.

Тося молчала. Крупные слёзы уже падали из её глаз.

ЖУРНАЛ 5 А
ДА ЧТО ЖЕ ЭТО ТАКОЕ?!

— Мы с Одуванчиковой дружили, — сказал Алик, — но это ничего не значит... Она не оправдала...

— Да заткнись ты! — вдруг зло сказала Гвоздева. — Без тебя разберутся!

— Тося, — тихо сказала Нина Петровна, — это ты положила журнал?

— Да, — еле слышно произнесла Тося. Слёзы уже вовсю катились по её лицу.

— Одуванчикова, — сказала убитым голосом Нина Петровна, — отвечай: зачем ты брала журнал?

— Да не брала она! — послышался вдруг небрежный голос Агафонова. — Это я взял...

По классу прошёл гул, как проходит гул по морю перед надвигающимся штормом.

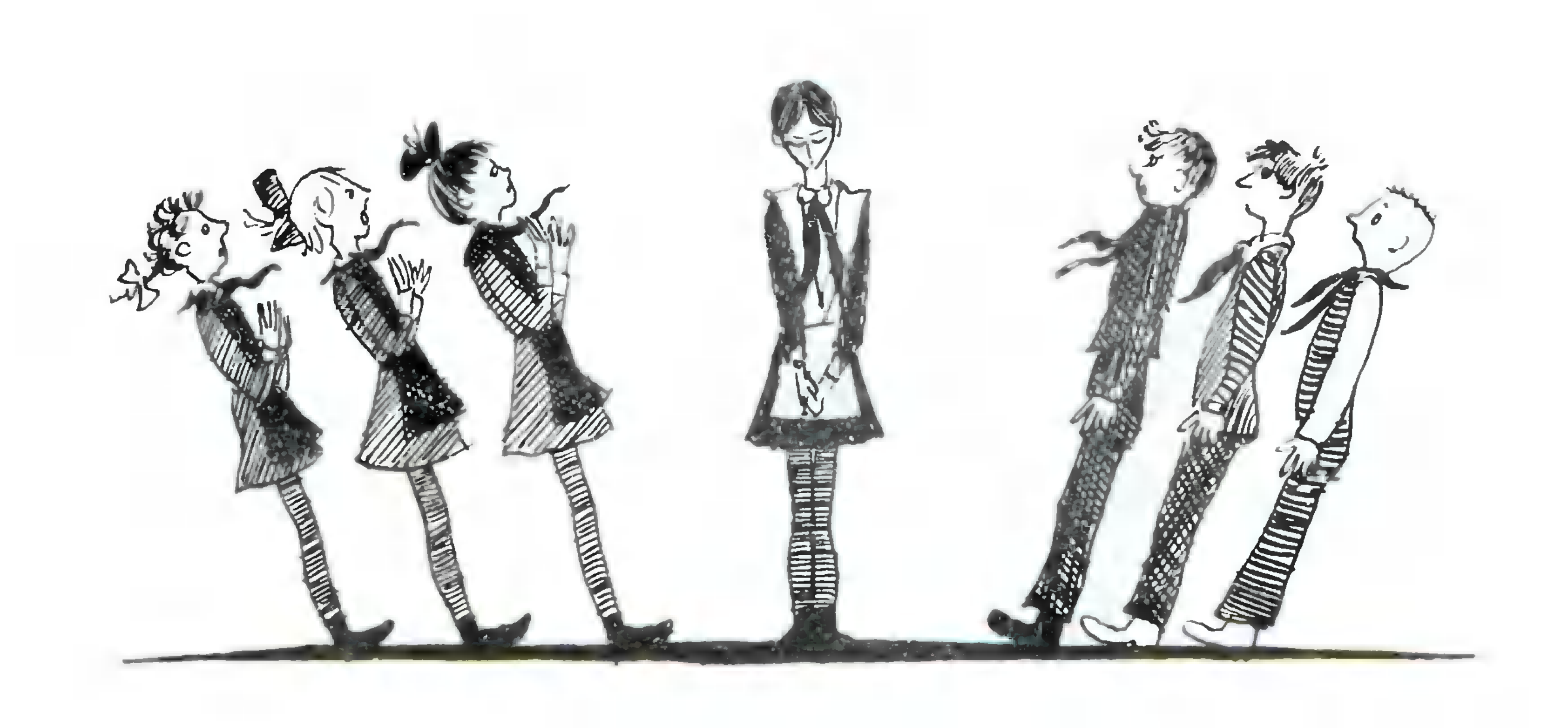
— Не верьте ему! — закричал Алик. — Это она взяла! Она! Я точно знаю! И обратно она его положила, я доказать могу.

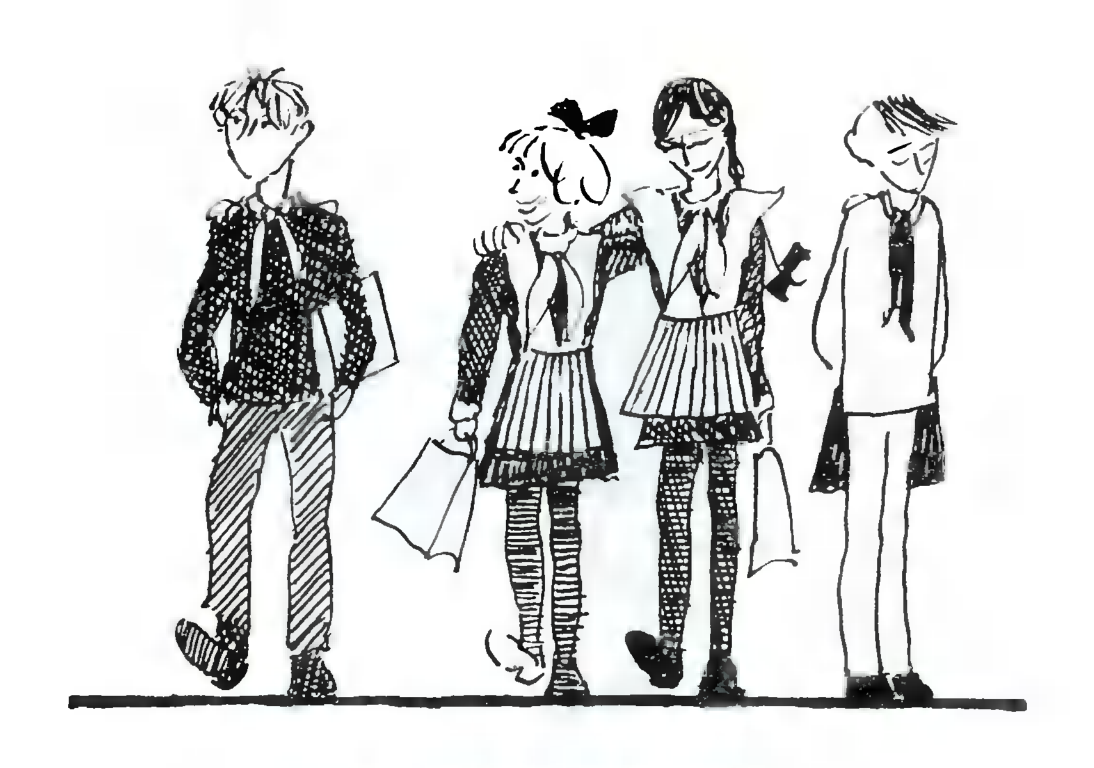
— Нет, я взял! — перебил его Агафонов. — Взял — и всё. А потом, думаю, ладно, так уж и быть, обратно положу. И положил.

— Господи, да что же это такое? — жалобно сказала Нина Петровна. — Вы меня совсем с ума сведёте! Кто же, в конце концов, взял журнал?

И в это самое время дверь пятого «А» скрипнула и приоткрылась, и в класс вошла Аня Залетаева.

— Нина Петровна, это я взяла журнал... — тихо сказала Аня.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Мы не будем рассказывать вам о том, что было дальше на классном собрании.

Мы только скажем, что продолжалось оно ещё долго.

Долго-долго была закрыта дверь пятого класса «А». Долго-долго за ней то наступала полная тишина, то поднимался невообразимый шум.

И вот...

Дверь пятого «А» открылась. Раскрасневшиеся пятиклассники высыпали в коридор и парами и кучками, возбуждённо переговариваясь, направились по лестнице в раздевалку.

Среди них шли и Аня с Тосей. Они шли рядышком, бок о бок. Их окружали Гвоздева с Собакиной, и Вера Пантелеева, и Витька Синицын, и многие другие.

Чуть поодаль шёл с независимым видом Сергей Агафонов. И Тося иногда незаметно оборачивалась и благодарно поглядывала на него, отчего Сергей Агафонов краснел всё с тем же независимым видом.

А ещё поодаль, совсем позади всех, брёл незадавшийся следователь Алик Спичкин. Настроение у него было мрачное.

Ну, вот и всё.

На этом мы, пожалуй, и кончили бы нашу повесть. Но...

Мы совсем забыли рассказать вам ещё об одном важном для нашей повести событии.

На школьном крыльце стоял и ждал Аню Залетаеву ученик шестого класса 628-й средней школы Борис Дубов.

ДЛЯ МЛАДШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Ирина Михайловна Пивоварова

**ТРОЙКА С МИНУСОМ,
ИЛИ
ПРОИСШЕСТВИЕ В 5 «А»**

ИБ № 5747

● ● ● ● ● ● ● ● ● ● ● ● ●

Ответственный редактор *Л. И. Доукша*. Художественный редактор *Н. З. Левинская*. Технический редактор *Н. Г. Мохова*. Корректоры *В. В. Борисова* и *Л. А. Рогова*. Подписано к печати с готовых диапозитивов 10.11.81. Формат 70×90/16. Бум. офс. № 1. Шрифт школьный. Печать офсетная. Усл. печ. л. 10,53. Усл. кр.-отт. 22,24. Уч.-изд. л. 7,34. Тираж 100 000 экз. Заказ № 1312. Цена 45 коп. Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Детская литература» Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1. Калининский ордена Трудового Красного Знамени полиграфкомбинат детской литературы им. 50-летия СССР Росглавполиграфпрома Госкомиздата РСФСР. Калинин, проспект 50-летия Октября, 46.

Пивоварова И. М.

П32 Тройка с минусом, или Происшествие в 5 «А». Повесть. Рис. Г. Юдина. М., «Дет лит.», 1982

143 с. с ил.

Весёлая повесть о школьной жизни.

П $\frac{4803010102—023}{М101(03)82}$ 209—82 Р2

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

Преступник И. В. Мишкин.

2 Алик в засаде.

Тося ведёт милиционеров.

6 И. В. Мишкин отстреливается.

План операции.

3 И. В. Мишкин пытается скрыться.

4 Тося бежит в милицию.

7 И. В. Мишкина ведут в тюрьму.

8 Министр вручает Алику и Тосе золотые часы

Цена 45 коп.

